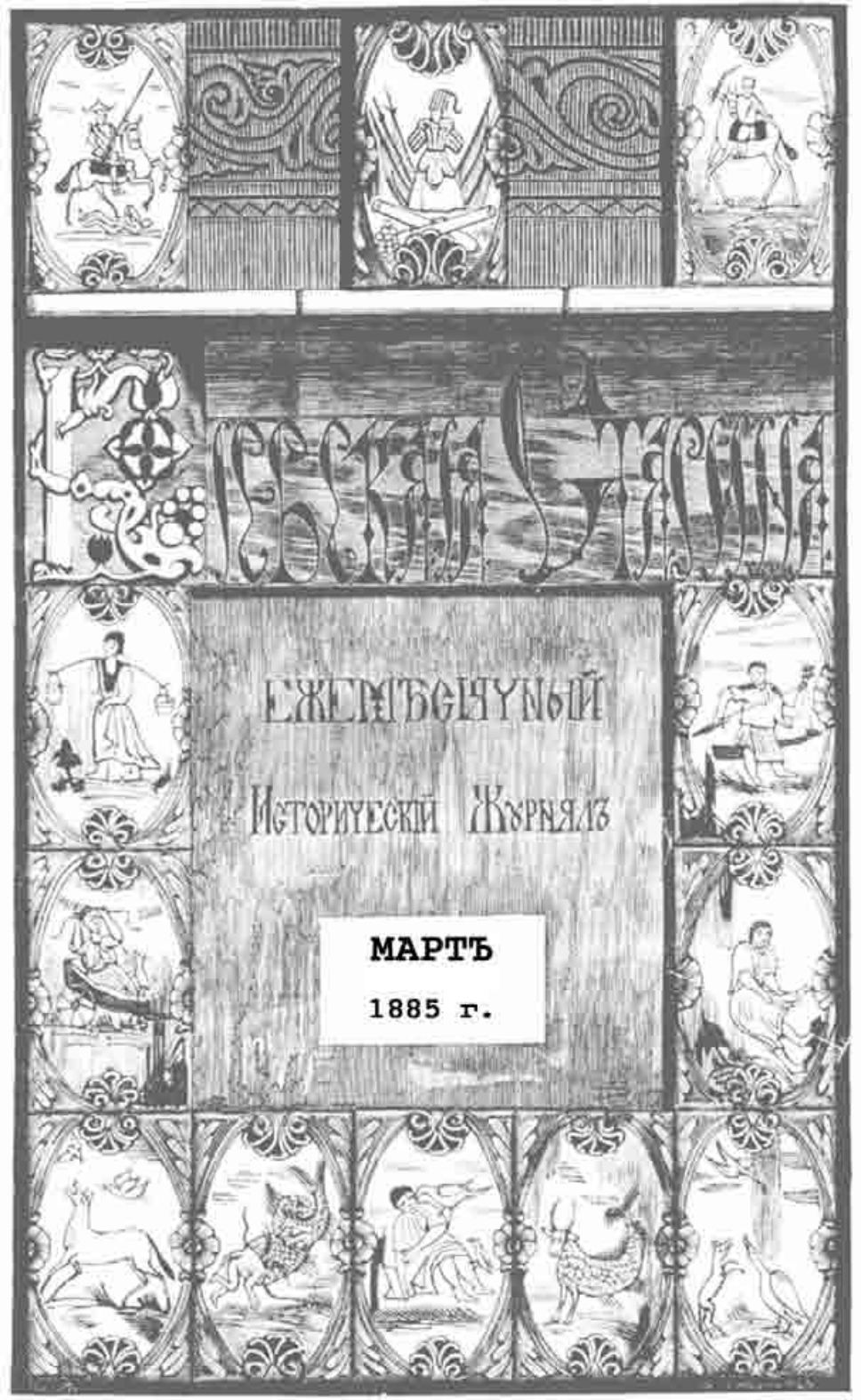
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАРТЪ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1885 г.

стр.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе)*. **К. М.** 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ѳ. Каминскаго.** . . . 519

VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ притензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*Н. Ѳ. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.—*Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммиссіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лонатевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 569

XI. ДѢВЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

МАРТЪ.

1885 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го февраля 1885 года.

РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ
МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ.

Къ торжественнымъ днямъ бракосочетанія пріурочено множество разнообразныхъ повѣрій, примѣтъ, пѣсенъ, обрядовъ и поговорокъ, въ совокупности выражающихъ не только общую психологію, свойственную всѣмъ народамъ на опредѣленной ступени образованія и культуры, но и психологію опредѣленнаго народа, напримѣръ, малорусскаго, великорусскаго, польскаго, другими словами, обрисовывающихъ въ совокупности то особое направленіе духовной дѣятельности народа, которое обусловлено всей бытовой его обстановкой, особенностями климата, почвы, труда. Свадьба въ цѣлости, со всѣми своими религіозно-миѳическими, религіозно-христіанскими, юридическими и житейски-бытовыми чертами, служитъ довольно полнымъ и весьма яркимъ проявленіемъ личности народа, какъ живаго организма, выраженіемъ его матеріальной и соціальной развитости и культуры.

Свадебные обряды и пѣсни давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ разныхъ спеціальностей, и литература предмета представляется громадной.

Историки быта останавливаются на свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ силу того обстоятельства, что нѣкогда свадьбы завязывали узелъ общественности, поддерживали ее и развивали, содѣйствовали сближенію людей на почвѣ общей молитвы и общаго веселья, вообще были однимъ изъ главныхъ двигателей древней гражданственности.

Археологи и миѳологи разсматриваютъ свадебные обряды, какъ достопримѣчательныя ископаемыя народнаго быта или какъ нуждающіеся въ научномъ разъясненіи символы обоготворенія внѣшнихъ силъ и явленій природы.

Изслѣдователи словеснаго народно-поэтическаго творчества стремятся или, по крайней мѣрѣ, начинаютъ стремиться къ сравнительно-критическому изслѣдованію свадебныхъ пѣсенъ, съ цѣлью опредѣлить ихъ внутреннее единство и пути распространенія и затѣмъ указать на связь свадебныхъ пѣсенъ съ колядками, заговорами, загадками и сказками.

Этнографы съ живымъ интересомъ относятся къ свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ на томъ основаніи, что въ нихъ просвѣчиваютъ красвыя особенности русскаго народнаго духа. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять немало разнообразія. Вопросъ о разностороннемъ изученіи красвыхъ особенностей имѣетъ не только научную важность, но и серіозное общественное значеніе, такъ какъ это изученіе должно привести къ извѣстному равновѣсію въ степени жизненности областей и центровъ.

Въ языкѣ и бытѣ индоевропейскихъ народовъ свадьба имѣетъ значеніе величайшаго на землѣ веселья и торжества. Въ языкахъ малорусскомъ, сербскомъ, польскомъ, въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ брачное торжество носитъ характерное названіе *веселья*. Весьма распространено выраженіе «играть свадьбу», причемъ слово «играть» указываетъ на проявленіе вакхическаго экстаза и сильное напряженіе жизненныхъ силъ. Значеніе свадьбы, какъ величайшаго, доступнаго человѣку, веселья, сложилось въ древнюю эпоху подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозно-миѳическихъ воззрѣній на творческія силы внѣшней природы и естественныя проявленія половой зрѣлости физической природы человѣка. «Природа, — это живой предметъ, говоритъ Карлейль, предметъ невыразимый и божественный, передъ которымъ лучшее наше положеніе есть благоговѣніе». Къ такому воззрѣнію на природу знаменитый англійскій ученый пришелъ путемъ отвлеченнаго мышленія, построеннаго на пантеистическихъ началахъ германской философіи. Для древняго чело-

вѣка, въ частности славянина, мысль о божественности природы вытекала непосредственно изъ всей окружавшей его міровой и бытовой обстановки. Со всѣхъ сторонъ охваченный могущественной внѣшней природой, онъ на каждомъ шагу ощущалъ свою отъ нея зависимость, сознавалъ по доводамъ горькаго житейскаго опыта ея капризное и деспотическое господство во всѣхъ проявленіяхъ сельскохозяйственной, даже семейной и общественной жизни. Судьба его, его благосостояніе, миръ его души, его радости и печали были обусловлены обстоятельствами, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни отвратить, въ случаѣ непріятнаго ихъ склада. Древній человѣкъ не исчезалъ во внѣшней природѣ и даже не всегда покорно склонялъ голову передъ ея велѣніями и мановеніями. Онъ постоянно стремился освободиться изъ-подъ ея гнетущей власти, обуздать ея произволъ силой своего разума, по крайней мѣрѣ, отгадать ея тайны и такъ или иначе, молитвой или заклинаніемъ, жертвоприношеніемъ или угрозой, обратить ея могущественныя силы въ свою пользу, и въ этомъ свѣтломъ стремленіи онъ мало по малу успѣвалъ. Прокладывая пути для своего развитія, преслѣдуя цѣли улучшенія по всѣмъ направленіямъ жизни и быта, внося нравственно-гуманитарное начало въ пользованіе матеріальными благами, доставляемыми землей-кормилицей, древній человѣкъ, подобно человѣку современному, измѣнялъ извѣстныя сочетанія природныхъ явленій сообразно съ своими матеріальными нуждами и духовными потребностями. Все это однако происходило чрезвычайно медленно, постепенно, съ громадной затратой силъ и труда. Господство человѣческой мысли надъ грубой міровой матеріей и созданіе или сочетаніе ея элементовъ въ такія благопріятныя для человѣка отношенія, какихъ внѣшняя природа не можетъ представить помимо человѣческой воли и многовѣковыхъ усилій творческаго разума, при постоянно усиливавшемся теченіи нравственно-гуманитарныхъ идей, отъ перваго шага въ устраненіи каинбализма до евангельскаго требованія возлюбить ближняго, какъ самого себя,—такого рода побѣда человѣка надъ внѣшнимъ міромъ и животной стороной собственной природы является результатомъ многовѣковой культуры.

Религіозно-миѳическая свадьба возникаетъ въ героическій періодъ жизни человѣчества, въ періодъ значительнаго подъема духовныхъ силъ и широкаго развитія поэтическаго воззрѣнія на природу.

Грубое насиліе со стороны мужчины и тупая покорность со стороны женщины, характеризующія дикую эпоху коммунальнаго брака и полудикую эпоху «умыкапія», отошли въ примитивную древность и сохранились лишь въ формѣ большею частью безсмысленнаго обряда. Въ бракъ вмѣшалась уже религія и освятила и очистила его. Коммунистическій бракъ совпадалъ съ самой грубой формой фетишизма, съ крайней матеріальной бѣдностью и умственнымъ ничтожествомъ. Но лишь только улучшилась жизнь бытовая, съ появленіемъ огня и опьяняющихъ напитковъ, съ приручеміемъ животныхъ, наконецъ, съ возникновеніемъ культурнаго воздѣлыванія дико-растущихъ хлѣбныхъ злаковъ, высоко поднялся общій уровень матеріальнаго благосостоянія, соотвѣтственно съ тѣмъ поднялся весь строй міровоззрѣнія, и грубый фетишизмъ возвысился до весьма высокой сравнительно съ нимъ формы обоготворенія небесныхъ свѣтилъ, съ перенесеніемъ на нихъ всего лучшаго, что было на землѣ, и прежде всего семейныхъ связей и отношеній.

Въ благоговѣйномъ созерцаніи обоготворенной природы славянинъ небесное и земное сливалъ въ одно нераздѣльное цѣлое, внушительное и таинственное. Событія человѣческой жизни были перенесены на небо; небесныя явленія приближены къ скромному человѣческому существованію. Съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленной формы соединенія двухъ половъ, возникло вѣрованіе въ супружескія связи неба и земли, солнца и земли, солнца и мѣсяца, мѣсяца и вечерней звѣзды, причемъ солнце и мѣсяцъ или выступаютъ, какъ отзвукъ коммунальнаго брака, являются не только мужемъ и женой, но и братомъ и сестрой, съ прямымъ смѣшеніемъ брачной связи съ связью родственной по крови, или выступаютъ исключительно супругами, имѣя дѣтьми звѣзды, что соотвѣтствуетъ историко-культурному различенію брачной связи отъ связи родственной по крови, различенію, выразившемуся въ исторіи брака въ видѣ весьма распространенной формы экзогаміи. Небесныя свѣтила получили значеніе живыхъ, человѣкоподобныхъ существъ, любящихъ другъ друга, но временамъ страдающихъ ревностью, впадающихъ въ гнѣвъ, не чуждыхъ зависти. Они не замедлили въ зооморфической или чаще антропоморфической формѣ явиться верховными устроителями человѣческаго брака, причемъ придали по-

слѣдпему величіе и блескъ, облили его небеснымъ свѣтомъ радости и силы.

Время бракосочетанія поставлено было въ зависимость отъ извѣстныхъ солярныхъ явленій. Весною и лѣтомъ въ природѣ торжествуетъ благотворный повелитель планетной системы—солнце, выражавшее собой начало свѣта, тепла, производительности, добра, поэзіи. Празднуя обновленіе и оплодотвореніе земли, земледѣлецъ язычникъ въ то-же время въ самомъ себѣ чувствовалъ обновленный позывъ къ любви, къ супружеству, къ основанію семьи. Свадьба получила значеніе міроваго торжества и веселья. Боги и люди принимали въ немъ дѣятельное участіе. Всѣ предметы царства растительнаго и царства животнаго сливались въ одномъ неудержимомъ стремленіи къ любви и производительности. Внѣшняя природа, какъ-то: свѣтила небесныя, флора и фауна, все это, отъ ливанскаго кедра до послѣдней полевой былинки и дождеваго червяка, непосредственно было заинтересовано въ здоровьѣ и благополучіи невѣсты и обнаруживало самое теплое ей сочувствіе, не чуждое мистической таинственности и поэтической прелести. Грандіозное языческое воззрѣніе на всеобъемлющую сущность свадьбы превосходно выразилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ древне-индусскомъ изреченіи, которое жрецъ произносилъ передъ отъѣздомъ молодой замужней женщины изъ родительскаго дома въ домъ новобрачнаго: «Всѣ травы, рѣки, поля и лѣса тебя, несущую мужу потомство, сохранятъ отъ вреда»[1]).

Г. Кавелинъ высказалъ мнѣніе, что свадьба въ незапамятныя времена была частью извѣстнаго языческаго праздника, отъ котораго и получила свое религіозное освященіе. Послѣ она отдѣлилась отъ годоваго праздника и совершалась особо[2]). Мнѣніе это подтверждается свидѣтельствами языка и народныхъ обычаевъ. Такъ, нѣмцы для обозначенія свадьбы имѣютъ слово Hochzeit, древ.-сакс. hôgetidi, слово, нѣкогда обозначавшее высшее и священное время въ году[3]). У поляковъ «gody»—свадьба; у нижне-лужицкихъ сербовъ «gody»—праздникъ Рождества Христова[4]). Изъ первоначаль-

[1]) *Weber*, Indische Studien. V. 394.
[2]) *Кавелинъ*, Сочиненія. IV, 184.
[3]) *Hamerle*, Salzburg. Hochzeit-gebr. 2.
[4]) *Haupt u. Smoler*, Volkslieder. II, 270.

наго понятія *godу*—время возникло понятіе о времени праздничномъ по преимуществу, и празднованіе свадьбы названо тѣмъ-же словомъ, что и празднованіе Рождества Христова;—обстоятельство, свидѣтельствующее, что въ древнее время совершеніе свадебъ было пріурочено ко времени празднованія рожденія солнца. Въ подтвержденіе мнѣнія г. Кавелина можно привести еще весьма замѣчательное по глубокой архаичности обыкновеніе македонскихъ болгаръ мыяковъ назначать для обрученія и свадьбы одно опредѣленное время въ году. Того, кто обручается или женится не въ установленное время, община наказываетъ и считаетъ его несчастнымъ человѣкомъ [1]). Въ древности уклоненіе подобнаго рода, вѣроятно, было невозможнымъ по самому существу дѣла. Виновный являлся своего рода изгоемъ, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, и потому былъ и несчастнымъ и преступнымъ, и община могла карать виновнаго смертью или изгнаніемъ.

Присутствіе боговъ на свадьбѣ представлялось или посредственнымъ или непосредственнымъ. Первое выражалось символически посредствомъ коровая, вѣнка, зажженной свѣчи или факела. Въ древности предметы эти въ обрядовомъ ихъ употребленіи имѣли почти такое-же значеніе и играли въ народной жизни почти ту-же роль, что въ позднее христіанское время предметы иконописи и религіозной скульптуры. Скульптурныя изваянія Спасителя и святыхъ, наполняющія храмы католической Европы, чествуются во имя чувства, влекущаго благочестиваго католика къ тѣмъ, кого они изображаютъ; славяне, въ частности русскіе, считали себя внуками бога солнца, на что есть указанія въ Словѣ о полку Игоревѣ («Дажьбога внука» ...) и въ народной поэзіи («Дѣдушка—солнышко, выгляни въ окошечко» и проч.). Естественно, славяне дорожили короваемъ и вѣнкомъ, какъ ближайшими къ человѣку вещественными подобіями или символами своего божественнаго и вѣчнаго предка, всевѣдущаго дѣда. Внѣшнее сходство между языческими и христіанскими вещественными символическими выраженіями божества можетъ быть проведено даже въ подробностяхъ, въ наглядныхъ параллеляхъ. Передъ иконописными и скульптурными изображеніями Спасителя и святыхъ становятся на колѣни, прикладываютъ къ нимъ голову и лобызаютъ

[1]) *Верковичъ*, Опис. быта болг. 1868 г., 8.

ихъ. Въ юго-западной Россіи и въ Галиціи преклоняютъ голову передъ короваемъ и цѣлуютъ его. Въ народныхъ легендахъ преступникъ въ сознаніи своей виновности не рѣшается приложиться ко кресту или иконѣ. Въ старинной галицкой пѣснѣ молодая женщина, убившая своего незаконнорожденнаго ребенка, не рѣшается надѣть на голову вѣнокъ, вслѣдствіе чего и открывается ея преступленіе. Подобно тому, какъ въ христіанское время грубый умъ символъ предмета принималъ за самый предметъ и впадалъ въ поклоненіе дереву и камню, а не духу и истинѣ, упуская основное христіанское ученіе, что *Богъ есть духъ*, и въ дѣтски-наивной и довѣрчивой древности символическій образъ божества заслонялъ собой самое божество и, принявъ на себя всѣ главныя его черты и особенности, дѣлался самостоятельнымъ предметомъ поклоненія. Коровай и вѣнокъ, какъ символическія выраженія поклоняемаго и славимаго божества, явились звеномъ общественнаго соединенія и знаменемъ религіи, нравственнаго добра, поэзіи. Это былъ языкъ краткій и простой, но понятный каждому. Благодаря, между прочимъ, этимъ предметамъ, люди понимали другъ друга и сходились на одной общей мысли.

Вѣрованіе въ невидимое личное присутствіе на свадьбѣ обоготворенныхъ небесныхъ свѣтилъ вполнѣ отвѣчало складу древняго народнаго міросозерцанія, признававшаго самое близкое и подробное участіе божества въ дѣлахъ людей. Красное солнышко въ томъ или другомъ антропоморфическомъ образѣ приготовляло приданое и снаряжало молодыхъ къ вѣнцу. Свѣтлый мѣсяцъ съ своей лучезарной супругой—вечерней звѣздой выдавали дѣвушку замужъ и надѣляли ее счастьемъ—долей.

Съ цѣлью задобрить боговъ—покровителей брака и расположить ихъ въ пользу повобрачныхъ имъ предлагали угощеніе. Предметы и пріемы кормленія боговъ измѣнялись съ развитіемъ культуры, сообразно съ мѣстными условіями домашняго быта и со степенью зажиточности вступавшихъ въ бракъ. Въ древнѣйшее время, при господствѣ пастушескаго быта, жертвоприношеніе богамъ состояло въ закланіи животныхъ, преимущественно коровы, и въ возліяніи молока. Съ развитіемъ земледѣльческаго быта стало преобладать жертвоприношеніе хлѣба. Въ пустынныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ грубыя формы жертвоприношенія удерживались долѣе, чѣмъ

въ странахъ, самой природой расположенныхъ къ производительному труду, или странахъ по бойкому водному торговому пути. По консервативности быта, въ особенности въ дѣлахъ религіозныхъ, богатые люди и въ періодъ земледѣльческой культуры предпочитали животныя жертвоприношенія, причемъ подъ ножъ шли крупныя животныя, часто корова или быкъ, въ торжественныхъ случаяхъ въ большомъ даже числѣ (гекатомбы). Бѣдные люди поневолѣ ограничивались жертвоприношеніемъ мелкихъ животныхъ, чаще всего пѣтуха. Но такъ какъ жертвоприношеніе коровы въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо, по религіозно-миѳическимъ представленіямъ, связаннымъ съ этимъ животнымъ, и въ то же время матеріальныя средства не допускали такой, такъ сказать, роскоши, то возникло обыкновеніе приносить въ жертву ихъ изображенія изъ тѣста. Самое жертвоприношеніе хлѣба прошло нѣсколько ступеней развитія, согласно съ способами приготовленія хлѣбной пищи. Можно думать, что прежде чѣмъ появился хорошій печеный хлѣбъ, на низшей ступени земледѣльческой культуры въ пищу, а слѣдовательно и для жертвоприношенія употреблялись или хлѣбныя зерна, болѣе или менѣе поджаренныя, или хлѣбная кашица, т. е. тѣ же поджаренныя хлѣбныя зерна, только въ размельченномъ и смоченномъ водой видѣ.

Жертвоприношеніе богамъ не ограничивалось животными, хлѣбомъ, молокомъ и опьяняющими напитками, какъ то: сомой у индусовъ, гаомой у иранцевъ, виноградным виномъ у греко-италійцевъ, пивомъ и медомъ у германцевъ и славянъ. Въ число важныхъ предметовъ жертвоприношенія входили также волоса ребенка или новобрачныхъ. Волоса были приносимы въ смыслѣ *pars pro toto*; по внутреннему своему значенію, это прямая замѣна жертвоприношенія человѣка, такого рода религіозно-миѳическое и бытовое явленіе, которое слѣдуетъ непосредственно за эпохой каннибализма, какъ проявленіе значительной степени культуры. Общеизвѣстнымъ проявленіемъ жертвоприношенія волосъ служатъ постриги младенца и обрѣзываніе или только подрѣзываніе косы невѣсты передъ вѣнчаніемъ. Спенсеръ и Тэйлоръ сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ проявленій жертвоприношенія волосъ солнцу среди дикихъ и варварскихъ народовъ: отрѣзываютъ клокъ волосъ и бросаютъ его вверхъ, точно также, какъ нынѣ на свадьбахъ плескаютъ вверхъ

въ потолокъ виномъ; по основному своему значенію обряды эти тождественны. Бросаніе вверхъ волосъ и брызганіе молокомъ или опьяняющимъ напиткомъ были однимъ изъ многочисленныхъ проявленій обрядовой обстановки жертвоприношенія.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ есть прямыя указанія, что жертвоприношеніе сопровождалось слѣдующими торжественными дѣйствіями: поднимались и опускались, клали на молодыхъ правую руку, обращались въ правую сторону, соблюдали круговращательное движеніе или танецъ, приводившій при усиленномъ темпѣ въ вакхическій религіозный экстазъ.

Приношеніе яствъ и напитковъ богамъ сопровождалось торжественными молитвами и гимнами. Поэтическая сила славянъ никогда не истощалась. Измѣнялись лишь внѣшнія формы поэтическаго творчества, согласно съ измѣненіемъ культуры. Всѣ проявленія мысли и чувства изливались въ формѣ болѣе или менѣе восторженной пѣсни, принимали стихотворный ритмъ, что въ значительной степени зависѣло отъ внутренней пластичности и образности самаго языка. Языческая молитва по содержанію близко подходитъ къ заговору. Она имѣла стихотворную форму и пѣлась однимъ лицомъ или большею частью цѣлымъ собраніемъ молящихся. Въ древнее время многія свадебныя пѣсни представляли собой молитвы, обращенныя къ богамъ покровителямъ брака и заключавшія въ себѣ просьбу новобрачныхъ и всего ихъ рода о ниспосланіи имъ богатства и чадородія. Были особаго рода религіозныя пѣсни, *certa et solemnia verba* римлянъ, свободныя отъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей. Въ нихъ воспѣвался небесный бракъ, какъ священный прототипъ брака человѣческаго. Между молитвами и религіозными пѣснями не было рѣзкой разграничительной черты, и религіозная пѣсня въ честь и славу боговъ легко переходила въ молитвенную просьбу о ниспосланіи благъ земныхъ, какъ это, между прочимъ, можно и нынѣ видѣть въ колядкахъ, гдѣ прославленіе солнца и мѣсяца послѣдовательно переходитъ въ прославленіе домохозяина и его жены. Музыка существовала изстари; только въ древности она не имѣла самостоятельнаго значенія и служила акомпанименгомъ пѣнію.

Культъ солнца проникаетъ весь свадебный ритуалъ славянскихъ народовъ, и культу громовника и домашняго огня или печи

остается здѣсь немного мѣста. Въ свадебныхъ обрядахъ сохранились черты древняго анимизма и даже обоготворенія предметовъ растительнаго міра. Поклоненіе деревьямъ сказалось, между прочимъ, въ малорусскихъ и великорусскихъ свадьбахъ, быть можетъ, въ зависимости отъ того, что русская страна въ древности была покрыта дремучими лѣсами, дѣйствовавшими импонирующимъ образомъ на духъ древняго русскаго земледѣльца.

Выдающееся положеніе солнца въ свадебныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ обусловлено было ихъ преданностью земледѣлію. Хлѣбопашцу естественно твердо стоять въ томъ убѣжденіи, что «alles keimet in der Sonne zu der Bauern Lust und Wonne» (слова Г. Гейне). Солнце даетъ свѣтъ и теплоту. Съ восходомъ солнца вся природа пробуждается отъ ночнаго сна. Весенніе лучи солнца побѣждаютъ суровую зиму и ведутъ за собой «тихихъ майскихъ теплыхъ дней румяный, свѣтлый хороводъ» (слова Ѳ. Тютчева). Люди науки движенія земнаго шара и окружающей его атмосферы, проявленія органической жизни на землѣ, экономическій и соціальный строй народовъ ставятъ въ полную зависимость отъ великаго повелителя планетной системы. Гершель полагалъ, что цѣна пшеницы зависитъ отъ солнечныхъ пятенъ. По мнѣнію Гана, появленіе саранчи совпадаетъ съ *minimum'омъ* солнечныхъ пятенъ. Древній человѣкъ, по настоятельнымъ доводамъ житейскаго опыта, дошелъ до признанія солнечнаго могущества и посильно выразилъ его въ религіи. При полной зависимости человѣка отъ положенія солнца, культъ солнца естественно получилъ въ жизни культурныхъ земледѣльческихъ народовъ громадное значеніе и выразился во всѣхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной жизни народовъ, въ вѣрованіяхъ, священныхъ дѣйствіяхъ и манипуляціяхъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, молитвахъ, заговорахъ, поговоркахъ и на всѣхъ крупныхъ проявленіяхъ семейной и общественной жизни, на родинахъ, на свадьбѣ, на жатвѣ, на годовыхъ праздникахъ, на общественныхъ пирахъ, на похоронахъ.

Религіозно-миѳическіе элементы свадьбы у однихъ славянскихъ народовъ сохранились лучше, у другихъ слабѣе. Юго-восточные славяне въ этомъ отношеніи оказались болѣе консервативными, чѣмъ славяне западные.

По обилію религіозно-миѳическихъ элементовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ свадьбы малорусская и бѣлорусская, преимущественно первая. Южно-русская свадьба отличается торжественностью и цѣльностью; пѣсни и обряды распредѣлены довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; соблюдено строгое различеніе между отдѣльными актами свадебной драмы. Любопытной особенностью малорусской свадьбы представляется обиліе хлѣбныхъ обрядовъ и хлѣбныхъ пѣсенъ. Обрядовое употребленіе хлѣба на малорусской свадьбѣ не представляется сухой и безсмысленной формальностью. Оно оживлено и объяснено пѣснями и, благодаря пѣснямъ, представляется въ большинствѣ случаевъ явленіемъ живымъ и органическимъ, съ плотью и кровью [1]).

Великорусской свадьбы, какъ цѣльнаго и своеобразнаго проявленія всего великорусскаго быта, нѣтъ. Въ научномъ отношеніи слѣдуетъ строго отличать свадьбу средне-русскую отъ сѣверно и восточно-русской. Между ними мало сходства. Средне-русская свадьба имѣетъ общеславянскій характеръ, походитъ на бѣлорусскую, малорусскую, сербскую, болгарскую, какъ по пѣснямъ, такъ и по обрядамъ. Россія сѣверная и сѣверо-восточная относительно свадебнаго ритуала представляетъ нѣчто исключительное въ славянскомъ мірѣ, весьма своеобразное. Обряды немногочисленны и однообразны. Пѣсни чрезвычайно длинны и тоскливы. «Вытье» невѣсты и ея подругъ наполняетъ брачный пиръ. На свадьбѣ первую роль играетъ колдунъ. Всѣ его боятся, угощаютъ и ублажаютъ. Колдунъ чванится и ломается, задаетъ тонъ всей свадьбѣ и подчасъ деспотически командуетъ молодыми и поѣзжанами. Обрядовый хлѣбъ на великорусскихъ свадьбахъ представляется явленіемъ второстепеннымъ. Важную роль здѣсь играетъ, между прочимъ, баня. Вообще, во всемъ строѣ и тонѣ сѣверно-русской свадьбы проглядываетъ что-то суровое, жесткое и тоскливое [2]).

---

[1]) Главные источники для ознакомленія съ малорус. свадьбой: сборники Чубинскаго и Головацкаго; этнограф. сборники; Основа 1862 г., IV; Кіевск. Старина 1883 г., II; Nowosielski, Lud ukraiń., I—II.; Воронежская Бесѣда.

[2]) О великор. и бѣлорус. свадьбахъ см. Шейна, бѣл. пѣс.; Этногр. Сборн.: Терещенко, Бытъ рус. нар., II; Пермск. Сборникъ, II; разн. журн. и газет. статьи. Особ. много въ Губ. Вѣд. Подроб. перечисл. въ «Обычн. правѣ» Якушкина.

Характерной особенностью болгарской свадьбы представляется *кишкекъ* или каша пшеничная, приготовленная торжественнымъ образомъ. *Кишкекъ* представляется древнѣйшей формой жертвоприношенія хлѣба. Рядомъ съ *кишкекомъ* стоитъ *кравай*. Замѣчательна еще болгарская *бучка*, какъ остатокъ жертвоприношенія волосъ [1]).

Въ сербской и хорватской свадьбахъ сохранились многія черты древняго поклоненія домашнему очагу [2]).

Въ чешской свадьбѣ характерную роль играетъ пѣтухъ. Вообще въ Чехіи изъ древняго быта полнѣе всего сохранилось жертвоприношеніе пѣтуха богамъ [3]).

Польская свадьба растеряла почти все древнее, архаическое. Она состоитъ изъ двухъ или трехъ болѣе или менѣе роскошныхъ угощеній родныхъ и знакомыхъ новобрачныхъ [4]).

Главныя религіозно-миѳическія черты малорусской свадьбы проявились въ высоко торжественномъ и обрядовомъ приготовленіи и употребленіи *коровая*. Свадебный коровай играетъ также важную роль въ Бѣлоруссіи, Болгаріи (кровай) и Сербіи (кравалъ). По удачному выраженію Новосельскаго, въ короваѣ «скрывается великая общественно-религіозная тайна славянскихъ народовъ» [5]). О свадебномъ короваѣ я уже два раза имѣлъ случай подробно говорить въ печати; въ магистерской моей диссертаціи «О свадебныхъ обрядахъ» 1881 г. подробно изложенъ порядокъ приготовленія и употребленія свадебнаго хлѣба у разныхъ славянскихъ народовъ. Здѣсь указаны четыре религіозно-миѳическія и бытовыя стороны свадебнаго коровая: 1) коровай, какъ предметъ жертвоприношенія богамъ, 2) коровай, какъ символъ небесныхъ супруговъ солнца и мѣсяца, 3) коровай, какъ символъ жениха и невѣсты и 4) коровай, какъ символъ благополучной домашней жизни. Въ изслѣдованіи «Обрядовое употребленіе хлѣба» 1885 г. я подробно остановился

---

[1]) О болгар. свадьбѣ см. у Верковича, Качановскаго, Чолакова, Каравелова, Княжескаго, Миладиновы (собраніе пѣсенъ и сборники обычаевъ).

[2]) О сербской свад. см. Гласникъ 1867 г., V; Kanitz, Serbien, Rajaczich, Das Leben d. Südslav.

[3]) О чешск. свад. см. Sumlork, Staroč. obyc. I; Erben, Prost. čes. pis.; Casop čes Musea 1859 g., I; Kulda, Swadba.

[4]) О польск. свад. см. Kolberg, Lud; Wojcicki, Piesn. ludu.

[5]) *Nowosielski*, Lud ukraiński. I, 167.

на первой сторонѣ свадебнаго хлѣба. Я высказалъ здѣсь мнѣніе, что громадная роль въ славянскомъ, особенно въ малорусскомъ мірѣ коровая обусловлена тѣмъ, что коровай замѣнилъ собою главное жертвенное животное арійцевъ—корову. Корова у арійцевъ имѣла огромное значеніе. Въ индійскихъ «Ведахъ» она очень часто упоминается по различнымъ поводамъ. Древніе аріи время дня раздѣляли по тому, когда скотъ идетъ на пастьбу, на водопой. Богатство опредѣлялось числомъ головъ рогатаго скота. Войны обыкновенно возникали изъ-за того, что одно родовое колѣно отнимало скотъ у другаго. Корову закалали въ жертву богамъ и на шкурѣ убитаго для жертвоприношенія животнаго сажали жениха и невѣсту. Наивное воображеніе пастушескаго народа усматривало коровъ даже въ облакахъ и звѣздахъ. Солнце и мѣсяцъ выступали въ такомъ случаѣ пастухомъ или быкомъ. Во всякомъ случаѣ, жертвоприношеніе коровы было до нѣкоторой степени роскошью, которую могли позволить себѣ люди богатые или съ достаткомъ. Бѣдпота придумала замѣнить корову изображеніемъ ея изъ тѣста. Первоначально коровай представлялъ собой подобіе коровы. Не даромъ и теперь на свадьбахъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи сверху коровая налѣпливаютъ рожки и въ пѣснѣ поютъ: «А рогатъ я и богатъ—въ печь не влѣзу». Болгарская *боговица*, представляющая замѣну коровая, имѣетъ форму продолговатой булки — витушки съ рожками на концѣ. Въ Малороссіи торжественное приготовленіе коровая называется «бгати коровай», причемъ слово «бгати», по моему мнѣнію, находится въ ближайшемъ родствѣ съ болгарскимъ названіемъ обрядоваго рождественскаго хлѣба *боговицей*. Какъ характерно встрѣчающееся въ Великороссіи, напримѣръ въ орловской губерніи, выраженіе «молить коровай», такъ не менѣе характерно малорусское выраженіе «бгати» коровай. Замѣчательно, что слово «бгати» прилагается лишь къ торжественно приготовляемому свадебному хлѣбу. Что для самаго народа слово «бгати» представляетъ нѣчто глубоко архаическое и непонятное, видно изъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи стремленія замѣнить его другими словами. Такъ вмѣсто «бгати» говорятъ гбати, гибати, вить, гафтовать. Въ большинствѣ случаевъ, однако, выдерживается правильно древняя форма «бгати», въ смыслѣ приготовлять коровай для Бога или, быть можетъ, боготворить. Въ Малороссіи, напримѣръ въ полтавской гу-

бернін, пекутъ еще на свадьбахъ въ дополненіе къ короваю, изрѣдка въ его замѣну, особый хлѣбъ: *дивень*, въ формѣ большаго бублика. Что *дивень* относится къ солнечному культу, видно, между прочимъ, не только изъ его круглой формы, но изъ того еще, что невѣста смотритъ черезъ него на востокъ. Полагаю, что дивень есть позднее сравнительно дополненіе къ короваю и возникъ собственно изъ эпитета коровая «дивный». Эпитетъ этотъ очень обыченъ въ коровайныхъ пѣсняхъ. Сначала былъ только «дивный коровай», т. е. свѣтлый, какъ солнце; потомъ получились «дивень» и «коровай»,—первый, впрочемъ, въ подчиненномъ положеніи.

Малорусское *вильце* или *гильце*—большая вѣтвь, зимою всегда сосновая, лѣтомъ яблоневая, грушевая, вишневая или черемуховая. Вильце украшаютъ обыкновенно дѣвушки, очень рѣдко парубки, каждую вѣточку украшаютъ небольшими букетами изъ калины, овса, барвинка, перевязываютъ цвѣтнымъ шелкомъ и лентами и втыкаютъ вильце въ свадебный хлѣбъ. Вильце стоитъ въ теченіи свадьбы въ красномъ углу. Обыкновеніе «вить вильце» встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно. Изрѣдка вильце встрѣчается въ Великороссіи, подъ названіемъ «дѣвья красота», въ Чехіи подъ названіемъ «stromek rajski», у кушлянъ подъ названіемъ «Jabłonke». Свадебное вильце—символъ жизни. Зеленое и украшенное выражаетъ молодыхъ, другими словами выражаетъ начало, разцвѣтъ новой жизни, супружество. Такое воззрѣніе на бракъ свойственно разнымъ народамъ. У бедуиновъ Синая сватъ получаетъ отъ отца невѣсты, въ знакъ его согласія на бракъ, зеленую вѣтку и втыкаетъ ее въ тюрбанъ въ знакъ того, что просваталъ дѣвушку [1]). Существуетъ глубоко-древняя пословица: «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли». Самая пословица могла возникнуть въ первыя времена христіанства въ Россіи. Древне, можно сказать, первобытно отмѣченное ею явленіе. Обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева входило въ древне-славянскій свадебный ритуалъ, и свадебное вильце служило замѣной этого обычая въ зимнее время. Нечего, разумѣется, пояснять, что обрядовой пляской вокругъ зеленаго дерева не ограничивалось свадебное празднество, и хожденіе вокругъ дерева, нахо-

[1]) *Klemm*, Allgem. Kulturgesch. IV. 148.

дившееся въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ, нисколько не исключало обрядовъ солнечнаго культа.

Нерѣдко замѣчается на небѣ явленіе, что какая-нибудь звѣзда какъ будто идетъ рядомъ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его жена, сестра или товарищъ. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая звѣздочка. Есть одинъ прекрасный народный разсказъ о братѣ и сестрѣ, нѣжно любившихъ другъ друга и потомъ разлученныхъ. Сестра, обратившись въ вечернюю звѣзду, повсюду ищетъ брата и плачетъ по немъ; она вѣчно оросаетъ поля своими слезами (роса), а братъ груститъ по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печальный мѣсяцъ [1]). Подобный разсказъ только въ приложеніи къ солнцу и лунѣ распространенъ у разныхъ народовъ и нашелъ себѣ превосходное поэтическое выраженіе въ стихотвореніи Генриха Гейне «Солнечный закатъ» (одно изъ стихотвореній «Нѣмецкаго моря»): «Нѣкогда въ небесныхъ пространствахъ лучезарно свѣтили въ супружескомъ мирѣ и согласіи солнце—богъ и луна—богиня. Вокругъ нихъ весело толпились звѣзды, ихъ маленькія, невинныя дѣти. Злые языки вызвали раздоръ высокихъ и свѣтлыхъ супруговъ, и они враждебно разошлись. Днемъ проходитъ по небу въ одинокомъ величіи богъ-солнце, и гордые, жестокосердые люди возносятъ къ нему молитвы и слагаютъ въ честь его пѣсни. Ночью по небу шествуетъ луна, бѣдная мать, съ своими осиротѣвшими дѣтьми-звѣздами. Въ тихой грусти она свѣтитъ; влюбленныя дѣвушки и тихіе поэты посвящаютъ ей свои слезы и пѣсни. Луна, какъ женщина, неизмѣнно любитъ своего прекраснаго супруга. Вечеромъ, дрожащая и блѣдная, смотритъ она на него изъ-за прозрачнаго облака и, кажется, готова воскликнуть: «остановись! Дѣти тоскуютъ по тебѣ»; но упрямое солнце, при взглядѣ своей жены, краснѣетъ отъ гнѣва и грусти, и неумолимое спѣшитъ спуститься въ глубину водъ на свое вдовье ложе» [2]). Стихотвореніе это должно пояснить намъ родственныя ему по содержанію малорусскія народныя пѣсни. Такъ, я готовъ думать, что въ малорусской пѣснѣ:

---

[1]) *Терещенко*, Быт рус. народа. II, 573.

[2]) *Heines*, Sämtliche Werke, XV, 223—225.

Ой ты, зирочко вечирняя,
Чому рано не зиходыла?
Чомъ мисяця не догонала?

скрывается такая-же полнота содержанія, какъ въ Гейновскомъ «Солнечномъ закатѣ».

Встрѣча мѣсяца со звѣздой въ малорусскихъ колядкахъ знаменуетъ имѣющійся совершиться на землѣ брачный союзъ:

Итовъ-перейшовъ мисяць по неби,
Та стрився зъ ясною зорёю...

Вечерняя звѣзда говоритъ мѣсяцу, что она остановится надъ дворомъ NN (имя хозяина, которому колядуютъ), надъ его хатой:

У его хати дви радости буде:
Першая радость—сына женити,
Другая радость—дочку отдавати [1]).

Послѣ такого заботливаго участія вечерней звѣзды въ устроеніи земнаго брака понятна галицкая коломійка:

Ой упала звѣзда зъ неба, та й ся розсыпала,
Дѣвчинонька позбирала, та й ся затыкала;
Ой упала звѣзда зъ неба, та й упала ясна,
Та на тое подвирепько, де дѣвчина красна [2]).

Въ Малороссіи мать невѣсты, отправляя новобрачнаго въ домъ мужа, даетъ ей въ покровители и проводники мѣсяцъ и звѣзду:

Отсе тоби проводничокъ
Ясный мисячокъ;
Отсе тоби проводничка
Ясна зирныця [3]).

Въ коровайной пѣснѣ:

Де-жъ ты бувавъ,
Що ты чувавъ,
Святый короваю?
Бувавъ же я, чувавъ же я
Мисяця зъ зорёю [4]).

[1]) *Чубинскій*, Труды Эт.-Стат. Эксп., т. III, стр. 415.
[2]) *Головацкій*, «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.» 1872 г., I, 471.
[3]) *Метлинскій*, Южно-рус. пѣс., 225.
[4]) *Чубинскій*, Труды Э.-С. Э. III, 463.

Подобнаго рода малорусскихъ пѣсенъ довольно много, и нельзя потому не признать, что древнее представленіе о брачной связи мѣсяца и вечерней звѣзды въ Малороссіи сохранилось отчетливо, въ силу поэтичности этого представленія.

Въ малорусской народной поэзіи мѣсяцъ иногда называется «перебирчикомъ», потому что любитъ перебирать звѣзды, пока не выберетъ себѣ одну звѣздочку. Невѣрный, нарушившій любовныя обѣщанія парубокъ сравнивается съ мѣсяцемъ. Полюбить молодца «по мисяцю стоя»—не будетъ добра. Въ поясненіе этихъ и подобныхъ малорусскихъ пѣсенныхъ выраженій можно привести индусское и литовское объясненіе мѣсячнаго ущерба. У древнихъ индусовъ существовалъ такой разсказъ о любви луннаго бога Сомы [1]) къ созвѣздію Рогини. У Праджапати было тридцать три дочери, которыхъ онъ отдалъ за царя Сому. Изъ нихъ только одна сдѣлалась дѣйствительною женою Рогини. Прочія жены разгнѣвались и ушли къ отцу; но Сома пошелъ за ними и требовалъ ихъ къ себѣ. Праджапати согласился возвратить зятю дочерей только съ условіемъ, чтобы тотъ раздѣлялъ брачное ложе поочередно со всѣми; но Сома по прежнему любилъ только Рогини, и за это имъ овладѣла немочь. Древнеиндусское объясненіе ущерба мѣсяца его исключительной любовью къ созвѣздію Рогини въ литовской миѳологіи съ незначительными измѣненіями выразилось въ сказаніи о брачной связи мѣсяца и солнца въ первую весну. Однажды солнце встало рано и отправилось въ прогулку. Мѣсяцъ отдѣлился отъ него и отправился въ свою очередь въ одиночку гулять по небу. Онъ увидѣлъ утреннюю звѣзду и влюбился въ нее. Перкунъ разгнѣвался на мѣсяцъ и разрубилъ его ликъ мечемъ [2]).

Обрядовымъ проявленіемъ древняго религіозно-миѳическаго представленія мѣсяца и вечерней звѣзды супружеской парой является соблюдаемое въ Малороссіи обыкновеніе отправлять новобрачную въ домъ мужа съ восходомъ звѣзды.

---

[1]) Культъ божества Сомы въ древней Индіи подробно разобранъ въ изслѣдованіи *Д. И. Овсянико-Куликовскаго «Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индоевропейской древности»* 1884 г. Здѣсь представлена характеристика Сомы, какъ божества экстаза, божества солнца и божества мѣсяца.

[2]) *Сумцовъ*, О свадеб. обряд., стран. 51 и слѣд.

Если по короваю, гильцу и остаткамъ вѣрованія въ супружескія отношенія свѣтилъ небесныхъ малорусская свадьба выдвигается изъ всѣхъ славянскихъ свадебъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы эти проявленія миѳологіи не встрѣчались у сербовъ или чеховъ, а въ томъ, что они въ малорусской свадьбѣ сохранились гораздо полнѣе, то въ другихъ проявленіяхъ религіозно-миѳическаго міросозерцанія малорусская свадьба или стоитъ наравнѣ, или уступаетъ свадьбѣ великорусской, чешской, сербской, болгарской. Такъ, малорусское «колупаніе» печи невѣстой, находящееся въ связи съ древнимъ поклоненіемъ домашнему очагу, въ гораздо болѣе ясной и полной формѣ, съ гораздо болѣе отчетливымъ указаніемъ на поклоненіе печи встрѣчается въ свадьбѣ бѣлорусской, гдѣ на печи сидитъ особый пѣвецъ и поетъ таинственныя пѣсни, хлопая пирогъ о пирогъ, и въ свадьбѣ хорватской и сербской, гдѣ невѣста ходитъ около печи и цѣлуетъ печь. Малорусское обсыпаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ представляется явленіемъ общеславянскимъ, и съ характерной обрядностью оно совершается какъ въ южной, такъ и въ средней Россіи, а также въ Болгаріи. Подрѣзываніе у молодой косы или, что гораздо чаще встрѣчается, торжественно-обрядовое ея завиваніе—также явленіе общеславянское, съ особенной полнотой проявлявшееся въ старинное время въ Великороссіи. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ вѣнка, чаши, красныхъ лентъ—также явленія общеславянскія, причемъ чаша въ особенности видную роль играла на старинной великорусской свадьбѣ.

Особенность малорусской свадьбы состоитъ въ томъ, что въ ней встрѣчаются въ большей или меньшей степени всѣ проявленія религіозно-миѳическаго міровоззрѣнія, причемъ проявленія наиболѣе торжественныя и поэтическія сохранились въ замѣчательной чистотѣ и отчетливости. Религіозно-миѳическіе элементы свадьбы главнымъ образомъ выразились въ обрядовомъ употребленіи и приготовленіи коровая, что собственно составляетъ главный актъ свадьбы. Наибольшей архаичностью отличается свадьба въ глубинѣ Малороссіи, въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ. На крайнемъ западѣ малорусскаго племени, въ Галиціи, обнаруживается ослабленіе религіозно-миѳическаго элемента свадьбы.

Жестоко ошибется тотъ, кто, судя по религіозно-миѳической архаичности малорусской свадьбы, прійдетъ къ мысли, что въ

нравственно-культурномъ отношеніи малорусскій народъ отсталъ отъ другихъ славянскихъ народовъ. Архаичность его свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ стоитъ рядомъ съ проявленіями мягкости и нѣжности его семейныхъ отношеній, уваженія къ личности человѣка вообще, женщины въ частности. Въ немъ, напр., нѣтъ того рѣзкаго выраженія подчиненности женщины, какое удержалось отъ временъ дикости въ великорусской свадебной обрядности и выражается въ томъ, что отецъ, въ присутствіи жениха и родственниковъ, подходитъ къ своей засватанной дочери и даетъ ей пощечину. Ничего подобнаго въ малорусской свадьбѣ и быть не можетъ при той роли, какую занимала всегда въ семейной жизни малорусская женщина, при ея полной здѣсь равноправности, при значительной свойственной ей энергіи и предпріимчивости, при женственной мягкости и чувствительности малоруса. «Однимъ махомъ дерево не можь истяти», говорятъ малороссіяне при выдачѣ дѣвушки замужъ, и въ этомъ выраженіи уже обнаруживается признаніе нравственнаго достоинства личности женщины. Въ Малороссіи получило полное право гражданства и всеобщее распространеніе заключеніе бракосочетаній по взаимному договору самихъ молодыхъ людей. Противъ воли здѣсь ни женятъ, ни отдаютъ замужъ. Дѣвушка договоръ родителей скрѣпляетъ своимъ согласіемъ, что, между прочимъ, выражается обрядовымъ положеніемъ руки невѣсты на руки ея отца и женихова свата во время рукобитья:

Змовленная Марусенька
Положила билу руку на заруку [1]).

По заключеніи брачнаго договора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи родня невѣсты, отецъ, мать, кто либо изъ близкихъ родственниковъ и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ [2]). Въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ, при всей его обрядовой архаичности, нѣтъ ни одной черты, оскорбляющей нравственное достоинство личности невѣсты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда невѣста не признается сохранившей дѣвственную честь, и потому она и въ особенности

[1]) *Метлинскій*, Южно-русск. пѣсни, 124.
[2]) *Кіевская Старина* 1883. II, 368.

ея родители подвергаются осмѣянію, въ послѣднее время, впрочемъ, сильно ослабѣвшему. Бракосочетаніе по взаимному согласію и любви жениха и невѣсты отразилось въ народной поэзіи веселой пѣсней. Невѣста нашла возможнымъ надѣяться на привѣтъ и ласку со стороны свекра и свекрови. Во всякомъ случаѣ она, отдаваясь любимому человѣку, съ увѣренностью могла выразиться въ пѣснѣ: «лепше миленькій, якъ братъ ридненькій».

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1]).

X.

Опасаясь, чтобы Польша не возвратилась вновь къ тому печальному состоянію, въ какомъ находилась до объединенія съ Литвою, поляки боялись также, чтобы Русь литовская современемъ не отдѣлилась и не присоединилась къ Руси московской. Слѣдствіемъ того являются уніи: городельская и люблинская, имѣвшія цѣлью слить литовцевъ и русскихъ въ одинъ народъ съ поляками. Но и этого было мало,—для полнаго сліянія все еще не доставало внутренней основы, и главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію русской и польской народности было различіе вѣроисповѣданія.

Не смотря на то, что поляки уже пріучили русскую шляхту къ польскимъ порядкамъ и привилегіямъ, что шляхта эта породнилась съ польской, усвоила себѣ польскій языкъ, нравы, обычаи и весь польскій бытъ,—поляки замѣтили, что растерзанная Русь сдерживается единствомъ вѣры, такъ какъ еще оставалась нетронутой русская православная церковь, этотъ важный элементъ русской народности. Подстрекаемые своими менторами іезуитами, поляки рѣшились измѣнить религію, а съ нею вмѣстѣ и народность въ великомъ княжествѣ литовскомъ, т. е. рѣшились окатоличить и ополячить всѣхъ русскихъ до послѣдняго пана, до послѣдняго шляхтича и мѣщанина. Представленіе о вѣрѣ сливалось здѣсь съ

---

[1]) См. февральск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 283—307.

представленіемъ о національности; всякій католикъ былъ уже полякомъ, напротивъ, кто былъ православнымъ, уже по тому самому признавался и назывался русскимъ.

Король Сигизмундъ III всю славу своего царствованія видѣлъ въ томъ, чтобы всѣхъ иновѣрцевъ обратить въ католичество, а потому и русскую церковь въ Литвѣ желалъ соединить съ римскимъ костеломъ; и король, и все польское общество сходятся здѣсь въ своихъ намѣреніяхъ относительно ополяченія Руси. Обыкновенно бываетъ такъ, что высшая цивилизація побѣждаетъ низшую. Если дѣйствительно польская культура того времени была выше русской, какъ то утверждаютъ поляки, то Русь могла-бы ополячиться постепенно безъ насилія и принужденія; и нужно признать, что во время либеральнаго правленія первыхъ Сигизмундовъ и Баторія польскій языкъ дѣлалъ успѣхи на Руси. Но потому-ли, что поляки слишкомъ горячо принялись за дѣло національнаго обезличенія русскихъ, потому-ли, что духъ русскій обладалъ огромнымъ запасомъ жизненныхъ силъ,—уничтоженіе Руси оказалось дѣломъ неисполнимымъ. Давленіе вызвало отпоръ, наступили кровавыя внутреннія войны, которыя потрясли всѣ основы польскаго государства, ослабили его и подготовили его паденіе. Мы видѣли, что уже Ягайло пытался Литву и Русь обращать въ католичество, но это вѣроисповѣданіе не привлекало русскихъ. Послѣ стойкаго протеста православнаго населенія противъ новой вѣры, іезуиты, недовольные слабыми успѣхами католицизма на Руси, возобновили проектъ уніи съ Римомъ, которымъ усердно занимались Скарга и Поссевинъ.

Для поддержки политической люблинской уніи, рѣшено было ввести унію церковную подъ тѣмъ предлогомъ, какъ говорилось, чтобы не было споровъ между двумя церквями, восточной и западной, при чемъ первая должна была удержать свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Унія должна была только соединить православныхъ и католиковъ подъ властью римскаго папы и одинаково уважать обряды восточной и западной церкви. Такою повидимому казалась сущность церковной уніи, но это было только повидимому, на самомъ-же дѣлѣ имѣлось въ виду національное вырожденіе. Оказалось, что католическая подкладка въ православной вѣрѣ должна была служить только новымъ орудіемъ къ обращенію православныхъ въ католичество, или что-тоже, къ превращенію русскихъ въ по-

ляковъ, такъ какъ унія считалась переходной ступенью отъ одного исповѣданія къ другому, или переходомъ изъ одной народности въ другую.

И на этотъ разъ унія также не могла легко привиться на Руси, какъ не оказала она никакого вліянія при митрополитѣ Исидорѣ; дѣло это требовало сперва надлежащей подготовки; необходимо было съ одной стороны путемъ школы и воспитанія расположить къ уніи подростающее русское поколѣніе, съ другой всѣ мѣста въ церковной русской іерархіи замѣстить лицами, симпатизировавшими Польшѣ и уніи.

Высшій общественный классъ былъ полновластнымъ въ Польшѣ; поэтому, пока русская шляхта твердо держалась языка и вѣры своихъ предковъ, до тѣхъ поръ трудно было думать о введеніи уніи и ополяченіи. Слѣдовательно, необходимо было обратить особенное вниманіе на русскую шляхту. Чего не могли сдѣлать политическія уніи — городельская и люблинская, то должны были довершить школы. Орудіемъ для того служили коллегіи, заводимыя іезуитами одна за другою.

Главной и, можно сказать, исключительной цѣлью іезуитскаго воспитанія того времени въ русскихъ областяхъ было приготовить возможно больше адептовъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ привить въ нихъ пренебреженіе и даже презрѣніе къ православію. Для этой цѣли іезуиты пользовались не столько научными доказательствами, сколько разными другими пріемами, вліявшими на молодые умы. Внушая не столько глубокій внутренній смыслъ религіи, которая должна все человѣчество соединять узами любви, сколько по преимуществу внѣшнія ея формы, они прививали своимъ ученикамъ пагубный для народа фанатизмъ и вмѣсто любви учили ненависти.

Католики имѣли несравненно болѣе возможности и способовъ къ образованію, нежели православные, и потому-то дѣти православныхъ пановъ воспитывались у іезуитовъ. Предки наши думали, что, получивши изъ рукъ иновѣрцевъ духовное оружіе, молодое поколѣніе русскихъ людей употребитъ его на защиту православія. Но іезуиты умѣли привязывать къ себѣ дѣтей, внушая имъ въ тоже время согласныя со своими цѣлями убѣжденія о превосходствѣ католическаго исповѣданія. Путемъ такого воспитанія ученики такъ искусно

пріучены были оказывать предпочтеніе католичеству и презирать православіе, что сами, какъ-бы на перекоръ своимъ воспитателямъ, спѣшили принимать католичество, и тогда іезуиты приписывали такое обращеніе дѣйствію благодати.

Итакъ, одни оставляли свою народность благодаря іезуитскому воспитанію, другіе — вслѣдствіе браковъ съ польками и т. д. Несмотря на блестящіе успѣхи, римско-католическая пропаганда не могла, однако, быстро достигнуть намѣченныхъ цѣлей. Православіе поддерживалось съ одной стороны церковными братствами и просвѣщеніемъ, которое уже начало развиваться, съ другой стороны на защиту его выступилъ народъ и козаки. Правда, церковная іерархія рѣдко употребляла въ дѣло козаковъ, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что между корпораціями духовной и военной существовала тѣсная связь. Какъ представители православнаго духовенства, такъ и знаменитые козацкіе гетманы происходили обыкновенно изъ того класса русской шляхты, который не искалъ карьеры при дворахъ крупныхъ магнатовъ, а самъ прокладывалъ себѣ дорогу къ независимому положенію въ обществѣ.

Братства сами избирали своихъ старшинъ, открывали школы для обученія дѣтей безъ различія сословій, основывали больницы и типографіи, а въ религіозномъ отношеніи, заручившись значительными привилегіями отъ восточныхъ патріарховъ, старались поднять церковь изъ того состоянія упадка, въ какое она приведена была папскимъ патронатомъ.

Магдебургское право, связывавшее мѣщанъ въ цехи, навело русскихъ мѣщанъ на мысль о церковныхъ братствахъ; являются братства съ характеромъ опекуновъ надъ церквами и монастырями, они становятся патронами не на словахъ, а на дѣлѣ; они слѣдятъ за поведеніемъ духовенства и даже за дѣйствіями епископовъ.

Братства являются главнымъ орудіемъ развитія просвѣщенія въ краѣ; они быстро возникаютъ одно за другимъ, и вездѣ, гдѣ появляется братство, тотчасъ открывается школа. Братства посылали способныхъ молодыхъ людей въ западные университеты для высшаго образованія и подготовки къ преподаванію въ братскихъ школахъ. По мѣрѣ размноженія братскихъ школъ и типографій увеличивалось и число тѣхъ, кто писалъ, читалъ и думалъ надъ вопросами,

касавшимися ихъ духовной и національной жизни и въ состояніи былъ бороться противъ іезуитской пропаганды.

Такъ какъ шляхта представляла собою силу въ Польшѣ, то братства стараются вербовать для себя членовъ среди богатой и сильной шляхты православнаго вѣроисповѣданія и часто находятъ содѣйствіе въ томъ-же домѣ и даже въ томъ-же лицѣ, что и іезуиты. Большее значеніе получали братства, когда въ спискахъ ихъ фигурировали имена магнатовъ, приносившія имъ впрочемъ больше блеску, нежели дѣйствительной пользы. Сами эти паны говорили: «мы не живемъ въ городахъ и рѣдко въ нихъ бываемъ, поэтому возлагаемъ надзоръ и передаемъ все дѣло меньшимъ нашимъ братьямъ съ тѣмъ, чтобы они сносились съ нами, а мы, въ свою очередь, обязуемся помогать имъ». Не смотря на свой характеръ, братства церковныя были явленіемъ болѣе или менѣе кратковременнымъ. Они могли держаться только до тѣхъ поръ, пока католической пропагандѣ не удалось обратить въ католичество высшіе слои русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить мѣщанство. Случилось это въ теченіи XVII ст., и братства сами собою потеряли значеніе.

Что касается церковно-іерархическаго устройства, то предки наши избирали громадской волей достойныхъ лицъ не только на приходы и архимандріи, но и для замѣщенія епископскихъ и митрополичьихъ каѳедръ. Церковь русская сохраняла тотъ основной принципъ, что пастыри церковные выбираются для народа, для него и надъ нимъ существуетъ духовная власть; поэтому только народъ, а не кто иной, долженъ избирать пастыря изъ среды себя, такъ какъ онъ лучше всего можетъ знать жизнь и способности избираемаго. Но со времени политическаго объединенія Литвы съ Польшею короли польскіе распространяютъ и на православную церковь захваченное ими раньше въ церкви католической право подаванія «духовныхъ хлѣбовъ» и зачастую раздаютъ епископскія мѣста лицамъ, никогда не приготовлявшимся къ занятію духовныхъ должностей.

Русскія епископскія каѳедры замѣщались придворными или чиновниками безъ всякаго богословскаго образованія. Клієнтъ кн. Радзивилла, впослѣдствіи кастелянъ брестскій, Адамъ Поцѣй, измѣнившій православію ради реформатства, а этому послѣднему для католичества, по совѣту близкихъ и вліятельныхъ людей по смерти

жены своей возвратился снова къ вѣрѣ отцевъ и принялъ монашество, чтобы достигнуть епископской каѳедры. Такимъ образомъ Поцѣй, бывшій еще въ мартѣ кастеляномъ, въ апрѣлѣ того же года былъ уже епископомъ.

Илія Мороховскій изъ королевскаго секретаря сдѣлался епископомъ владимірскимъ.

Арсеній Желиборскій, на двадцать третьемъ году жизни, изъ придворнаго короля Владислава IV сдѣланъ былъ епископомъ львовскимъ.

Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, до поставленія во епископы былъ писаремъ литовскаго скарбника Николая Тризны.

Янъ Рутскій, прежде кальвинистъ, обращенъ былъ въ католичество и затѣмъ, по совѣту іезуита Бокса и по приказанію папы, перешелъ въ православіе, чтобы быть поставленнымъ русскимъ епископомъ.

Такъ продолжалось до самаго конца XVII и начала XVIII ст. Іосифъ Шумлянскій изъ солдата сдѣлался епископомъ львовскимъ и т. д.

Однимъ словомъ, люди свѣтскіе, безъ малѣйшаго богословскаго образованія, постригались въ монахи, чтобы вслѣдъ за тѣмъ быть поставленными въ русскіе епископы. Для дополненія картины нужно вспомнить православнаго кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, чтобы имѣть понятіе о томъ, какими владыками управлялась православная церковь подъ польскимъ патронатомъ.

Русская шляхта, собранная на сеймѣ варшавскомъ въ 1585 г., указываетъ митрополиту на безпорядки въ русской церкви: «много зла произошло въ нашей церкви во время пастырскаго правленія вашей милости: оскорблялась святыня, запирались св. дары, опечатывались церкви, воспрещался колокольный звонъ, священниковъ отрываютъ отъ алтарей и сажаютъ въ тюрьмы, а мірянамъ запрещаютъ молиться, изгоняя ихъ изъ храмовъ Божіихъ. Но того мало,—рубятъ кресты, по требованію жидовъ берутъ на замокъ колокола, а ваша милость своими сочиненіями еще помогаетъ противъ церкви на радость жидамъ, на приниженіе святой вѣры и на нашу погибель. Сверхъ того обращаютъ церкви въ іезуитскіе костелы и въ ихъ пользу записываютъ церковныя имѣнія. Въ монастыряхъ, вмѣсто игумена и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и то, что

должно-бы служить къ славѣ Божіей, осквернено святотатствомъ... Но хуже всего то, что ваша милость сами ставите епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, своей братіи, что воспрещается и уставами церкви,—въ слѣдствіе того являются недостойные епископы, которые въ своихъ епархіяхъ, на поруганіе святой вѣры, живутъ съ женами и имѣютъ дѣтей»...

Въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія по пути въ Москву испросилъ у короля Сигизмунда III позволеніе воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ суда и расправы надъ русскимъ духовенствомъ. Патріархъ зналъ о безпорядкахъ въ церковномъ управленіи на Руси и намѣревался низложить митрополита Онисифора Дѣвочку, тѣмъ болѣе, что оказалось, что онъ жилъ въ двоеженствѣ. Католики не противились этому намѣренію—они готовили на этотъ важный постъ своего кандидата, минскаго архимандрита Михаила Рагозу, воспитаннаго іезуитами. А патріархъ, не собирая справокъ, удовольствовался только рекомендаціей воеводы Скумина Тышкевича, будущаго противника уніи, да немногихъ русскихъ пановъ, подготовленныхъ къ возвышенію Рагозы на митрополію, и возвелъ послѣдняго въ санъ митрополита.

Между тѣмъ Рагоза получилъ отъ іезуитовъ особую инструкцію относительно подготовки русскаго духовенства и народа къ уніи; за успѣшное выполненіе этого дѣла они обѣщали сдѣлать его примасомъ восточной церкви и доставить ему первое мѣсто въ сенатѣ послѣ коронпаго или католическаго примаса. Въ инструкціи между прочимъ значилось: «поучать деканов, налагать подати на священниковъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не осмѣливался устраивать сборниковъ или съѣздовъ. Непослушныхъ сажать въ тюрьму. Не вводить сразу новыхъ церковныхъ обрядовъ,—обряды могутъ быть замѣнены постепенно. Не пренебрегать диспутами и спорами для виду съ представителями западной церкви, чтобы тѣмъ легче отводить глаза шляхтѣ и черни. Не вступать въ открытую борьбу противъ черни, но вести ее тайно и постепенно. Основывать особыя школы для русской молодежи, но не препятствовать имъ посѣщать католическіе костелы и оканчивать образованіе въ школахъ отцевъ іезуитовъ и т. д.» Такъ-то, вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Русь путемъ удовлетворенія справедливыхъ ея интересовъ, старались усилить дѣло объединенія путемъ деморализаціи.

Деморализація охватила въ особенности высшее русское духовенство. Достигшіе епископскихъ каѳедръ путемъ вышеуказаннымъ заботились о себѣ, а не о церкви, ихъ привлекали церковныя имѣнія, а не духовные интересы, они вели свѣтскую и даже семейную жизнь,—однимъ словомъ жили, какъ магнаты, предпринимали другъ противъ друга походы за обладаніе церковными имѣніями, налагали на низшее духовенство большія подати и тягости, а между тѣмъ церковь разрушалась, приходила въ сильное разстройство и клонилась къ упадку.

Неудивительно поэтому, что такіе пастыри, не задумываясь, принимали унію, къ чему обыкновенно обязывались еще до посвященія, а потомъ принуждали къ тому свои епархіи.

Скарга приписывалъ упадокъ русской церкви семейной жизни православнаго духовенства, богослуженію на славянскомъ языкѣ и вмѣшательству свѣтской власти въ церковныя дѣла. Іезуитскій духъ мѣшалъ ему видѣть, или, правдоподобнѣе, онъ не хотѣлъ сознаться, въ чемъ состояла причина зла.

Послѣдняя изъ указанныхъ имъ причинъ, именно присвоенное королями право назначенія русскихъ епископовъ по своему произволу имѣло здѣсь огромное значеніе,—оно сдѣлалось вскорѣ источникомъ многихъ золъ для православной церкви; но было-бы несправедливо приписывать все іезуитской пропагандѣ и полякамъ: они только эксплуатировали въ свою пользу положеніе вещей.

Русскому обществу не доставало просвѣщенія, и до второй половины XVI в. оно не имѣло другой литературы, кромѣ хроникъ, актовъ и рукописныхъ церковныхъ книгъ. Правда, во времена Ярослава и его преемниковъ, по свидѣтельству ученыхъ и между прочимъ Шафарика, просвѣщеніе на Руси стояло выше, нежели въ большей части европейскихъ странъ; но съ тѣхъ поръ Русь пережила княжескія междоусобія, татарское иго и религіозно-политическое давленіе Польши сперва въ отдѣльныхъ частяхъ, а потомъ и въ цѣломъ.

Упадокъ богатой древне-русской культуры долженъ былъ произойти не столько подъ вліяніемъ первыхъ двухъ причинъ, сколько отъ продолжительнаго и сильнаго дѣйствія послѣдней. Съ тѣхъ поръ, какъ Русь пришла въ политическое соприкосновеніе съ Польшею, польское правительство не только не способствовало развитію,

а напротивъ не пренебрегало ничѣмъ, что могло повести къ ослабленію и уничтоженію русской народности,—лучшія силы и способности народа должны были ослабнуть. Когда обрекались на упадокъ церкви и школы, когда ограничивались гражданскія и общественныя права приверженцевъ православія, отнималось ихъ имущество и собственность, когда хитростью или силою отрывали отъ народа русскую шляхту и ополячивали ее,—то каждый легко поймете, что остатокъ русскаго народа былъ низведенъ до состоянія матеріальнаго безсилія и политическаго нуля, а по тому самому и языкъ народный оставался въ пренебреженіи.

Собравшись на сеймъ, патроны не разъ толковали объ упадкѣ русской церкви, обращались иногда къ русскимъ епископамъ съ рѣзкими замѣчаніями, какъ мы это видѣли въ письмѣ къ митрополиту Онисифору, и однако ни разу отъ словъ не перешли къ дѣлу.

Правда, явилась было мысль—поднять просвѣщеніе, сдѣлавъ общедоступнымъ для массы священное писаніе; но какъ достигнуть этого, когда долгое время не было ни школъ, ни типографій? Полочанинъ Скорина перевелъ библію на современный русскій языкъ, какой употреблялся высшими сословіями, т. е. болгарскій, уснащенный полонизмами. Эту библію онъ напечаталъ въ чешской Прагѣ. Въ 1562 г. основана первая типографія въ Несвижѣ. Здѣсь Симеонъ Будный напечаталъ протестантскій катехизисъ и предложилъ его русскому обществу. Нѣсколько позже литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ типографію въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, и здѣсь бѣжавшіе изъ Москвы типографщики Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ напечатали евангеліе съ толкованіемъ. Наконецъ основана на Руси знаменитая острожская типографія, въ которой тотъ-же Ѳедоровъ напечаталъ въ первый разъ полную церковную библію на славянскомъ языкѣ. Это было первымъ важнымъ шагомъ на пути къ просвѣщенію русскаго общества.

Давая у себя пріютъ московскимъ типографщикамъ, русскіе паны—Ходкевичъ и Острожскій оказали великую заслугу не только типографскому дѣлу, которое впослѣдствіи расширили братства, но и всей Руси. При посредствѣ книгопечатанія Несвижъ, Заблудовъ, Острогъ, Львовъ, Вильна, затѣмъ Кіевъ и многіе другіе города пришли къ сознанію русскаго единства, а дѣйствовавшіе въ этихъ

городахъ станки сблизили Литву съ Червоною Русью, а вскорѣ потомъ—съ 1580 г. сблизили съ обѣими и Украйну.

Въ XVII ст. южная Русь значительно возвысилась въ европейской цивилизаціи своими школами и типографіями, своими духовными писателями и учеными во время борьбы противъ уніи и католицизма (Смотрицкій, Копыстенскій, Могила, Гизель и др.). Между тѣмъ исходъ борьбы между двумя враждебными элементами долго оставался сомнительнымъ.

Въ толпѣ гостей, безпрестанно окружавшихъ магната, ни одинъ изъ элементовъ не имѣлъ перевѣса: ни польскій, ни русскій, ни православный, ни католическій, ни новое реформаціонное ученіе. Домъ магната уподоблялся рынку, на которомъ встрѣчались всевозможные товары; это было какъ-бы порто-франко, куда свозилось все безъ контроля. На столѣ знаменитаго защитника православія, князя Острожскаго, лежали сочиненія Поссевина и Скарги рядомъ съ сочиненіями князя Курбскаго или аѳонскаго монаха Іоанна Вишенскаго; іезуитъ Мотовило былъ его любимымъ собесѣдникомъ. Въ дворецъ Острожскаго собирались для диспутовъ и пріятельскихъ бесѣдъ представители католицизма и православія вмѣстѣ съ представителями лютеранства, кальвинизма и социніанства. Неудивительно поэтому, что Янушъ Острожскій еще при жизни отца отрекся отъ вѣры и національности своихъ предковъ и сдѣлался полякомъ.

Итакъ, не патроны охраняли русскую народность. Охраняли ее стойкость мѣщанъ съ одной стороны, монастырскій аскетизмъ съ другой, и наконецъ храбрость запорожцевъ; простой народъ былъ четвертымъ консервативнымъ элементомъ, но онъ находился въ рукахъ тѣхъ, кто владѣлъ имъ.

Въ одномъ изъ параграфовъ инструкціи митрополиту Рагозѣ значилось: православную церковь унижать во всѣхъ отношеніяхъ.

Для уясненія этого пункта нужно указать, какимъ имуществомъ владѣла русская церковь и что сдѣлано съ нимъ мало по малу. До водворенія польскаго правительства на Руси, здѣсь не было ни одной епархіи, ни одного прихода католическаго, поэтому всѣ церковныя имѣнія составляли собственность православныхъ церквей. Пожертвованія на церкви и монастыри были такъ значительны,

что давали полную возможность епископамъ удовлетворять ихъ миссіи, поддерживать учебныя и благотворительныя заведенія, украшать храмы и т. д. Чтобы унизить русскую церковь, іезуиты задумали лишить ее имущества, что и было постепенно исполнено съ теченіемъ времени. Исторія не знаетъ ничего о томъ, чтобы польское правительство учреждало новыя православныя епархіи, или надѣляло бенефиціями уже существующія; напротивъ, извѣстно огромное число фактовъ отобранія православныхъ церквей и обращенія ихъ въ латинскіе костелы.

Еще Ягайло отбиралъ у православныхъ церкви и отдавалъ ихъ католикамъ. Когда въ 1414 г. сдѣлалась вакантною галицкая митрополія, православные въ теченіи 125 лѣтъ не получали для себя епископа, вслѣдствіе чего церковныя имущества перешли въ частныя руки. Гораздо позже начали надѣлять латинскіе епископства и костелы и то по большей части имѣніями, принадлежавшими русскимъ церквамъ, что вызывало вооруженныя схватки и порождало ненависть.

Вмѣстѣ съ отобраніемъ церквей отнимались у православнаго духовенства и всѣ средства къ существованію. Десятина, предназначенная для русскихъ церквей, послѣ обращенія ихъ въ католическія, переходила къ послѣднимъ. Такимъ образомъ бѣднѣли православные епископы, духовенство, учебныя и богоугодныя заведенія приходили въ упадокъ и научная подготовка бѣлаго духовенства становилась невозможной, блѣднѣлъ старинный блескъ русской церкви, исчезало ея значеніе и вліяніе. Прежнее богатство монастырей и другихъ учрежденій смѣнилось бѣдностью и нуждою. Для враговъ православія это было самое желательное положеніе вещей, когда духовенство, обнищавшее, погрязшее въ невѣжествѣ и лишенное значенія вмѣстѣ съ церковью, которой оно было представителемъ, могло быть выставлено на позоръ и осмѣяніе. Въ видахъ униженія православія русскихъ епископовъ называли владыками, священниковъ попами, а церкви синагогами.

Такъ, путемъ воспитанія русской шляхты въ іезуитскихъ школахъ, замѣщенія епископскихъ каѳедръ удобными для іезуитовъ лицами и обнищанія русскихъ церквей подготовлялось введеніе уніи. Послѣ такихъ подготовительныхъ мѣръ агенты римской куріи считали Русь вѣрной и легкой добычей для латинской церкви. Однако

на дѣлѣ оказалось, что добыча далеко не была такъ легка и что невѣжественныхъ православныхъ поповъ и неграмотный русскій народъ гораздо труднѣе заставить перемѣнить вѣру, нежели образованныхъ патроновъ православія.

XI.

Русскіе имѣли много поводовъ задуматься надъ уніею. Съ одной стороны имъ говорили: «примите унію и будете уравнены въ правахъ съ поляками»; съ другой—православные епископы и русская шляхта уже въ теченіи двухъ столѣтій привыкли къ союзу съ католической Польшей.

Долгій путь, исполненный терпѣнія съ одной стороны и всевозможныхъ притѣсненій съ другой, заставилъ многихъ православныхъ освоиться съ мыслью о необходимости какимъ-бы то ни было образомъ положить конецъ двухвѣковой враждѣ одноплеменныхъ народовъ. Мысль эта поддерживалась еще тѣмъ соображеніемъ, что и въ старину обѣ церкви, западная и восточная, были объединены, не смотря на различіе ихъ обрядовъ; поэтому надѣялись, что унія не измѣнитъ православной вѣры.

Съ другой стороны Константинополь находился во власти турокъ, отъ которыхъ зависѣлъ и православный патріархъ; ограбленные турками, патріархи не разъ находились въ необходимости собирать на Руси подаяніе; то-же происходило и при смѣнѣ духовныхъ начальниковъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ являлись большіе безпорядки и униженіе высокаго значенія патріарха.

Упадокъ православной церкви порождаетъ религіозный индифферентизмъ среди русскихъ пановъ; неудивительно поэтому, что послѣдніе такъ быстро переходятъ въ лоно католической церкви, особенно съ того времени, какъ начинаютъ вступать въ родственныя связи съ польскими домами. Вотъ причины, почему даже такіе столпы православія, какъ князь Константинъ Острожскій, входятъ въ переговоры объ уніи. Острожскій, вмѣстѣ со многими другими панами, надѣялся, что покровительство папы можетъ защитить русскую церковь отъ притѣсненій со стороны поляковъ и прекратитъ неурядицы въ православной іерархіи. Такъ думало и большинство; всѣ надѣялись на возможность сохранить во всей чистотѣ греко-восточное испо-

вѣданіе, пока не убѣдились наконецъ въ истинномъ значеніи уніи.

Что князь Острожскій понималъ унію, какъ дѣйствительное объединеніе церквей, видно изъ того, что онъ предпринималъ соединеніе не одной только западно-русской церкви, но и всей восточной, и съ этою цѣлью началъ сношенія съ московской Русью. Иначе смотрѣли на дѣло русскіе епископы: они думали только о присоединеніи одной западно-русской церкви, находившейся въ польскомъ государствѣ, и для того нѣсколько разъ съѣзжались на совѣщанія, пока наконецъ не подписали согласія на унію. Поцѣй извѣстилъ о случившемся князя Острожскаго, который былъ этимъ сильно раздраженъ.

Душою уніатской партіи были: Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волынскій.

Возобновленіе уніи, популярное въ средѣ польской шляхты, которая усматривала въ ней еще одну сильную связь съ короной, не было однако популярнымъ среди русскаго народа, который предчувствовалъ, что это нововведеніе не будетъ въ его пользу. Если мѣщане и крестьяне и принимали унію, то дѣлали это изъ страха и въ теченіи долгаго времени готовы были отпасть отъ нея. Между тѣмъ на Украйнѣ, гдѣ народъ въ силу долговременной привычки къ войнѣ былъ отважнѣе и менѣе проникся невольничьимъ страхомъ, унія прививалась съ большимъ трудомъ. Сверхъ того отвращеніе къ уніи усиливали тѣ пріемы, какими сопровождалось ея насажденіе въ краѣ.

Когда вѣсти о принятіи уніи дошли до народа, со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, требовавшіе всеобщаго собора. Между тѣмъ митрополитъ колебался или дѣлалъ видъ, что не можетъ оставить своей церкви; онъ объявилъ главнымъ дѣятелямъ уніи, Терлецкому и Поцѣю, а черезъ нихъ и королю, что не отказывается отъ уніи,—готовъ принять ее, если она будетъ принята на соборѣ духовенства и мірянъ, до отправленія депутаціи въ Римъ. Князь Острожскій въ свою очередь заявилъ, что такое важное дѣло не можетъ быть рѣшено безъ общаго собора. Этотъ путь былъ самымъ естественнымъ.

Сперва король согласился созвать соборъ и даже распорядился изготовить универсалъ, но, убѣдившись въ невозможности ожидать

общаго согласія на унію, не выпустилъ его изъ канцеляріи и приказалъ Поцѣю съ Терлецкимъ ѣхать въ Римъ. По крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что унія не была навязана, но что ее приняли даже русскіе епископы.

Между тѣмъ, пока Поцѣй и Терлецкій успѣли съѣздить въ Римъ и возвратиться, въ Украйнѣ вспыхнуло первое козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Косинскаго. Позволительно еще сомнѣваться въ томъ, чтобы возстаніе Косинскаго поднялось изъ чисто религіозныхъ побужденій. Вначалѣ у козаковъ освобожденіе братьевъ изъ неволи считалось лучшимъ дѣломъ благочестія. Если когда-нибудь козакъ задумывался о своемъ душевномъ спасеніи, то навѣрно представлялъ его себѣ не иначе, какъ въ размѣрѣ того вреда, какой онъ наносилъ татарамъ и туркамъ. Какъ люди необразованные и не посвященные во всѣ тайны богословія, козаки знали только, что вѣра ихъ—не шляхетская; они знали, что ихъ предки, какъ и сами они, убѣгали въ степи отъ пановъ-католиковъ; поэтому папъ-католикъ является для нихъ такимъ-же враждебнымъ существомъ, какъ бусурманинъ, набѣгающій съ лукомъ и арканомъ, или еврей арендаторъ.

Теперь козаки нападаютъ на панскіе дворы, разоряютъ ихъ, уничтожаютъ шляхетскіе документы, они сильнѣе борются противъ польскихъ порядковъ, которые усматриваютъ также и въ подчиненіи русской церкви папѣ. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что Косинскій заѣзжаетъ и опустошаетъ имѣнія князя Острожскаго, котораго считали польскимъ магнатомъ за то, можетъ быть, что онъ хлопоталъ объ уніи.

Овладѣвъ многими украинскими городами и даже Кіевомъ, безъ особаго ихъ сопротивленія, Косинскій вездѣ отбиралъ присягу на вѣрность украинскому войску. Онъ уже составляетъ планъ—оторгнуть Русь отъ Польши, разрушить въ ней аристократическій порядокъ, ввести козацкое устройство и распространить его равно на лицъ шляхетскаго и не шляхетскаго происхожденія, чтобы не было различія сословій, чтобы всѣ были равны и на равныхъ правахъ владѣли землею. Такой планъ угрожалъ Польшѣ опасностью политическаго и общественнаго переворота, поэтому король обратился къ дворянству южно-русскихъ воеводствъ, призывая его къ оружію противъ врага.

Князь Острожскій вооружилъ шляхту въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и послалъ ее противъ возставшихъ, подъ начальствомъ своего сына Януша. На этотъ разъ Косинскому не посчастливилось: послѣ неудачнаго боя подъ Пяткой козаки принуждены были дать обѣщаніе выбрать себѣ другаго предводителя,—тѣ-же, которые не были подъ Пяткой, не думали о новомъ выборѣ и, напротивъ, побуждали Косинскаго къ новому возстанію, говоря: « Абожъ то не наша земля? чи-жъ не мы ій видъ орды одибрали? Чіе-жъ тутъ право »? Косинскій не могъ противиться общественному давленію, но, пока стягивались новыя силы, онъ погибъ во время пирушки въ Черкасахъ; тамъ подпялся споръ, перешедшій въ драку, и одинъ ударъ измѣнника, или просто пьянаго, пресѣкъ бурную жизнь Косинскаго. Козаки избрали послѣ него гетманомъ Лободу.

Такъ начались продолжительныя войны между тѣми, кто считалъ землю своею собственностью на основаніи королевскихъ привилегій, и тѣми, которые признавали ее своею собственностью, пріобрѣтенною путемъ завоеванія отъ татаръ; между тѣми, кто смотрѣлъ на свободу, какъ на гербовую привилегію, и тѣми, кто считалъ ее природной и неотъемлемой собственностью каждаго человѣка. Силы были неравны и если борьба не имѣла слѣдствіемъ завоеванія свободы, то все таки приготовила упадокъ Польши.

Обыкновенно шляхетская партія, съ помощью наемныхъ регулярныхъ войскъ, одерживала верхъ надъ возставшими, предводители возстанія подвергались строгимъ карамъ, а Украйна—еще болѣе тяжкимъ притѣсненіямъ.

Изъ вождей козацкихъ, въ эпоху между 1593—1638 гг., особенно прославились борьбою съ поляками: Наливайко, Тарасъ Трясило, Павлюкъ, Остряница. Одному только Сагайдачному, вѣрному защитнику православія, удалось достигнуть почета отъ польскаго правительства и жить въ мирныхъ отношеніяхъ съ шляхетскою партіею, какъ то увидимъ ниже.

Между тѣмъ какъ поляки стараются всѣми силами подавить возстаніе Косинскаго, Поцѣй и Терлецкій приносятъ присягу на вѣрность панѣ, обѣщая ему всегдашнее послушаніе въ дѣлахъ вѣры, а на родинѣ всѣ возмущаются самовольнымъ ихъ поступкомъ.

Въ это время, кромѣ реестровыхъ козаковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Лободы, появляется другое козацкое войско, возникшее

по собственной иниціативѣ, подъ предводительствомъ Наливайка. Возстаніе его, начавшись на Волыни, носитъ до нѣкоторой степени религіозный характеръ. Наливайко нападаетъ на имѣнія русскихъ епископовъ и мірянъ, склонныхъ къ уніи, занимаетъ Луцкъ, гдѣ месть козаковъ обращается на сторонниковъ и слугъ Кирилла Терлецкаго; затѣмъ поворачиваетъ на Бѣлоруссію, добываетъ Слуцкъ, гдѣ находитъ большой запасъ оружія, занимаетъ Могилевъ, захватываетъ спрятанныя въ Пинскѣ драгоцѣнныя церковныя вещи, принадлежавшія Терлецкому, и овладѣваетъ важными документами на пергаминѣ съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изъявившихъ согласіе на унію.

Зимою 1595—1596 г. Наливайко соединился съ козацкимъ гетманомъ Лободою и возстаніе начало принимать грозные размѣры. Король посылаетъ противъ козаковъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго и война между ними продолжается упорно до конца мая 1596 г. Для обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о жизни и смерти, вопросъ о томъ, быть-ли на Руси польскимъ или русскимъ порядкамъ. Стѣсненные польскими войсками, козаки переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и были осаждены подъ Лубнами. Тутъ между козаками начались несогласія; сначала Наливайко низложилъ съ гетманства и убилъ Лободу, а самъ сдѣлался гетманомъ, но въ свою очередь былъ схваченъ, выданъ полякамъ и казненъ въ Варшавѣ.

Какой-то *fatum* тяготѣлъ надъ Польшей. Едва казнили одного Наливайка, какъ къ тому времени уже появлялся другой; у воротъ новаго замка въ Жолквѣ явился Михайло Хмѣльницкій, отецъ Богдана, называя себя башитомъ, и этого было достаточно, чтобы онъ былъ принятъ въ замкѣ. Недостатокъ людей близъ границъ не позволялъ слишкомъ критически относиться къ ихъ прошлой жизни. Послѣ брака дочери Жолкѣвскаго съ богатымъ паномъ Даниловичемъ, Михаилъ Хмѣльницкій былъ причисленъ къ свитѣ, сопровождавшей молодую въ домъ ея мужа.

Даниловичу принадлежала вся Корсуньщина и Чигиринщина и онъ поручилъ Хмѣльницкому управленіе этими обширными имѣніями. Тотъ, съ разрѣшенія своего пана, завелъ собственное хозяйство въ лѣсистой мѣстности Суботовѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Тясмина; позиція была опасная—еще недавно за Тясминомъ кочевали татары, да и теперь появлялись они на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Такъ возникло Суботово, послужившее въ непродолжительномъ времени послѣднимъ поводомъ къ всеобщей внутренней войнѣ.

Правда, на Украйнѣ съ давнихъ поръ шли споры съ козаками за поземельную собственность. Шляхта старалась захватить козацкія земли въ фактическое владѣніе и обратить жителей въ крѣпостныхъ, что впрочемъ не такъ-то легко удавалось; но безпрерывныя требованія шляхты о распространеніи польскаго права были главнымъ поводомъ непріязненныхъ отношеній между козаками и шляхтой, превратившихся вскорѣ въ упорную борьбу. Козаки видѣли, что тѣ порядки, отъ которыхъ ихъ предки уходили изъ центра шляхетства, послѣдовали за ними и на Украйну, а отсюда уже нѣкуда было уходить, развѣ въ турецкую или татарскую неволю. Оставалось на выборъ изъ двухъ одно: или склонить голову подъ панское ярмо, или защищать свободу до послѣдней капли крови. Убѣгая изъ-подъ власти пана или старосты въ козачество, крестьянинъ приносилъ туда глубокую ненависть ко всему, что было панскимъ, шляхетскимъ и польскимъ, такъ какъ ненавистный ему панъ былъ или становился полякомъ. Наравнѣ со всѣмъ панскимъ ненавистна была козаку католическая вѣра, а еще нестерпимѣе была унія, какъ одинъ изъ признаковъ панскаго гнёта, насильно навязанный его совѣсти; православная вѣра, напротивъ, была для русскаго народа признакомъ свободы. Съ этого времени козачество, которое теперь пополняется исключительно изъ простаго народа, готово защищать съ оружіемъ въ рукахъ все, что было дорогаго для этого народа. Съ этого времени козачество становится народнымъ представительствомъ на Руси.

Въ началѣ 1596 г. возвратились на родину Поцѣй и Терлецкій. Кромѣ писемъ къ православнымъ епископамъ и митрополиту, привезли они отъ папы письмо на имя короля Сигизмунда III съ просьбою возвратить несправедливо отнятыя церковныя имѣнія, русское духовенство уравнять въ правахъ съ польскимъ, а именно— дать мѣста въ сенатѣ русскимъ епископамъ, однимъ словомъ удовлетворить представленнымъ епископами условіямъ, пополненіе которыхъ зависѣло отъ короля. Однако просьба папы осталась безъ послѣдствій.

Между тѣмъ унія встрѣтила въ краѣ сильное противодѣйствіе со стороны церковныхъ братствъ и даже на сеймѣ варшавскомъ

1596 г. враждебно смотрятъ на введеніе уніи, предвидя могущія произойти отсюда волненія. Но не смотря на то, что всѣ опасались народнаго возстанія и предвидѣли большія несчастья, Сигизмундъ III рѣшился ввести унію и созвалъ соборъ въ Брестѣ литовскомъ на 6 октября 1596 г. для ея утвержденія. Съ своей стороны князь Острожскій извѣстилъ о томъ восточныхъ патріарховъ; по его просьбѣ присланы были протосинкелы (намѣстники) отъ константинопольскаго патріарха Никифора и александрійскаго Кирилла. Острожскій также дѣлалъ приготовленія къ собору. Собравшись въ назначенный срокъ, соборъ тотчасъ раздѣлился на два лагеря, изъ которыхъ каждый по своему относился къ уніи. Уніатскій лагерь составляли католическіе бискупы, іезуиты, поляки и уніаты, явившіеся съ митрополитомъ Рагозою. Засѣданія уніатской партіи происходили въ каѳедральномъ соборѣ. Православный лагерь образовали экзархи двухъ восточныхъ патріарховъ, сербскій митрополитъ Лука, русскіе епископы: львовскій Гедеонъ и перемышльскій Михаилъ, и другіе сановники церкви, далѣе со стороны мірянъ—князь Острожскій, представители братствъ, земскіе послы и т. д.

Брестъ принадлежалъ къ епархіи Поцѣя, который приказалъ запереть всѣ остальныя церкви, чтобы лишить православныхъ мѣста для собраній, такъ что они были принуждены собираться въ частномъ домѣ.

Православные въ свою очередь раздѣлились на двѣ партіи: духовную и свѣтскую. Согласно древнимъ обычаямъ восточной церкви, для измѣненія догматовъ вѣры недостаточно было постановленія одного только духовенства, требовалось также согласіе свѣтскихъ лицъ какъ шляхетскаго сословія, такъ и простаго народа. Въ силу этого принципа, на созванный въ Брестѣ соборъ для совѣщанія объ уніи явились многіе изъ свѣтскихъ сановниковъ литовскихъ и русскихъ. Между тѣмъ какъ духовенство занялось обсужденіемъ уніи со стороны религіозной, свѣтская партія, не вдаваясь въ богословскіе диспуты, защищала свою вѣру на основаніи правъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія и подтвержденныхъ какъ великими князьями литовскими, такъ и польскими королями. Глава православнаго собора, протосинкелъ Никифоръ, три раза приглашалъ кіевскаго митрополита на засѣданія собора, но когда онъ не явился и отвѣтилъ, что подчинился уже западной

церкви, православный соборъ объявилъ лишенными сана какъ самаго митрополита, такъ и епископовъ, признавшихъ унію. Эти съ своей стороны отвѣтили тѣмъ-же, т. е. низложили православныхъ іерарховъ.

Послѣ отказа со стороны духовной партіи, свѣтская единогласно объявила, что весь литовско-русскій народъ настроенъ противъ уніи. Составленъ былъ протестъ какъ противъ самой уніи, такъ въ особенности противъ способовъ ея введенія, объявлено низложеніе принявшихъ унію священниковъ и послана королю просьба о назначеніи новыхъ епископовъ на мѣсто отпавшихъ отъ православія.

Уніатскій лагерь уже не обсуждалъ вопроса объединенія церквей,—оно еще раньше было рѣшено безъ собора и утверждено папою. Прочитанъ былъ только папскій декретъ, т. е. объявлена унія, которую нужно было ввести насильно.

Такое объявленіе уніи сильно возмутило русскихъ пановъ. Всюду ожидали страшныхъ волненій; дѣйствительно, шляхта, мѣщане и козаки могли на этотъ разъ соединиться для общаго дѣла, но іезуиты разсчитывали иначе: они знали, что будетъ волненіе только на словахъ—дворянское волненіе. Они знали также, что мѣщане не пользуются правомъ голоса на сеймѣ, патроны ограничатся одними словами и не подымутся на дѣло, а козаки были разбиты. Патроны были прежде всего русско-польскими панами и самъ Острожскій, грозившій собрать 15—20,000 вооруженнаго войска, не собралъ ни одной тысячи, а братству львовскому писалъ въ тоже время: «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе».

Объ стороны—уніатская и православная обратились за рѣшеніемъ дѣла къ королю; православные протестовали, ссылаясь на существовавшія права. Король принялъ сторону уніатовъ; онъ не признавалъ другой восточной церкви, кромѣ объединенной уже съ Римомъ. Всѣ не принявшіе уніи были въ его глазахъ не исповѣдниками греко-восточной вѣры, а ея отступниками, схизматиками.

Съ этого времени начинается преслѣдованіе православныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и оппозиція съ ихъ стороны. Михаилъ Рагоза вскорѣ умеръ; преемникъ его по митрополичьей каѳедрѣ, Поцѣй, такъ усердно распространялъ унію, что едва не былъ убитъ виленскими мѣщанами. Но еще тяжелѣ личной неволи оскорбляло народъ униженіе православной церкви. Въ свою очередь евреи, пользуясь такимъ положеніемъ, надоумили пановъ уступить имъ въ

аренду, вмѣстѣ съ прочими статьями дохода, и православныя церкви; тутъ началась новая эксплуатація. Родится ребенокъ у крестьянина, прежде всего нужно заплатить жиду, иначе дитя останется некрещеннымъ; женитъ крестьянинъ сына, или отдаетъ дочь замужъ, опять плати жиду, иначе не будетъ вѣнчанья; нуждался-ли крестьянинъ въ какой-нибудь требѣ или церковной службѣ,—за ключи отъ церкви, за веревки отъ колоколовъ, за все нужно было платить еврею. Даже пасху для освященія нужно было покупать у евреевъ, или оплачивать право печь ее дома. Жалобы народа на все это отзываются и понынѣ въ его пѣсняхъ.

Неудивительно поэтому, что народъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія подобными порядками, толпами обращался въ козачество, неудивительно, что возникали возстанія за возстаніями.

Послѣ казни Наливайка польское правительство издаетъ грозное постановленіе противъ козаковъ; всѣ низовые козаки объявляются врагами отечества и стоящему въ Украйнѣ «кварцяному» войску вмѣняется въ обязанность истреблять ихъ; у козаковъ отнимаютъ ихъ старинныя права, земли и даже данный имъ Баторіемъ Трехтемировъ.

Но всѣ эти постановленія только сильнѣе раздражали козаковъ. Напрасно поручалось панамъ и «дозорцамъ» ловить бродягъ и доставлять на мѣсто жительства, гдѣ ихъ могли наказывать смертью безъ суда и слѣдствія; пока Запорожье не находилось во власти пановъ, невозможно было подавить козаковъ. Между тѣмъ сами паны своими колонизаціонными пріемами способствовали росту козачества, зазывая народъ на слободы, куда принимали всѣхъ безъ разбора, даже разбойниковъ. Украинскіе паны жили между собою несогласно, наѣзды были для нихъ явленіемъ ежедневнымъ; поэтому каждый нуждался въ козакахъ, какъ для наѣздовъ, такъ и для защиты. Но эти козаки готовы были, при первомъ неудовольствіи, поступить съ своими панами также точно, какъ поступали по ихъ приказанію съ сосѣдями.

Смѣлость козаковъ возрасла до такой степени, что рѣдко выдавался годъ, въ который не бывало похода; такъ въ 1601 г. со стороны крымскаго хана жаловался Ахметъ Калга на набѣгъ запорожцевъ на Крымъ, а уже въ слѣдующемъ 1602 г. жалуются турки на то, что атаманъ Кулей разбилъ на Черномъ морѣ отрядъ

Гассана аги, что козаки захватили турецкій купеческій корабль, шедшій изъ Кафы и т. д. Чѣмъ-же отвѣчали поляки? Пясочинскій объяснялъ, что козаки не были подданными польской короны и король не могъ отвѣчать за своевольныхъ людей, уходившихъ въ степи,—пусть ихъ истребляютъ татары.

Всѣ указанныя выше обстоятельства и жалобы вызвали рѣзкія постановленія противъ козаковъ со стороны сейма 1607 г. Та-же конституція повторена была и въ 1609 г.; козаки подчинены власти старостъ и пановъ, имѣвшихъ надъ ними право смертной казни, а старшій войска запорожскаго долженъ былъ назначаться изъ лицъ шляхетскаго происхожденія. Однако вскорѣ, вслѣдствіе появленія самозванцевъ и войны Сигизмунда III съ московскимъ государствомъ (1609 г.), правительство нашлось въ необходимости понизить тонъ; вербовали всевозможныхъ бродягъ и составляли отряды, часть которыхъ отправилась съ польскимъ войскомъ подъ Смоленскъ, а другіе разошлись на слободы, или прямо въ Сѣчь, а оттуда на Черное море. Наконецъ магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгся въ 1612 г. въ Молдавію, съ цѣлью удержать низложеннаго господаря, и польское правительство могло опасаться мести со стороны турокъ—все это способствовало лишь росту козачества.

XII.

Вступая въ тѣсную связь съ Польшей, русское боярство старалось обезпечить свою народность отъ чуждыхъ вліяній, а главными основами русской національности были—языкъ и православная вѣра. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій, поставленныхъ при объединеніи Руси съ Польшею, была гарантія русскаго языка во всѣхъ офиціальныхъ актахъ. Вслѣдствіе того, когда въ 1576 г. король Стефанъ Баторій вызвалъ ко двору нѣкоторыхъ брацлавскихъ бояръ польскимъ письмомъ, боярство брацлавское запретило своимъ собратьямъ исполнить королевскій приказъ и напомнило королю, что всѣ предписанія должны дѣлаться на русскомъ языкѣ, который въ старину употреблялся въ Литвѣ и на Руси во всѣхъ письменныхъ памятникахъ. На этомъ языкѣ писались лѣтописи, законы, княжескія грамоты и т. д. Самъ Ягайло не говорилъ иначе, какъ по русски и мѣстные бояре въ теченіи долгаго времени старались

сохранить неприкосновеннымъ свой языкъ. На конвокаційномъ варшавскомъ сеймѣ 1632 г. въ число его постановленій занесено слѣдующее (Art. 27): «всѣ русскіе законы, какъ того требуетъ старинное право и какъ то понынѣ было въ обычаѣ, всѣ привилегіи, письма, мандаты и всѣ прочія дѣла воеводствъ: кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, выпущенныя изъ канцеляріи его королевской милости, должны быть написаны на русскомъ языкѣ *sub nullitate* всего дѣла».

Что касается религіозныхъ отношеній, то для защиты вѣры, какъ мы уже видѣли, учреждались церковныя братства, куда вступали членами представители знатнѣйшихъ русскихъ родовъ. Предметомъ особаго попеченія русскихъ паповъ была кіево-печерская лавра. Король Сигизмундъ III, вмѣстѣ съ іезуитами, понялъ ея огромное значеніе въ краѣ, поэтому, едва только нѣкоторые изъ русскихъ епископовъ изъявили согласіе на унію, какъ Сигизмундъ, еще раньше ея опубликованія, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, отдававшую кіево-печерскую лавру, со всѣми ея имѣніями и доходами, въ полное владѣніе кіевскихъ митрополитовъ подъ условіемъ, что эти послѣдніе будутъ пребывать въ единеніи съ римскою церковью. Отсюда произошло такое раздраженіе, что самъ король нашелся вынужденнымъ просить папу оставить лавру въ прежнемъ положеніи.

Со времени брестскаго собора, на которомъ была принята унія, ни одинъ сеймъ не проходилъ безъ того, чтобы не подымались на немъ голоса въ защиту православной вѣры. Цѣлый рядъ жалобъ, начатый соборнымъ посланіемъ къ митрополиту Онисифору въ 1585 г., тянется до временъ Хмѣльницкаго. Въ 1606 г., волынскіе бояре въ союзѣ съ боярами кіевскаго воеводства, съѣхавшись подъ Сандомиромъ, постановили просить короля объ уничтоженіи уніи. Напуганный конфедератами король обѣщалъ, что православный русскій народъ на будущее время не станетъ подвергаться преслѣдованіямъ за вѣру. На сеймѣ варшавскомъ 1607 г. внесено было особое предложеніе о православной вѣрѣ. Король обязался не нарушать правъ русскаго народа въ религіозномъ отношеніи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ. Но все это было безполезно—всѣ королевскія обѣщанія и постановленія польскихъ сеймовъ оставались мертвой буквой. Въ дока-

зательство приведемъ, напримѣръ, жалобу русской шляхты, поданую въ сенатъ во время сейма 1623 г.

«Мы—русскій народъ въ теченіи двадцати восьми лѣтъ докладываемъ вамъ на каждомъ сеймѣ о великихъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, какія терпимъ отъ нашихъ отщепенцевъ—митрополита и епископовъ уніатскихъ. Мы просили со слезами вступиться предъ королемъ за освобожденіе русскаго народа отъ упомянутыхъ притѣсненій, но и понынѣ не достигли просимаго. Теперь, если русскій шляхтичъ стараго греческаго вѣроисповѣданія бываетъ въ необходимости обращаться къ властямъ, его спрашиваютъ—уніатъ онъ или нѣтъ?

Во многихъ городахъ наши отступники отобрали у насъ церкви, а въ другихъ запечатали; духовенству нашему запрещено крестить или погребать публично; все это нужно совершать ночью, тайно, такъ какъ схваченныхъ при этомъ мѣщанъ строго наказываютъ, а священниковъ арестуютъ и изгоняютъ изъ города».

Однако всѣ хлопоты, просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. И король, и сеймы, каждый съ своей стороны, или не обращали на нихъ вниманія, или откладывали разсмотрѣніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или, наконецъ, объявляли свободу православной вѣры, не принимая никакихъ мѣръ къ ея защитѣ. Впрочемъ, Сигизмундъ III, всецѣло преданный іезуитамъ, умѣлъ вновь обходить постановленія сеймовъ и давать поддержку религіозной нетерпимости. Такъ брестскіе мѣщане, оставшіеся вѣрными религіи своихъ предковъ, были отлучены отъ церкви Поцѣемъ, изъяты королемъ изъ подъ защиты закона и объявлены «банитами», вслѣдствіе чего товары ихъ были опечатаны.

Раньше другихъ выказалъ нетерпимость къ православнымъ полоцкій архіепископъ, Іосафатъ Кунцевичъ. Всѣ жалобы на насилія, несправедливые процессы, самоуправства, грабежи, запираніе и печатаніе церквей православныхъ, выставленіе ихъ на посмѣшище и кощунство, лишеніе народа богослуженія и св. Тайнъ—все это подтвердилъ католикъ и государственный человѣкъ, литовскій канцлеръ князь Левъ Сапѣга, въ письмѣ къ Іоасафату Кунцевичу.

Далѣе можно замѣтить, что болѣе образованные изъ католиковъ приходятъ наконецъ къ сознанію, что объединять путемъ насилія значитъ разлучать; въ сочиненіяхъ, дошедшихъ отъ того времени,

часто встрѣчаются слова: «въ воздухѣ пахнетъ кровью и пожаромъ». Ясно предвидѣлъ канцлеръ Сапѣга смутныя послѣдствія религіознаго фанатизма какъ для государства, такъ и для самой уніи, но предотвратить грозившей опасности уже не было возможности. Іосафатъ самъ вызвалъ въ народѣ раздраженіе, достигшее такой степени, что онъ былъ убитъ въ 1623 г. Вотъ подробности этого дѣла.

Явившись въ Витебскъ, Кунцевичъ, при помощи войскъ, причинялъ православнымъ обычныя насилія, отбиралъ церкви, запиралъ ихъ, опечатывалъ, или обращалъ въ уніатскія. Православные жители терпѣливо переносили эти насилія, но отказались посѣщать уніатскія церкви, построили за городомъ палатки и тамъ отправляли свое богослуженіе.

Утромъ 12 сентября, въ воскресенье, архидіаконъ Кунцевича Дорофей напалъ на православнаго священника, переправлявшагося черезъ Двину для совершенія службы Божіей. Избивъ священника, онъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ и заперъ въ архіерейской кухнѣ. Вѣсть объ этомъ новомъ насиліи потрясла весь городъ, и терпѣливые до того времени граждане Витебска наконецъ заволновались; ударили въ набатъ; толпа раздраженныхъ людей ворвалась въ домъ архіепископа, православный священникъ былъ освобожденъ, а руководитель ненавистной уніи палъ среди своихъ искалѣченныхъ слугъ и трупъ его брошенъ въ рѣку.

Вѣсть объ убійствѣ полоцкаго архіепископа быстро облетѣла всю Польшу. Вначалѣ ее сочли сигналомъ къ истребленію католиковъ, опасались козацкихъ волненій въ Бѣлоруссіи и т. п. Черезъ два мѣсяца и десять дней прибыла въ Витебскъ коммисія для наказанія бунтовщиковъ. Около ста человѣкъ были осуждены на смерть, но большинство заблаговременно успѣло скрыться и только двадцать душъ было обезглавлено; однако имущество всѣхъ осужденныхъ конфисковано. Сверхъ того Витебскъ утратилъ магдебургское право и старинныя привилегіи, городская ратуша разрушена; соборную церковь Богородицы, близъ которой исполнено убійство, рѣшено снести съ тѣмъ, чтобы на счетъ жителей витебскихъ выстроить новую, болѣе обширную и величественную и т. д. Всѣ церкви отданы уніатамъ, всѣ жители безъ исключенія принуждены принять унію; а вслѣдъ за тѣмъ королевскими декретами запрещена была «схизма» въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ; запрещено

строить и починять православные храмы и всѣмъ жителямъ бѣлорусскимъ нешляхетскаго сословія приказано принять унію.

Короля поддерживали въ такой политикѣ не одни іезуиты, но также декретъ папы Урбана VIII, отъ 10 февраля 1624 г., въ которомъ сказано: «не щадите ни огня, ни меча». Іоасафатъ признанъ блаженнымъ и вскорѣ послѣ того былъ канонизованъ и объявленъ святымъ.

Между тѣмъ унія не имѣла того успѣха, на какой разсчитывали католики; все дѣло ея ограничивалось печатаніемъ церквей и монастырей и отнятіемъ принадлежавшаго имъ имущества. Сельскіе жители просто отказывались отъ церквей, отданныхъ уніатамъ, но мѣщане часто оказывали активное сопротивленіе, чѣмъ и навлекали на себя гнѣвъ правительства. Потеря торговыхъ правъ, опечатываніе товаровъ, исключеніе изъ городской общины, лишеніе покровительства законовъ—всѣ эти репрессіи постигли прежде всего мѣщанъ того города, гдѣ засѣдалъ соборъ.

Главной причиной такого стойкаго отпора уніи со стороны мѣщанъ и бѣднѣйшаго духовенства было стремленіе сохранить вѣру отцовъ; главною ихъ цѣлью было—спасти предковскія преданія и отстранить отъ своихъ святынь всѣхъ чужихъ и отступниковъ. Если фанатизмъ приводилъ католиковъ къ нетерпимости, то православными руководилъ духъ консерватизма.

Впрочемъ, въ правленіе уніатскаго митрополита Вельямина Рутскаго борьба уніи съ православіемъ въ Червоной Руси и на Волыни теряетъ до нѣкоторой степени тотъ воинственный характеръ, какой она носила при Поцѣѣ. Болѣе тихая пропаганда Рутскаго примиряла стремленія православныхъ и уніатовъ и тѣмъ самымъ была еще опаснѣе для православія. Онъ какъ-бы стремился отыскать *modus vivendi*,—извѣстную терпимость между уніатами и православными; подавалъ мысль создать для польской Руси патріаршество, которому были-бы равно подчинены какъ православные, такъ и уніаты. Православные сложа руки обсуждали проектъ Рутскаго, но насильственные поступки Кунцевича побудили ихъ снова стать на защиту своей вѣры и народности, а когда собственныя силы оказались недостаточными, тогда начали искать другую точку опоры.

Въ 1622 году епископъ сѣверскій Исаія Копинскій посылаетъ священника Гедеона къ московскому воеводѣ въ Путивль съ до-

несеніемъ о томъ, что христіане въ южно-русскомъ краѣ терпятъ отъ поляковъ притѣсненія. «Князей и бояръ православныхъ уже нѣтъ,—всѣ отступили отъ нашей вѣры,—одни поляки, другіе уніаты, третьи еретики... Нигдѣ нѣтъ отъ нихъ покою и всѣ мы, православные, тѣснимся пока на Украйнѣ въ кіевской землѣ и освѣдомляемся: не дозволитъ-ли царь монахамъ изъ сѣверской земли переселиться въ свое царство».

Подобное-же посольство отправилъ въ Москву двумя годами позже православный кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій съ просьбою принять Малороссію подъ свое покровительство. Тоже самое и въ то-же время сдѣлалъ Исакій Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, недопущенный уніатами въ свою епархію.

Итакъ, ни одна изъ желанныхъ уній, ни политическая, ни религіозная, не достигли намѣченной цѣли—дѣйствительнаго отдѣленія юго-западной Руси отъ восточной и сліянія ея съ Польшей въ одно государство, въ одинъ народъ. Онѣ, напротивъ, вызвали тяжелую борьбу между обоими вѣроисповѣданіями—борьбу, пробудившую въ населеніи юго-западной Руси стремленіе къ соединенію съ сѣверо-восточной и подготовившую упадокъ Польши.

Если и было когда лучшее прошлое и общія цѣли, то теперь они окончательно прекращаются. Необузданное попраніе человѣческихъ правъ и свободы совѣсти вынуждаютъ обитателей южной Руси искать иныхъ путей для будущаго, а поляки, упоенные мнимымъ торжествомъ подавленія схизмы въ одной половинѣ Россіи, простираютъ свои виды на другую. Завоеваніе московскаго государства, подчиненіе московской церкви Риму становится польской національной политикой.

Первый самозванецъ, Димитрій, появился въ предѣлахъ Польши, а именно при дворѣ Адама Вишневецкаго; іезуиты объявили его царевичемъ Димитріемъ и подъ этимъ именемъ представили королю, который назначилъ ему на содержаніе 40,000 злотыхъ ежегодно. Въ тоже время, чтобы не нарушать мирныхъ отношеній съ Россіею, Сигизмундъ, не объявляя войны, разрѣшилъ польскимъ панамъ помогать Димитрію въ отысканіи престола. Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 человѣкъ шляхты; къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ козаковъ.

Самозванецъ съ тріумфомъ вступилъ въ Москву и, по предварительному соглашенію съ царицей инокиней Маѳой, былъ признанъ ею за сына и царевича. Но царствованіе его продолжалось всего одинадцать мѣсяцевъ,—его сгубили пренебреженіе къ старымъ русскимъ обычаямъ и дружба съ поляками и іезуитами. По убіеніи его царемъ избранъ Шуйскій, но и тотъ не долго пользовался добрымъ расположеніемъ народа.

Между тѣмъ, по примѣру перваго самозванца, стали появляться и другіе обманщики; полякамъ понравилось вторгаться въ Россію при посредствѣ самозванцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сигизмундъ III, находя это время удобнымъ для исполненія своихъ замысловъ, нарушилъ наконецъ миръ и началъ войну съ Россіею, намѣреваясь завоевать ее уже не для самозванца, а для себя, и со временемъ обратить въ католичество. Коронный гетманъ Жолкѣвскій совѣтовалъ королю идти прямо на Москву, но король предпочелъ начать съ осады Смоленска, считая за лучшее сперва овладѣть этимъ пунктомъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, по низложеніи Шуйскаго, наступила семибоярщина и среди борьбы различныхъ партій стали наконецъ думать объ избраніи царя. Когда Жолкѣвскій подступилъ къ Москвѣ, партія королевича получила перевѣсъ, бояре заключили съ нимъ договоръ и принесли присягу на вѣрность Владиславу, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы королевичъ самъ принялъ на себя правленіе и чтобы царская власть была ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для завершенія договора отправлено къ Сигизмунду подъ Смоленскъ посольство, потребовавшее отступленія отъ Смоленска, прекращенія войны и прибытія королевича Владислава въ Москву для принятія царскаго престола. Но Сигизмундъ не снялъ осады Смоленска, не пустилъ сына въ Москву и, вопреки международному праву, отправилъ пословъ въ качествѣ плѣнниковъ въ Польшу.

Такимъ образомъ, тѣ-же самыя причины, которыя помѣшали удержать при польской коронѣ юго-западную Русь, принесенную ей въ даръ Литвою, помѣшали полякамъ создать великое славянское государство. Это были: гордость и тщеславіе поляковъ, религіозный фанатизмъ, презрѣніе и ненависть къ православной вѣрѣ и народности, оскорбленіе національнаго русскаго достоинства. Съ другой стороны опасность общаго польскаго ярма и нерасположенность къ латинскому исповѣданію пробудили въ московскомъ народѣ сознаніе необходимости согласной дѣятельности; собравшійся въ Москвѣ земскій соборъ избралъ на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Народъ сплотился вокругъ своего молодаго царя, а королевичъ Владиславъ, оставленный среди непріятелей половиною польскаго войска, которое не получало жалованья, довоевался до того, что едва не погибъ подъ Можайскомъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи польское правительство волею-неволею принуждено было обратиться за помощью къ козацкому гетману Сагайдачному, котораго до той поры отказывалось признать въ гетманскомъ достоинствѣ.

Съ того времени, какъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный началъ управлять козаками, ихъ морскіе походы выигрываютъ въ значеніи; въ 1613 г. козаки взяли приступомъ Кафу и освободили множество христіанскихъ плѣнниковъ; въ 1614 г. разрушили Синопъ и т. д.

По призыву короля, Сагайдачный спѣшитъ на выручку Владислава съ 20,000 тѣхъ самыхъ козаковъ, число которыхъ еще недавно было ограничено до одной тысячи, и освобождаетъ королевича съ остатками польскаго войска изъ осады. Получивъ такое значительное подкрѣпленіе, Владиславъ обратился на Москву, но, послѣ неудачнаго приступа, принужденъ былъ, въ силу Деулинскаго договора, отказаться отъ титула царя.

Не смотря на только что оказанную козаками важную услугу, Жолкѣвскій, по требованію пановъ, мечтавшихъ о подчиненіи своей власти козаковъ, выступилъ противъ нихъ съ войскомъ и обязалъ козаковъ подчиниться сеймовымъ конституціямъ, ограничивавшимъ до минимума ихъ число и права, и не нападать на турецкую землю. Однако требованія эти плохо исполнялись. Послана была коммисія для усмиренія козаковъ, а они снова отправились на море и на этотъ разъ опустошили окрестности самаго Константинополя. Непривыкшій переносить такое безчинство, султанъ, какъ пишетъ Жолкѣвскій, былъ до крайности раздраженъ тѣмъ, что козаки, разрушивъ множество турецкихъ городовъ, осмѣлились еще зажечь свои походные огни передъ окнами сераля. По удаленіи козаковъ, порта рѣшила выслать большое войско съ цѣлью истребить козаковъ и заселить Украйну мусульманами. Уже Скандеръ паша вошелъ въ предѣлы Подоліи; но какъ война съ Россіей еще не была окончена, то Жолкѣвскій поспѣлъ о мирѣ, обѣщая усмирить козаковъ. Снова учреждена коммисія, снова вымогаютъ у козаковъ обѣщаніе прекратить морскіе походы; въ Константинополь донесли, что козаки укрощены, а между тѣмъ походы ихъ продолжались по прежнему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(*Продолженіе*) [1]).

VIII.

Дорога изъ Бакоты въ Старую Ушицу.—Общій видъ города.—Экскурсія въ хороборскія пещеры.—Историческія воспоминанія объ Ушицѣ.—Мѣстные промыслы.

Верстахъ въ десяти или двѣнадцати къ юго-востоку отъ Бакоты расположенъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ подольскихъ, теперь заштатный городъ, Старая Ушица. Само названіе указываетъ на древность города и отличаетъ его отъ Новой Ушицы, носившей до недавняго времени названіе Летневцы. Тотчасъ по выѣздѣ изъ Бакоты дорога дѣлаетъ весьма крутой подъемъ и, удаляясь отъ Днѣстра, прорѣзываетъ наддиѣстрянскія горы.

Характеръ мѣстности здѣсь чрезвычайно напоминаетъ военно-грузинскую дорогу, правда въ миніатюрѣ; налѣво подымается высокая и обрывистая, мѣстами совсѣмъ отвѣсная, стѣна изъ фіолетоваго и зеленаго глинистаго сланца, съ нависшими утесами, которые повидимому ежеминутно готовы обрушиться. Дорога такой ширины, что двумъ экипажамъ едва можно разминуться, и то не совсѣмъ ровная, а нѣсколько наклонная къ обрыву; вправо глубокій, тоже почти отвѣсный обрывъ, куда и заглянуть страшно. Кавказскія дороги по крайней мѣрѣ хорошо вымощены и на всѣхъ сколько-нибудь опасныхъ мѣстахъ ограждены каменными парапетами, такъ что въ лѣтнее время путешественникъ отдѣлывается

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., октябрск. кн., стр. 254—275.

только головокруженіемъ, здѣсь-же, хотя обрывъ не сравнится глубиною съ кавказскими пропастями, за то не полагается ни мостовой, ни какой-бы то ни было ограды, не только каменной, но даже простаго плетня. Удивительно право, какъ мѣстные крестьяне умудряются провозить здѣсь тяжело нагруженные возы съ сѣномъ и снопами, когда возъ и безъ того въ наклонномъ положеніи, а разбросанные на дорогѣ камни, разумѣется, мало способствуютъ ровности хода. Впрочемъ крушенія здѣсь сравнительно весьма рѣдки, благодаря выносливости крестьянскихъ лошадей, привычныхъ къ такимъ дорогамъ, какъ это вообще бываетъ въ горныхъ мѣстностяхъ.

За нѣсколько дней до нашего пріѣзда случился сильный проливной дождь, значительно повредившій дорогу: множество камней осыпалось сверху, а между тѣмъ водою до такой степени снесло наносную почву съ дороги и размыло ея край, что мѣстами случалось, что одно изъ колесъ нашего воза висѣло въ воздухѣ надъ обрывомъ, а остальныя поминутно прыгали съ камня на камень. Не смотря на то нашъ возница погонялъ своихъ лошадокъ и самъ бѣжалъ за возомъ, какъ по самому удобному пути, а мы—пассажиры, давно уже вставшіе изъ экипажа, издали слѣдовали за нимъ, теряя его изъ виду при поворотахъ и мысленно прощаясь со своими пожитками.

Во время этого крутаго подъема намъ удалось видѣть довольно интересную картинку изъ мѣстной жизни—починку подольской дороги. Эта повинность лежитъ на мѣстномъ крестьянскомъ населеніи, и по распоряженію уличкаго урядника жители окрестныхъ селъ выслали опредѣленное число рабочихъ; по время было лѣтнее, «жнива» и «возовиця» въ полномъ разгарѣ, и каждый сколько нибудь сильный человѣкъ необходимъ дома, поэтому на обязательную работу вышли только старики да дѣти, большею частью дѣвочки, примѣрно отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Явились они съ запасомъ хвороста и, размѣстившись группами на нѣкоторомъ разстояніи вдоль дороги, закладывали фашинникомъ промоины по краямъ, сверху присыпали землею и щебнемъ ровно на столько, чтобы первый сильный дождь разрушилъ всѣ ихъ труды; дѣйствительно, отважившись заглянуть на дно оврага, я замѣтилъ огромную массу хвороста и земли, снесенныхъ предшествующими дождями. Рытвины и ухабы

мѣстами замащивали кремнемъ и другими мелкими камнями, а большею частью и такъ оставляли, по пословицѣ: «якось-то буде».

Подъемъ на гору продолжается около версты или немного больше, послѣ чего дорога выходитъ на возвышенную плоскогорную равнину и сперва удаляется отъ Днѣстра, затѣмъ у села Гораевки, на половинѣ разстоянія между Бакотой и Ушицей, снова приближается къ Днѣстру и до конца тянется вдоль вершины наддиѣстрянскихъ горъ, хотя самой рѣки не видно. Мало по малу замѣчается спускъ къ рѣкѣ, сначала очень пологій, прямо по наклонной плоскости горы, но, чѣмъ дальше впередъ, все болѣе крутой и неровный; влѣво отъ дороги показывается глубокій оврагъ, вдоль котораго расположено одно изъ предмѣстій Ушицы.

Ушицу составляютъ два ряда большихъ бѣлыхъ хатъ съ просторнымъ, опрятнымъ дворомъ и прилегающимъ къ нему огромнымъ фруктовымъ садомъ; одни спускаются къ Днѣстру, другіе—на дно оврага, затѣмъ снова выныряютъ новыя улицы и доходятъ до рѣки Ушицы. Судя по внѣшнему виду предмѣстій, населеніе Ушицы должно быть довольно зажиточно: при каждой хатѣ много разныхъ хозяйственныхъ построекъ, по двору прогуливаются въ значительномъ количествѣ домашняя птица и животныя; въ огородѣ, кромѣ обычныхъ овощей и цвѣтовъ передъ домомъ, замѣтны довольно обширныя плантаціи аниса, но несомнѣнно, что самыми доходными статьями въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ являются, кромѣ хлѣбопашества, садоводство и воздѣлываніе табаку. Какъ вездѣ почти по Днѣстру, хлѣбъ сѣется для продажи, а кукуруза для собственнаго потребленія; въ каждомъ огородѣ, а весьма часто и на поляхъ видны болѣе или менѣе значительныя плантаціи табаку, какъ бессарабскаго, такъ и турецкаго, отличающагося своими розовыми цвѣтами среди зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ бессарабскаго табаку. Въ обширныхъ садахъ разводятся главнымъ образомъ сливы лучшей венгерской породы и различные сорта яблокъ. Проѣзжая вдоль улицы, мы замѣтили разостланныя на крышѣ и на «призьбѣ» почти каждой хаты рядна, на которыхъ сушились ранніе сливы и порѣзанныя въ куски яблоки и груши, между тѣмъ какъ вдоль стѣнъ красуются гирлянды изъ табачныхъ листьевъ и нанизанныхъ на шпурокъ яблокъ, также развѣшанныя для просушки.—Всѣ эти продукты закупаются мѣстными евреями, разумѣется, по самымъ

ничтожнымъ цѣнамъ, но все таки они составляютъ значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ и расходятся отсюда по всѣмъ рынкамъ южной Руси.

Наконецъ, главная улица поворачиваетъ параллельно теченію Днѣстра, и мы въѣзжаемъ въ глубокое ущелье, окаймленное высокими горами; въ глубинѣ долины, въ углу при впаденіи въ Днѣстръ небольшой рѣчки Ушицы, расположенъ самый городъ въ видѣ треугольника, котораго двѣ равныя стороны сходятся почти подъ прямымъ угломъ у подножія параллельныхъ имъ горъ; третья сторона, самая длинная, тянется вдоль днѣстровскаго берега. Посреди города по обыкновенію находится рынокъ, весьма обширный; ратушу замѣняетъ въ южной сторонѣ продолговатой площади большая каменная корчма съ прилегающимъ къ ней зданіемъ самой заурядной уѣздной архитектуры, кажется, мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ или думою. Рынокъ, разумѣется, окруженъ еврейскими заѣздами и лавками, послѣднія дѣйствительно скорѣе напоминаютъ городъ, чѣмъ мѣстечко; сохранилось еще нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ съ балконами, галлереями, мезонинами подъ острой крышей, повидимому армянской архитектуры, какихъ много еще уцѣлѣло въ Могилевѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ. Здѣсь помѣщаются лучшіе ушицкіе магазины, въ которыхъ производится торговля самыми разнообразными товарами и даже такими предметами роскоши, какихъ мы не встрѣчали отъ самаго Хотина. Очевидно Ушица служитъ промышленнымъ центромъ для весьма значительнаго округа, и дѣйствительно въ ярмарочные дни сюда съѣзжаются столько окрестныхъ помѣщиковъ, что трудно бываетъ найти квартиру, какъ это и случилось съ нами: хотя ярмарокъ уже разъѣзжался, когда мы прибыли въ городъ, но пришлось порядочно таки потолкаться на площади отъ заѣзда къ заѣзду, отыскивая «станцію»; къ счастью одинъ старый еврей выручилъ насъ изъ затрудненія, согласившись уступить свою парадную комнату.

Пока мы располагались на жительство, начались обычные распросы: кто, какъ, куда, зачѣмъ, откуда и т. д., и затѣмъ въ общихъ чертахъ разсказывается біографія самихъ хозяевъ. Въ этой квартирѣ намъ въ первый разъ пришлось встрѣтить извѣстный комфортъ и даже буржуазную роскошь въ еврейскомъ жилищѣ. Большая парадная комната, замѣнявшая гостиную и залу, совмѣщала

въ себѣ всѣ самыя лучшія и дорогія вещи въ домѣ: подъ стѣнами два или три дивана, покрытыхъ клеенкою и ситцемъ, и нѣсколько разнокалиберныхъ мягкихъ стульевъ; правда, обивка нѣсколько потерлась, но все таки мягкая мебель бываетъ не въ каждомъ домѣ; въ углу стеклянные шкафики, наполненные лучшей праздничной посудой, подсвѣчниками и т. д., и шкафикъ съ книгами; на стѣнахъ красуются нѣсколько канделябровъ, а между ними множество картинъ и литографій. Вся эта разнокалиберная обстановка,—ломберные столы, зеркала и пр. очевидно была куплена по случаю и свидѣтельствуетъ объ эстетическихъ потребностяхъ своего владѣльца. Дѣйствительно хозяинъ съ гордостью сообщилъ намъ, что мебель привезена изъ Каменца, куда онъ нарочно ѣздилъ за этой покупкой. Вниманіе наше особенно привлекли поставленные на самомъ видномъ мѣстѣ огромный контрабасъ, скрипка и нѣсколько другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Оказалось, что хозяинъ нашъ—музыкантъ по профессіи и въ свое время имѣлъ большіе заработки, играя на еврейскихъ свадьбахъ и въ особенности при различныхъ торжествахъ въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ; тогда-то была куплена и драгоцѣнная мебель. Но мало по малу времена измѣнились: самъ хозяинъ теперь слишкомъ старъ, чтобы заниматься прежнимъ ремесломъ, и кажется извлекаетъ только незначительный доходъ изъ своихъ инструментовъ, отдавая ихъ на прокатъ другимъ артистамъ. Сыновья его не хотятъ заниматься отцовской профессіей, и вообще въ семьѣ замѣчается разладъ: младшее поколѣніе въ лицѣ двухъ сыновей, уже семейныхъ, возстаетъ противъ старшаго. Мы не знаемъ поводовъ этого разлада, выражающагося совсѣмъ непривычнымъ образомъ для нашей мѣщанской среды, именно необыкновенной въ евреяхъ пассивностью и отсутствіемъ всякой дѣятельности; въ семьѣ тихо, не замѣтно ни враждебнаго взгляда, ни грубаго слова, но чувствуется, что тишина эта чисто внѣшняя, и люди не могутъ придумать удовлетворительнаго выхода изъ труднаго положенія; женщины по крайней мѣрѣ занимаются хозяйствомъ, а мужская половина просто слоняется изъ угла въ уголъ и не знаетъ, куда себя дѣвать. Чѣмъ-бы ни сдерживалось проявленіе рѣзкаго протеста съ одной стороны и проявленіе насилія съ другой, часто не знающее удержу въ соотвѣтственной средѣ нашего мѣщанства,—сдерживается-ли оно патріархальнымъ воспитаніемъ,

убѣжденіями, нравственнымъ давленіемъ еврейской общины, религіей или другими мотивами, но во всякомъ случаѣ сдержанность служитъ доказательствомъ сравнительно высшей культуры. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ у насъ не только необразованный классъ, но зачастую и представители высшей интеллигенціи умѣютъ заблаговременно устроить себѣ адъ на этомъ свѣтѣ, вѣроятно въ видахъ подготовки къ будущей жизни, а здѣсь люди едва грамотные все таки живутъ безъ взаимныхъ оскорбленій.

Увидя наши книги и инструменты, старикъ тотчасъ принялся ихъ разсматривать, распрашивать о ихъ назначеніи, и наконецъ замѣтилъ, что хотя самъ онъ человѣкъ неученый и читаетъ только по еврейски, но тѣмъ не менѣе очень уважаетъ всякую науку. Подтвержденіемъ тому дѣйствительно можетъ служить его умная рѣчь, маленькая библіотека и наконецъ множество портретовъ различныхъ еврейскихъ знаменитостей, большею частью заграничныхъ ученыхъ, раввиновъ и т. д. Замѣчу кстати для характеристики еврейскаго племени, что подобное уваженіе и интересъ къ наукѣ мы встрѣчали почти въ каждомъ евреѣ, съ которымъ приходилось сталкиваться и который узнавалъ, что мы заняты не коммерческими или промышленными интересами. Эта черта бываетъ только у народа, очень долго прожившаго культурною жизнью.

Устроившись какъ можно удобнѣе, мы отправились осматривать городъ.

Рынокъ составляетъ центръ города, отъ котораго подобно радіусамъ во всѣ стороны расходятся улицы и переулки, узкіе, кривые, невымощенные; сперва идутъ по обыкновенію еврейскіе дома, затѣмъ у подножія горы лѣпятся окруженныя садами жилища мѣщанъ и крестьянъ. На продолженіи главной улицы виднѣется съ одной стороны каменное зданіе костела и при немъ маленькій домикъ для ксендза; по другую сторону возвышается православная церковь, построенная въ 1792 г.; въ настоящее время она перестраивается заново изъ камня по общему типу церквей въ уѣздныхъ городахъ и составляетъ предметъ гордости ушицкаго православнаго населенія, Въ южной части города, примыкающей къ Днѣстру, живутъ мѣстные нотабли, представители интеллигенціи и администраціи.

Мы разсчитывали отыскать въ костелѣ какія-нибудь древнія книги или рукописи, но ожиданія наши не сбылись, и кромѣ простыхъ

метрическихъ книгъ въ архивѣ не оказалось ничего интереснаго. Нужно было свою жажду открытій направить въ другую сторону.

Мы знали еще раньше, что существуетъ нѣсколько пещеръ гдѣ-то въ окрестности Ушицы, и обратились за необходимыми свѣдѣніями къ мѣстному священнику, извѣстному своимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ весьма обязательно указалъ намъ средства пробраться въ село Хороборъ или Хоробрівъ, гдѣ находились пещеры, и сверхъ того сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній о бытѣ и промыслахъ ушицкихъ жителей и ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Такъ мы узнали, между прочимъ, что въ лѣтнее время сюда съѣзжаются для пользованія цѣлебными днѣстровскими водами купальщики изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ такъ-же, какъ въ Жванецъ и Студеницу. Пріѣзжіе живутъ въ свое удовольствіе, проводятъ время въ полномъ бездѣйствіи и отдыхѣ и, конечно, поправляются, хотя трудно сказать, что больше помогаетъ разстроенному здоровью—спокойная, беззаботная жизнь или soi disant минеральныя воды Днѣстра.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы въ тотъ-же день наняли подводу и отправились осматривать пещеры.

Село Хороборъ лежитъ на лѣвомъ берегу р. Ушицы верстахъ въ четырехъ отъ ея устья. Миновавъ костелъ и церковь, дорога выходитъ на довольно крутой подъемъ по направленію къ рѣчкѣ; поднявшись на гору, замѣчаемъ на самой вершинѣ влѣво отъ дороги отдѣленное отъ нея оврагомъ земляное городище, съ округленными контурами, окруженное валами. Отсюда начинается спускъ къ рѣкѣ. Вдоль берега тянутся баштаны съ обычными пугалами и «куренемъ» по серединѣ, съ привязанной у входа собакой и т. д. Каждый баштанъ представлялъ весьма оживленную картину: хозяева всей семьей вышли для сбора спѣлыхъ овощей; старый «дѣдъ баштанникъ», осторожно ступая среди полузасохшей «огудины», осматриваетъ арбузы и дыни и обрываетъ спѣлые экземпляры; за нимъ со смѣхомъ и шутками бѣгутъ дѣти, собираютъ ихъ и складываютъ въ кучи возлѣ куреня, а старшіе тѣмъ временемъ выбираютъ огурцы и другія овощи и складываютъ все это на возы. Едва удалился нагруженный возъ, какъ на баштанѣ воцаряется спокойствіе,—старшіе сѣли отдохнуть, рѣжутъ и пробуютъ лучшій арбузъ и чинно бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ: о возможной выручкѣ съ баштана,

засухѣ и т. д., между тѣмъ какъ дѣти, получивъ по «кавунчику» или дынькѣ, сбились въ кучу, и каждый ѣстъ самъ свою добычу, разбивая ее объ землю, за отсутствіемъ ножа или для большей скорости; иной, желая лучше полакомиться, продавливаетъ пальцемъ дырочку въ спѣлой дынькѣ и сперва выпиваетъ сокъ, а затѣмъ съѣдаетъ и мясо. Тутъ конца нѣтъ шуткамъ и остротамъ, друзья угощаютъ другъ друга корками, и нерѣдко взаимныя любезности оканчиваются рукопашной схваткой. Способъ выраженій самый энергичный, благодаря вліянію сосѣдства съ молдаванами.

Спустившись съ горы, переѣзжаемъ въ бродъ р. Ушицу, настоящую горную рѣчку, неглубокую, но чрезвычайно быструю, извилистую и довольно широкую; высокіе глинистые берега густо заросли вербами и лозою. Дорога все время идетъ вдоль берега, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, параллельно теченію р. Ушицы, тянутся высокія горы, частью поросшія лѣсомъ. При одномъ поворотѣ рѣчки нѣсколько душъ крестьянъ, подъ руководствомъ побережника, заняты починкой плотины, поврежденной недавнимъ ливнемъ. Распросивши, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ, побережникъ очень настойчиво увѣрялъ насъ, что пещеръ невозможно найти и намъ лучше безъ хлопотъ возвратиться въ городъ. Впрочемъ скептицизмъ его не убѣдилъ насъ, и мы отправились дальше.

Обогнувъ крутой выступъ у берега, сразу въѣзжаемъ въ Хороборъ. Большое село чрезвычайно живописно раскинулось далеко вдоль берега у подножія горы, въ которой по нашимъ соображеніямъ должны были находиться пещеры. Стояла рабочая пора, село почти совсѣмъ опустѣло, на улицѣ живой души не видно, и только послѣ многихъ поисковъ и усилій удалось намъ найти крестьянина, согласившагося служить нашимъ проводникомъ.

Въ разстояніи около версты къ востоку отъ села пролегаетъ глубокій оврагъ съ болѣе или менѣе пологими склонами, поросшими лѣсомъ и въ свою очередь изрѣзанными глубокими рытвинами; на днѣ оврага въ глинистой наносной почвѣ протекаетъ маленькій ручеекъ. Мѣстами каменистая подпочва обнажается въ видѣ огромныхъ скалъ, покрытыхъ мхомъ и горнымъ папоротникомъ; среди этихъ скалъ расположены двѣ пещеры. Снаружи онѣ совсѣмъ незамѣтны—просто скалы нависли на склонѣ горы, и мы-бы преспокойно прошли мимо, если-бы проводникъ не сказалъ, что это и

есть входъ въ пещеры. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ нихъ можно было входить ползкомъ, но теперь входы настолько обрушились и заплыли землею, что проникнуть внутрь нѣтъ никакой возможности; одна изъ пещеръ закрылась герметически, другая представляется въ видѣ небольшаго углубленія у подножія скалы, образующей какъ-бы навѣсъ, куда едва можно влѣзть ползкомъ и лежать совершенно неподвижно. По словамъ проводника, здѣсь недавно въ теченіи нѣсколькихъ дней скрывался солдатъ-дезертиръ, и съ того времени, какъ его убѣжище было открыто, входъ въ пещеру засыпанъ по распоряженію властей. Проводникъ нашъ очевидно рѣдко бывалъ здѣсь и не могъ сообщить ничего положительнаго о внутреннемъ устройствѣ пещеръ, или о какихъ-нибудь находкахъ внутри ихъ, но случай смиловался надъ нами и вознаградилъ за неудачу. Пытаясь проникнуть хоть въ ту пещеру, гдѣ скрывался дезертиръ, я замѣтилъ, что входъ въ нее переполненъ сухими листьями, какъ будто нарочно сложенными здѣсь въ такомъ количествѣ. Пока я выгребалъ листья, проводникъ разсказывалъ, какъ зимою во время охоты случается загнать сюда лисицу или зайца, и тогда звѣрь исчезаетъ безслѣдно; очевидно, должно существовать хоть небольшое сообщеніе съ самой пещерой, и я старался всѣми силами отыскать ощупью эту лисью норку, чтобы расширить ее и проникнуть въ подземелье. Но всѣ усилія были напрасны—нигдѣ ни малѣйшаго выхода, зато въ самомъ далекомъ углу оказались сложенными десятка два пачушъ табаку, бережно прикрытыя древесными листьями; табакъ нѣсколько отсырѣлъ, но все таки можно было закурить и, попробовавши, мы нашли, что это очень хорошій турецкій табакъ мѣстнаго производства. Теперь становилось понятнымъ, почему побережникъ такъ старался отговорить насъ отъ экскурсіи и осмотра пещеръ. Посмѣявшись надъ его предусмотрительностью, мы хотѣли положить находку на прежнее мѣсто, но проводникъ рѣшительно воспротивился этому; онъ тоже подозрѣвалъ побережника, но былъ съ нимъ не въ ладахъ и считалъ своимъ долгомъ воспользоваться находкой. «Аже-жъ вы не вкрали его, а знайшли, то й треба взяти, а якъ не хочете, то я визьму»,—отвѣчалъ онъ на всѣ наши доводы и убѣжденія: «тутъ жадного гриха нема, а табакъ дуже добрый,—нехай не роскладае по лисахъ. За решту, мени нема чого ся турбувати: винъ на мене не подумае, а на васъ, то й не посміе ся поскар-

жити, а вы-жъ не забаромъ и поидете зъ Вушицы». Пришлось согласиться съ этимъ неопровержимымъ аргументомъ; проводникъ сложилъ табакъ за пазуху, расщелину прикрылъ листьями, такъ что не было замѣтно признаковъ похищенія, затѣмъ пригласилъ насъ на свой баштанъ, угостилъ «кавунами» и братски раздѣлилъ свою находку съ нашимъ извощикомъ и со всѣми бывшими на баштанѣ. «Отъ воно и до ладу: поки ще свій табакъ поспіе, а тутъ Богъ пославъ готовый, та ще й добрый «, такъ рѣшила публика, а гласъ народа—гласъ Божій. Начались догадки и предположенія о томъ, гдѣ и какъ достался этотъ табакъ побережнику, но время уже не позволяло намъ ожидать рѣшенія этого минутнаго вопроса,— солнце садилось за высокими горами, и уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы возвратились въ Ушицу.

Что касается историческихъ воспоминаній объ Ушицѣ, то въ этомъ отношеніи мнѣ удалось собрать весьма немного.

Первое лѣтописное извѣстіе объ этомъ городѣ встрѣчается подъ 1144 годомъ. Къ этому времени всѣ галицкія земли успѣли объединиться въ рукахъ Владиміра Володаревича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и даровитыхъ представителей вообще чрезвычайно даровитой династіи Ростиславичей. Князь этотъ былъ очень ловкій и дальновидный политикъ, извѣстный централизаторъ, человѣкъ въ высшей степени самостоятельный, скептикъ и реалистъ своего времени, не останавливавшійся ни предъ какими мѣрами, прибѣгавшій то къ жестокости, то къ хитрости и обману для достиженія своихъ цѣлей. Правда, что касается внѣшней политики, то цѣли, къ которымъ онъ стремился, не были предосудительны, хотя это не всегда можно сказать о его внутреннихъ отношеніяхъ. Воспользовавшись смертью своихъ родственниковъ, Владиміръ Володаревичъ присвоилъ себѣ ихъ удѣлы и устранилъ послѣдняго удѣльнаго князя, своего племянника Ивана Ростиславича, называемаго *берладникомъ*, который представляетъ весьма симпатичный типъ князя кондотьера, скитающагося по чужимъ краямъ и въ то-же время глубоко преданнаго народнымъ интересамъ своей родной земли.

Оставшись единственнымъ распорядителемъ галицкой земли, Владиміръ всю свою дѣятельность и способности направлялъ прежде всего на то, чтобы какъ можно прочнѣе сплотить между собою всѣ

удѣлы и подавить всѣми мѣрами непокойные внутренніе элементы, главнымъ образомъ вѣчевую партію, державшую сторону Ивана берладника. Владиміръ не стремился къ завоеваніямъ внѣ Галичины, но зато ревниво оберегалъ ея неприкосновенность и безопасность отъ покушеній со стороны сосѣдей; онъ зорко слѣдилъ за политическими событіями на Руси и, какъ опытный политикъ, умѣлъ заручиться выгодными союзниками, какъ въ русской землѣ, такъ и за границей, умѣлъ при случаѣ путемъ ловкихъ переговоровъ разъединить непріятельскія силы, давалъ обѣщанія, которыхъ и не думалъ исполнять и т. д. Но съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы на границахъ его княжества не появлялся такой сильный сосѣдъ, который могъ-бы угрожать силѣ и внутреннему росту галицкой земли. Между тѣмъ около половины XII ст. перевѣсъ на Руси получили на время князья черниговской вѣтви. Старшій изъ нихъ, Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, по обыкновенію принялся раздавать лучшіе удѣлы своимъ близкимъ родственникамъ, въ томъ числѣ Владиміръ Волынскій отдалъ своему сыну Владиміру. Галицкій князь смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на чрезмѣрное усиленіе одного рода—политика его требовала равновѣсія между всѣми или по крайней мѣрѣ ближайшими къ нему русскими областями—и онъ потребовалъ удаленія новаго владимірскаго князя, но, получивъ отказъ, сталъ готовиться къ войнѣ и призвалъ на помощь венгровъ.

Зная могущество, ловкость и изворотливость Владиміра Володаревича, Всеволодъ собралъ противъ него цѣлую коалицію изъ русскихъ князей и съ огромнымъ войскомъ вошелъ въ галицкую землю. Пока союзники осаждали Владиміра у Звенигорода, одинъ изъ нихъ Изьяславъ Давидовичъ съ помощью половцевъ овладѣлъ двумя пограничными подольскими городами: Ушицей и Микулинымъ. Между тѣмъ Владиміръ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, значительно превосходившими его силы, не могъ разсчитывать на побѣду и прибѣгнулъ къ дипломатіи—сначала ловкими переговорами перессорилъ между собою союзниковъ и затѣмъ безъ боя сдался на капитуляцію, заплативъ за военныя издержки 1,400 гривенъ серебра, послѣ чего ему возвращены Ушица и Микулинъ.

Не смотря на умѣнье ловко обойти непріятелей и выйдти изъ труднаго положенія, Владиміръ не могъ быть покойнымъ, пока оставался на волѣ Иванъ берладникъ, проживавшій на службѣ у различныхъ русскихъ князей и неоднократно пытавшійся возвратить себѣ отцовскій удѣлъ. Онъ умѣлъ хорошо ладить съ народомъ, сочувствовалъ его интересамъ, поэтому галичане предпочитали его своему суровому князю, и при каждомъ удобномъ случаѣ тотъ или другой городъ призывалъ его къ себѣ на княженіе, но подобныя попытки всегда подавлялись вооруженной силой. Послѣдняя попытка въ этомъ смыслѣ случилась въ 1159 году.

Вѣроятно одно имя бѣднаго изгоя было грознымъ для могущественнаго галицкаго князя, и вотъ въ 1159 г. сынъ и наслѣдникъ Владимірка Володаревича, знаменитый Ярославъ Осмомыслъ, собираетъ противъ него огромный союзъ, состоявшій изъ русскихъ и польскихъ князей и венгерскаго короля. Иванъ Ростиславичъ находился въ это время на службѣ у кіевскаго великаго князя Изяслава, который пытался защищать его путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Встревоженный однако военными приготовленіями, злополучный князь ушелъ за помощью въ половецкія степи, напалъ здѣсь орду кочевниковъ и отправился съ нею къ низовью Дуная, чтобы отрѣзать путь для греческой торговли, которою очень дорожили русскіе князья. Расположившись «въ городѣхъ подунайскыхъ, изби двѣ кубарѣ и взя товара много въ нею, и паскостяше рыболовомъ галичьскымъ». Вскорѣ явилось къ нему сильное подкрѣпленіе изъ множества половцевъ и шести тысячъ берладниковъ [1]), и съ этими силами онъ направился къ галицкимъ предѣламъ. Городскія общины, все болѣе и болѣе подавляемыя боярской партіей, которая въ это время брала перевѣсъ надъ княжеской властью, охотно поддерживали симпатичнаго для себя князя, который сверхъ того былъ-бы имъ всѣмъ обязанъ и потому долженъ былъ отстаивать ихъ интересы. Поэтому первый пограничный городъ въ галицкой землѣ

[1]) Жителей берладскаго удѣла въ низовьяхъ Дуная. Иванъ Ростиславичъ по смерти отца владѣлъ нѣкоторое время берладскимъ удѣломъ, отчего и получилъ названіе берладника; кажется, онъ былъ вытѣсненъ отсюда Владиміркомъ и съ того времени скитался на Руси, но и вдали отъ родины продолжалъ пользоваться симпатіями галицкаго населенія.

Кучелминъ съ радостью принялъ Ивана Ростиславича, который отсюда направился къ Ушицѣ, бывшей въ то время укрѣпленнымъ городомъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ гарнизонъ, присланный заблаговременно галицкимъ княземъ, узнавшимъ уже о народномъ движеніи въ пользу его соперника. Хотя гарнизонъ храбро защищался, но общественное мнѣніе ушицкихъ гражданъ было на сторонѣ осаждавшихъ, и многіе изъ нихъ, именно простой народъ, при удобномъ случаѣ перебѣгали въ лагерь Ивана берладника: «и вошла бяше засада Ярославля въ городъ, говоритъ лѣтопись, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачуть чересъ заборала (ограда) къ Иванови, и перебѣже ихъ 300».

Не напрасно народъ такъ сочувствовалъ Ивану берладнику, который особенно наглядно оправдалъ довѣріе народныхъ массъ во время осады Ушицы. Наскучивъ сопротивленіемъ гарнизона и продолжительной осадой, половцы, составлявшіе главный контингентъ въ войскѣ берладника, предлагали князю взять городъ приступомъ. Но Иванъ Ростиславичъ, знавшій обычаи кочевниковъ, зналъ, что въ такихъ случаяхъ половцы, ворвавшись въ городъ, грабятъ и захватываютъ все, что только можно взять, и уводятъ жителей въ рабство; онъ велъ борьбу только съ великокняжескимъ гарнизономъ, а не съ горожанами и, не желая вредить имъ, запретилъ половцамъ идти на приступъ. Обиженные отказомъ и лишеніемъ добычи, половцы возвратились въ свои кочевья, а Иванъ берладникъ, оставшись съ незначительными силами, принужденъ былъ снять осаду и удалился въ Кіевъ.

На этомъ обрываются лѣтописныя свѣдѣнія объ Ушицѣ. Вѣроятно укрѣпленія ея были уничтожены въ 1240 г. татарами, какъ и повсюду въ Подоліи; можетъ быть слѣды ихъ уцѣлѣли въ невысокихъ валахъ на одной изъ возвышенностей, господствующихъ надъ нынѣшней Ушицей. Затѣмъ свѣдѣнія наши объ этомъ городѣ прекращаются почти въ продолженіи пяти съ половиною столѣтій.

Въ 1702 году жители Ушицы потерпѣли какіе-то убытки отъ сосѣдняго помѣщика Станислава Кавецкаго, владѣльца села Лоевецъ (ниже по Днѣстру); они призвали на помощь молдаванъ изъ-за Днѣстра и въ числѣ 150 душъ конницы напали на Лоевцы, ограбили дворъ помѣщика и забрали пасѣки. Сеймикъ подольскаго воеводства того-же года постановилъ употребить противъ нихъ строгія

мѣры взысканія, которыя впрочемъ не могли быть приведены въ исполненіе, такъ какъ жители Ушицы, наравнѣ со всѣмъ населеніемъ поднѣстровья отъ Студеницы до Могилева, возстали противъ Польши и, перейдя въ козачество, избрали своимъ полковникомъ Шпака и примкнули къ движенію Самуся и Палія. Вѣроятно воспоминаніе объ этомъ движеніи сохранилось понынѣ въ южной Подоліи въ названіи главнаго чумацкаго пути, пролегающаго по водораздѣльной линіи между системами Буга и Днѣстра. Дорога эта носитъ названіе *шпаковый шлях*. Когда это движеніе было подавлено въ Подоліи, жители Ушицы переселились въ Молдавію, откуда напрасно требовали ихъ выдачи дворяне подольскаго воеводства [1]). Около этого времени Ушица вошла въ составъ королевскихъ имуществъ и затѣмъ обращена въ самостоятельное староство, къ которому принадлежало нѣсколько селъ. Заселился городъ вновь вѣроятно благодаря бывшему тогда во всеобщемъ употребленіи колонизаціонному пріему *«скликать слободы»*. Въ 1722 г. владѣльцемъ ушицкаго староства былъ князь Юрій Доминикъ Любомірскій [2]). Въ люстраціи 1765 г. Ушица описывается, какъ мѣстечко, къ которому принадлежатъ села: Пыжовка, Горасвка и Коноховка, между которыми происходили частыя столкновенія и захваты вслѣдствіе несогласія въ разграниченіи земель. По недостатку земли на подольской сторонѣ жители Ушицы по большей части пользовались полями, лѣсами и пастбищами на молдавскомъ берегу, внося за нихъ арендную плату волохамъ и туркамъ. Староство приносило чистаго дохода 14,500 зл. Въ 1770 году жителямъ ушицкаго староства пришлось вѣроятно испытать общее народное бѣдствіе, постигшее всю подольскую землю—чуму и военныя замѣшательства по поводу барской конфедераціи: однако, не смотря на то, производительность староства не только не уменьшилась, но даже нѣсколько поднялась въ это время. Такъ по словамъ люстраціи 1789 г. оно приносило уже чистаго дохода 19,000 зл.; владѣльцемъ староства въ это время былъ Станиславъ Садовскій, получившій его въ силу привиллегіи 1772 г. Люстрація замѣчаетъ, что притѣсняемые подданные въ значительномъ количествѣ ушли за границу, къ чему правительство

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 430—561.

[2]) Ibid., ч. VI, т. II, приложеніе, стр. 329.

не можетъ относиться безразлично. Въ мѣстечкѣ съ давнихъ поръ производилась торговля солью и существовалъ значительный складъ этого продукта; сверхъ того было двѣ мельницы на р. Ушицѣ и фолюша на Днѣстрѣ.

Не знаемъ, пользовалась-ли Ушица когда либо магдебургскимъ правомъ, но послѣ присоединенія края къ Россіи, она сдѣлана уѣзднымъ городомъ и получила городское самоуправленіе. Такъ просуществовалъ городъ до 1826 года, когда уѣздъ перепесенъ въ м. Летневцы, переименованное въ Новую Ушицу, а Старая Ушица осталась заштатнымъ городомъ, который и до настоящаго времени управляется выборною думой.

Памятниками старины здѣсь остались только полуразрушенное городище, православная церковь, построенная въ 1792 г. и костелъ, по преданію основанный еще въ XIV ст. Когда онъ пришелъ въ упадокъ, на мѣстѣ его въ 1742 г. построенъ былъ ксендзомъ Мѣрошевскимъ другой деревянный костелъ, сгорѣвшій въ 1790 г.; постройка нынѣшняго начата въ 1816 году, приходъ его очень малъ и бѣденъ, по словамъ нынѣшняго его настоятеля.

Въ настоящее время промыслы жителей весьма немногочисленны: они занимаются воздѣлываніемъ аниса и табаку, приготовленіемъ однихъ фруктовъ, преимущественно сливъ, рыболовствомъ и заработками на днѣстровской пристани. Впрочемъ торговые обороты пристани весьма незначительны и ограничиваются почти исключительно сплавомъ зернового хлѣба, да можетъ быть съ недавняго времени вывозомъ за-границу фосфоритовъ, какъ изъ всего средняго поднѣстровья. Изъ статистическихъ данныхъ мы знаемъ, что напримѣръ въ 1868 г. изъ ушицкой пристани отпущено въ Одессу 13,125 пудовъ хлѣба. Что касается рыболовства, то оно не составляетъ правильнаго промысла и носитъ такой-же случайный и первобытный характеръ, какой мы замѣчали повсемѣстно на берегахъ Днѣстра. Чѣмъ дальше внизъ по Днѣстру, тѣмъ встрѣчающіеся сорта рыбъ все лучше и разнообразнѣе, ихъ ловятъ постоянно и не приготовляютъ въ прокъ.

IX.

Лядава.—Пещерная церковь.—Эпизодъ съ графомъ Дунинымъ-Борковскимъ.—Нагораны—пещеры и рисунки на камняхъ.

Между Старой Ушицей и Могилевомъ, верстахъ въ восемнадцати къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, при впаденіи въ Днѣстръ горной рѣчки Лядавы раскинулось небольшое село того-же имени. Въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ съ сѣвера на югъ, при чемъ лѣвый берегъ носитъ постоянный общій характеръ подольскихъ береговъ, — это узкая, низменная береговая полоса, окаймленная сплошною стѣной высокихъ горъ, почти отвѣсныхъ въ верхней своей части; ниже осыпи камня и земли облегчаютъ подъемъ до половины горы. Въ самой глубинѣ залива горы прорѣзываются широкой, но неглубокой рѣчкой Лядавой, протекающею среди такихъ-же высокихъ скалистыхъ береговъ. На противоположной сторонѣ бессарабскій берегъ представляетъ низменную равнину, шириною въ нѣсколько верстъ, покрытую наносною почвою; равнина эта окаймлена высокими, пологими горами, пролегающими параллельно теченію Днѣстра; она покрывается водою во время половодья, а лѣтомъ составляетъ прекрасный сѣнокосъ.

Само по себѣ село Лядава не представляетъ ничего особеннаго: если не считать прекраснаго мѣстоположенія, это самое обыкновенное подольское село, расположенное у подножія горы въ самомъ углу при устьи р. Лядавы; тѣ-же просторныя бѣлыя хаты, тѣ-же огороды и густые тѣнистые сады, обнесенные низкою каменною оградой. Но достопримѣчательность села, которая привлекаетъ сюда огромное количество посѣтителей, составляетъ весьма интересный, уцѣлѣвшій здѣсь памятникъ старины—древній скальной монастырь, обращенный теперь въ приходскую церковь во имя св. Николая.

Къ церкви ведетъ широкая, довольно крутая тропинка, расчищенная по склону горы и обнесенная со стороны обрыва легкою деревянною рѣшеткой; по одну сторону тропинки тянется рядъ фонарей, по другую—рядъ крестовъ, высѣченныхъ изъ мѣстнаго бѣловатаго известняка. Въ двухъ мѣстахъ дорога прерывается глубокими оврагами, вырытыми протекающимъ на днѣ ихъ источникомъ; черезъ нихъ перекинуты деревянные мостики; при болѣе крутыхъ

подъемахъ въ скалѣ вырублены ступеньки. Однимъ словомъ сдѣлано все, что можно, чтобы облегчить для посѣтителей доступъ къ храму во всякое время и во всякую погоду. Поднявшись на большую половину горы, мы выходимъ на довольно обширную площадку, разчищенную искусственно еще въ незапамятныя времена у подножія отвѣсныхъ скалъ. Справа крутой спускъ къ Днѣстру, слѣва каменныя ворота съ жилищемъ для сторожа, вырубленная въ скалѣ часовня съ ярко раскрашенными иконами по стѣнамъ, передъ ними разноцвѣтныя лампадки, а по срединѣ часовни чистой хрустальной струею бьетъ фонтанъ, для котораго воспользовались естественнымъ источникомъ, прорывавшимся въ этомъ мѣстѣ изъ скалы. Вода, холодная какъ ледъ и необыкновенно пріятная на вкусъ, собирается въ резервуаръ, откуда чрезъ закрытыя трубы проходитъ подъ площадкой и затѣмъ, въ видѣ маленькаго водопада, сбѣгаетъ по склону горы. Подъ праздникъ, когда во время вечерняго богослуженія зажигаютъ лампадки и разноцвѣтные огни отражаются въ мелкихъ струйкахъ и безчисленныхъ брызгахъ, фонтанъ долженъ представлять волшебное зрѣлище для богомольцевъ. Влѣво отъ него гостинница—двухъ-этажное зданіе, пристроенное къ скалѣ, съ весьма изящными открытыми галлереями для лѣтняго помѣщенія; по обѣ стороны отъ нихъ находятся двѣ крытыя двухъ-этажныя пристройки съ номерами. На другомъ концѣ площадки, прямо противъ воротъ, возвышается довольно обширная церковь—двухъ-этажное квадратное зданіе съ непропорціонально низкимъ восьмиграннымъ куполомъ; колокольни нѣтъ, а возлѣ церкви обыкновенная малороссійская «дзвинныця». Какъ церковь, такъ и всѣ остальныя постройки, за исключеніемъ гостинницы, отдѣланы заново стараніемъ мѣстнаго священника, употребившаго массу времени и труда на украшеніе своего храма. Все это блеститъ самыми разнообразными красками всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ чего церковь представляетъ издали подобіе хорошенькой игрушки, чрезвычайно рельефно выдѣляющейся на темномъ фонѣ известковыхъ скалъ, поросшихъ лѣсомъ. Возлѣ церкви возвышается огромный монументъ—неотесанная глыба известняка около двухъ сажень вышиною, сверху до низу испещренная надписями, по большей части на языкахъ русскомъ и польскомъ, гербами и различными эмблематическими изображеніями, иногда весьма сложными.

Это богомольцы и туристы различныхъ временъ, народовъ и сословій вырѣзывали свои имена на память о посѣщеніи лядавскаго монастыря; современные посѣтители, за недостаткомъ времени, поручаютъ эту работу мѣстному причетнику, который за извѣстное вознагражденіе стираетъ старыя надписи и вырѣзываетъ новыя.

Еще до недавняго времени на мѣстѣ нынѣшняго новаго храма видна была въ своемъ первоначальномъ видѣ старая пещерная церковь, высѣченная въ скалѣ монахами въ незапамятныя времена; въ настоящее время она совершенно скрыта новою церковью. Отдавая полную справедливость благочестивому чувству, побуждавшему мѣстнаго священника и его паству къ украшенію ихъ святыни, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что задача эта была ими не совсѣмъ правильно понята и что ихъ старанія, заслуживающія полнаго уваженія, были обращены на обновленіе церкви. Въ настоящее время, когда въ обществѣ уже ясно сознается необходимость сохраненія и изученія всевозможныхъ памятниковъ старины, между которыми весьма видное мѣсто должно принадлежать памятникамъ старинной архитектуры, сохранившимся у насъ почти исключительно въ остаткахъ церквей и монастырей, когда спеціалисты занялись уже реставраціей такихъ драгоцѣнныхъ остатковъ древнерусской культуры, какъ кіевскіе софійскій и кирилловскій соборы и другіе храмы, нельзя не пожалѣть, что такой рѣдкій и интересный памятникъ, какъ древній скальной монастырь, не сохраненъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, а замаскированъ новой церковью самой обыденной архитектуры, чѣмъ въ значительной мѣрѣ затрудняется изученіе основнаго архитектурнаго типа. Впрочемъ большая часть древней церкви вошла въ составъ новой, такъ что по уцѣлѣвшимъ частямъ можно, безъ большихъ погрѣшностей, представить себѣ цѣлое. Отъ древней церкви сохранился главный престолъ, два выступа на подобіе колоннъ, къ которымъ придѣланы клиросы; самое помѣщеніе для вѣрующихъ и надъ нимъ сводъ, довольно высокій для одного этажа, ходъ на хоры и ризница—все это высѣчено въ цѣльной скалѣ и хотя въ настоящее время заново окрашено и заштукатурено, но все таки и сквозь краску ясно видны слѣды древней насѣчки. Алтарная часть значительно расширена: пристроены два боковые престола, которыхъ не было въ древней церкви, иконостасъ, наружная двухъ-этажная стѣна и сводъ надъ

алтаремъ. Всѣ основныя части церкви: престолы, аналои, амвонъ, клиросы и т. д. все это высѣчено въ цѣльной скалѣ. Какъ главную святыню лядавской церкви, показываютъ старинный образъ главы Іоанна Крестителя, который считается чудотворнымъ и пользуется большимъ почетомъ среди населенія. Ежегодно, въ день Усѣкновенія главы Предтечи, въ честь этого образа бываетъ «отпустъ», на который стекается огромное количество богомольцевъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей какъ Подоліи, такъ и Бессарабіи; гостинница и церковный дворъ не могутъ вмѣстить всей массы приходящаго люда, многіе должны искать пріюта у мѣстныхъ жителей, и тогда тихое молчаливое сельце на нѣсколько дней принимаетъ оживленный, праздничный видъ; но разъѣдутся гости и все снова обращается къ обычнымъ, мирнымъ занятіямъ.

Тотчасъ за церковью начинается лѣсъ: здѣсь въ скалѣ видѣется искусственно вырубленный гротъ, повидимому составлявшій часть монастырскихъ построекъ; онъ могъ служить малой церковью или трапезою; въ настоящее время здѣсь помѣщается складъ старой церковной утвари и гротъ запирается деревянною дверью. Нѣсколько дальше, одна надъ другою идутъ три—четыре келіи, которыя сообщаются между собою высѣченными въ скалѣ ступеньками. Еще выше, уже совсѣмъ въ отвѣсной скалѣ, расположено нѣсколько пещеръ съ выходами, обращенными на югъ, также какъ и въ келіяхъ; доступъ въ эти пещеры весьма затруднителенъ, особенно въ верхнія, куда можно пробраться не иначе, какъ съ помощью канатовъ, лѣстницъ и другихъ приспособленій. Мы не имѣли достаточно времени для подобнаго восхожденія, но проводникъ нашъ, молодой причетникъ, показывавшій намъ церковь и до мельчайшихъ подробностей изслѣдовавшій мѣстность, разсказывалъ, что онъ нѣсколько разъ лазилъ въ пещеры, которыя образуютъ болѣе или менѣе глубокіе корридоры; на днѣ пещеръ попадаются въ значительномъ количествѣ огромной величины кости, принадлежащія по всей вѣроятности ископаемымъ животнымъ, и кремневыя орудія. По его мнѣнію кости могли быть занесены сюда орлами, которые и понынѣ гнѣздятся въ пещерахъ; но, кажется, вѣроятнѣе будетъ предположить, что эти пещеры могли служить жилищемъ или убѣжищемъ для первобытнаго человѣка-современника ископаемой фауны. Подтвержденіемъ тому можетъ служить: во первыхъ

самый видъ пещеръ, очевидно искусственно вырубленныхъ, или по крайней мѣрѣ поддѣланныхъ, съ выходами, обращенными на юго-западъ, а во вторыхъ рисунокъ, вырѣзанный на скалѣ у подножія одной изъ болѣе доступныхъ пещеръ. Мѣстные жители видятъ въ немъ «лемишъ» отъ плуга и приписываютъ его изображеніе монахамъ. О сюжетѣ рисунка, мнѣ кажется, можно еще поспорить: онъ можетъ дѣйствительно представлять часть плуга, но можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ изображать и многіе другіе предметы; что-же касается характера выполненія, то онъ повидимому носитъ признаки самаго древняго стиля. Кажется, здѣсь повторилось тоже самое, что мы уже видѣли въ Бакотѣ: первобытное населеніе воспользовалось естественными пещерами и гротами, или искусственно произвело ихъ для своего поселенія. Когда исчезла древнѣйшая человѣческая раса и перемѣнились условія быта, пещеры были оставлены, но съ введеніемъ христіанства онѣ были заново отдѣланы и приспособлены для благочестивыхъ цѣлей, какъ нельзя болѣе удовлетворяя потребностямъ монастырскаго пустынножительства. Такимъ образомъ изъ готовыхъ пещеръ были устроены келіи и церковь. Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности вполнѣ точно провѣрить свою догадку о доисторическомъ происхожденіи и заселеніи пещеръ.

По словамъ проводника, въ окрестностяхъ Лядавы весьма часто находятся огромныя кости допотопныхъ животныхъ, по всей вѣроятности, мамонта, который встрѣчается повсюду въ известковыхъ и глинистыхъ горахъ Подолья. Сверхъ того эта мѣстность изобилуетъ огромнымъ количествомъ фосфоритовъ, обстоятельство, которое подольскіе геологи и естествоиспытатели ставятъ въ извѣстную зависимость отъ присутствія болѣе или менѣе значительнаго количества остатковъ мамонта въ каждой данной мѣстности.

Разсказываютъ, что прибывшій сюда нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Галичины графъ Дунинъ-Борковскій, во время своего путешествія по Подоліи, посѣтилъ знаменитый лядавскій монастырь и такъ плѣнился красотою мѣстоположенія и прекраснымъ климатомъ, что задумалъ здѣсь поселиться со всѣмъ семействомъ, по крайней мѣрѣ на лѣтнее время. Получивъ необходимое разрѣшеніе, графъ выписалъ архитектора, всевозможныхъ мастеровыхъ, техниковъ, живописцевъ и въ самое непродолжительное время выстроилъ рядомъ съ церковью то изящное зданіе, состоящее изъ двухъ флигелей,

соединенныхъ галлереями, которое теперь обращено въ гостинницу. Не было недостатка въ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеніяхъ, стѣны расписаны снаружи и изнутри прекрасными рисунками, наконецъ окончено изящное жилище, чересчуръ роскошное для такого села, какъ Лядава, и графъ перевезъ свою семью на лѣтнюю резиденцію. Хотя графская крыша была увѣнчана крестомъ, но все таки религіозное чувство поселянъ возмущалось такою близостью мірянъ, да еще въ добавокъ иновѣрцевъ, къ ихъ древней, уважаемой святынѣ, гдѣ спасались въ старину благочестивые отшельники. Мало по малу росло въ народѣ раздраженіе и наконецъ приняло такой угрожающій характеръ, что графъ принужденъ былъ удалиться изъ Лядавы, а домъ его, по приговору громады, поступилъ въ пользу церкви. Послѣ того, въ pendant къ нему, построена новая церковь, которая своимъ стилемъ и яркой окраской рѣзко отличается отъ графской постройки, хотя, по всей вѣроятности, вполнѣ удовлетворяетъ эстетическому вкусу мѣстныхъ жителей.

Впрочемъ графъ не безъ пользы для себя провелъ время въ Лядавѣ. Не смотря на свое непродолжительное пребываніе въ этой мѣстности, онъ обратилъ вниманіе на ея минеральныя богатства и, замѣтивъ чрезвычайное обиліе фосфоритовъ, закупилъ на извѣстное число лѣтъ право сбора ихъ въ цѣломъ округѣ и въ свою очередь заключилъ контрактъ съ какой-то иностранной фирмой, обязавшись поставлять ежегодно 600 пудовъ этого минерала.

Въ такомъ видѣ намъ передали этотъ разсказъ на мѣстѣ. Хотя вывозъ такого полезнаго удобренія, какъ фосфориты, въ недалекомъ будущемъ долженъ вреднымъ образомъ отозваться на экономіи края, но по крайней мѣрѣ онъ могъ-бы хоть для настоящаго времени составить сколько-нибудь доходный промыселъ для мѣстнаго населенія, если-бы это дѣло было иначе поставлено. Между тѣмъ повсюду въ Подоліи сборомъ и сбытомъ фосфоритовъ, какъ и всякаго другаго продукта, занялись евреи, которые, обладая наличными капиталами, съ свойственною имъ ловкостью какъ-бы взяли на откупъ эту отрасль промышленности: они закупаютъ фосфориты у крестьянъ за баснословно дешевую цѣну—до десяти копѣекъ за пудъ, немедленно доставляютъ на ближайшія днѣстровскія пристани и сплавляютъ на галярахъ къ ближайшей желѣзнодорожной вѣтви.

Проходя по горной тропинкѣ вдоль берега Днѣстра отъ Лядавы до Нагорянъ, я могъ наглядно убѣдиться въ изобиліи фосфоритовъ въ этой мѣстности: вдоль откоса на пути довольно часто встрѣчались его экземпляры, имѣющіе всегда видъ шара болѣе или менѣе объемистаго, величиною въ орѣхъ и больше, до размѣра крупнаго апельсина. Поверхность шара гладкая, какъ-бы отполирована, темно-коричневаго цвѣта.

Кромѣ фосфоритовъ въ ущельи на берегахъ Лядавы и въ Днѣстрѣ крестьяне находятъ дорогіе камни: разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, рубины и въ большомъ количествѣ темные камни (гранаты?) [1]), покрытые кремнистой массой, но эти находки не составляютъ правильнаго промысла и не приносятъ дохода крестьянскому хозяйству.

Мнѣ почти ничего не удалось собрать о минувшей судьбѣ Лядавы. Вѣроятно и въ старину это было такое-же небольшое и незначительное поселеніе, какъ и теперь, входившее въ составъ могилевскаго или калюсскаго староства, и потому оно не упоминается отдѣльно ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ. Единственное извѣстіе, какое мнѣ встрѣтилось, состоитъ въ томъ, что всѣ жители Лядавы въ 1702 году ушли въ Молдавію. Изъ этого намека можно догадываться, что они жили общею жизнью и раздѣляли общіе интересы со всѣмъ населеніемъ Подднѣстровья, которое, какъ извѣстно, въ 1702 г. примкнуло къ движенію Палія, но потерпѣвъ неудачу, удалилось на молдавскій берегъ.

Осмотрѣвши лядавскія достопримѣчательности, оставалось еще увидѣть нагорянскія пещеры, чтобы покончить съ этой мѣстностью. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы сѣли на свою подводу, переѣхали въ бродъ рѣчку Лядаву и, поднявшись версты двѣ вверхъ по Днѣстру, очутились противъ Нагорянъ. Это огромное село съ двумя или тремя церквями, вытянутое по вершинѣ горы. Въ противуположность зеленѣющей лядавской возвышенности, болѣе полной и покрытой остатками нѣкогда огромнаго лѣса, нагорянскія горы значительно обрывистѣе и выше и совершенно лишены растительности, если не считать тощаго дерна, пріютившагося мѣстами на уступахъ, по берегамъ микроскопическихъ источниковъ, которые по

[1]) Очеркъ Днѣстра, стр. 208.

капелькѣ сочатся изъ камня. Нѣсколько ниже села, почти у самой вершины горы выдѣляется пластъ отвѣсныхъ скалъ отъ двѣнадцати до пятнадцати сажень вышины, повидимому отполированный движеніемъ льдовъ въ ледниковый періодъ. Въ этихъ скалахъ видѣнъ цѣлый пещерный городъ,—до двадцати пещеръ и гротовъ, расположенныхъ въ пять ярусовъ одинъ надъ другимъ. Крутой склонъ горы покрываютъ осыпи вывѣтривающагося известняка, съ каждымъ шагомъ почва уходитъ подъ ногами, стараешься удержаться за выдающіеся камни, но и они начинаютъ по немногу спускаться, лишая путника послѣдней точки опоры,—все это сильно затрудняетъ подъемъ на гору.

Наконецъ кое какъ послѣ многихъ усилій добрались мы къ нижнимъ пещерамъ. Это два-три обширные, высокіе грота съ широкими выходами, обращенными на югъ къ Днѣстру; самый большой гротъ представляетъ обширную залу въ 14 сажень длиною и 9 шириною; потолокъ его состоитъ изъ цѣльной горизонтальной скалы,—дно представляетъ наклонную плоскость, постепенно понижающуюся отъ глубины до входа. Среди мусора на днѣ грота намъ попадались отбивныя кремневыя орудія, указывающія, правдоподобно, на то, что гротъ могъ служить жилищемъ для древнѣйшихъ обитателей Поднѣстровья въ доисторическую пору. Это еще болѣе подтверждается множествомъ круглыхъ углубленій на подобіе чашекъ, вырѣзанныхъ на стѣнахъ у входа; такого рода изображенія относятся археологами спеціалистами къ самой отдаленной порѣ человѣческой культуры.

Кое какъ, съ опасностью для жизни, намъ удалось еще пробраться во второй ярусъ пещеръ, откуда вылетѣлъ огромный орелъ, спугнутый появленіемъ человѣка въ своемъ неприступномъ жилищѣ; мы были испуганы, вѣроятно, не меньше его самого, но все таки взяли изъ гнѣзда огромное перо въ видѣ трофея. Второй ярусъ мало чѣмъ отличается отъ перваго—это тѣ-же гроты, только поменьше, лучше закрытые и неиспорченные посѣщеніемъ пастуховъ. Пробраться выше не было возможности; въ верхній ярусъ можно было проникнуть только спускаясь на канатѣ сверху, но мы не рѣшились рисковать жизнью изъ любви къ научнымъ изысканіямъ и предпочли возвратиться назадъ.

На склонѣ горы, среди осыпей попадаются фосфориты въ такомъ количествѣ, что мы сперва начали собирать ихъ на память о Нагорянахъ, но, собравши въ нѣсколько минутъ порядочную ношу, стали подымать только лучшіе экземпляры.

Утомленные и огорченные неудачнымъ посѣщеніемъ пещеръ, которыхъ даже нельзя было осмотрѣть надлежащимъ образомъ и въ которыхъ, исключая чашечныхъ углубленій по стѣнамъ, не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, бѣдные, голодные туристы медленно возвращались назадъ, но вдругъ были вознаграждены за неудачу самымъ неожиданнымъ образомъ.

Мы замѣтили на южномъ склонѣ горы рядъ огромныхъ глыбъ известняка, числомъ около десяти, расположенныхъ правильнымъ полукругомъ прямо противъ пещеръ. Спѣшимъ туда и видимъ, что это скалы не природныя, а искусственно поставленныя на мягкой почвѣ. Въ самомъ центрѣ стоитъ огромный монолитъ, въ которомъ вырубленъ цѣлый гротъ, довольно помѣстительный, обращенный къ Днѣстру; его поддерживаютъ нѣсколько камней поменьше. Вся поверхность этого камня, такъ-же какъ и всѣхъ остальныхъ, покрыта весьма сложнымъ рисункомъ изъ черточекъ, крестиковъ и весьма замысловатыхъ фигуръ, на подобіе крылатаго человѣка, звѣрей, птицъ и другихъ изображеній; все это испещрено огромнымъ количествомъ чашечныхъ углубленій, величиною отъ орѣха до небольшой тарѣлки, расположенныхъ то единично, то въ видѣ крестиковъ, розетокъ и различныхъ геометрическихъ фигуръ. Рисунки вырѣзаны весьма глубокими чертами и по большей части разбросаны безъ опредѣленной системы, но иногда они располагаются рядами, на подобіе строкъ на страницѣ, и тогда чрезвычайно напоминаютъ іероглифическія надписи, только болѣе условныя, чѣмъ египетскіе іероглифы.

Повидимому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рѣзами или рунами древнихъ обитателей нагорянскихъ пещеръ. Было-бы чрезвычайно интересно прочесть эти надписи,—можетъ быть въ нихъ заключаются біографіи знаменитѣйшихъ гражданъ этого поселенія, или разсказаны важнѣйшія событія изъ его жизни, или изложенъ религіозный кодексъ того народа... Къ сожалѣнію для насъ утерянъ ключъ къ этой грамотѣ; остается только надѣяться, что со временемъ, когда наука сдѣлаетъ большіе успѣхи, какой нибудь спеціа-

листъ найдетъ возможность объяснить таинственный смыслъ нагорянскихъ надписей. Пока можно сказать только, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мегалитическими сооруженіями, что подтверждается и находкою отбивныхъ кремневыхъ орудій на склонѣ горы у подножія пещеръ. Если допустить, что въ лядавскихъ пещерахъ мы имѣемъ постоянныя или временныя жилища первобытнаго племени, то Нагоряны, гдѣ пещеръ гораздо больше и слѣдовательно населеніе должно было быть многочисленнѣе, могли служить центральнымъ пунктомъ для извѣстнаго района и здѣсь легко могли создаваться и уцѣлѣть какіе нибудь памятники религіозныхъ вѣрованій того народа.

Мѣстное преданіе разсказываетъ, что во время существованія лядавскаго монастыря жили отшельники и въ нагорянскихъ пещерахъ, они-то и вырѣзали всѣ рисунки на камняхъ и на стѣнахъ пещеръ. Но достаточно только взглянуть на эти изображенія, чтобы убѣдиться въ невѣрности этого преданія; монахи дѣйствительно могли жить въ пещерахъ и уничтожить здѣсь слѣды древнѣйшаго поселенія, но несомнѣнно, что творческая фантазія христіанскихъ иноковъ должна была обратиться къ религіознымъ предметамъ и выразить ихъ церковно-славянскимъ шрифтомъ; притомъ культура въ христіанское время стояла у насъ несравненно выше, между тѣмъ какъ эти изображенія отличаются совершеннымъ отсутствіемъ религіозно-христіанскихъ сюжетовъ и напротивъ носятъ несомнѣнные слѣды древнѣйшей культуры.

К. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ представленныхъ нами въ минувшемъ году на страницахъ «Кіевской Старины» матеріаловъ для исторіи появленія и распространенія штунды на югѣ Россіи [1]) всякій не предъубѣжденный читатель могъ до очевидности удостовѣриться въ томъ, что такъ называемая у насъ штунда есть ничто иное, какъ нѣмецкій баптизмъ, занесенный въ наши нѣмецкія колоніи нарочитыми миссіонерами изъ Гамбурга и что первыми его адептами изъ среды малорусскаго православнаго населенія были лица, случайно, въ качествѣ рабочихъ, попавшіе къ колонистамъ,—люди оторванные отъ дома и семьи, отъ общенія въ молитвѣ церкви и таинствахъ, отъ поученія своихъ пастырей, чувствовавшіе быть можетъ именно поэтому потребность въ духовной пищѣ и подвергшіеся дѣйствію искусныхъ и фанатичныхъ проповѣдниковъ новаго ученія. Съ появленіемъ первыхъ послѣдователей этого ученія въ средѣ православныхъ малороссіянъ, съ увеличеніемъ числа нарочитыхъ проповѣдниковъ онаго въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ и учрежденіемъ правильно организованныхъ баптистскихъ общинъ въ разныхъ пунктахъ Новороссіи и между прочимъ въ Одессѣ, дальнѣйшее распространеніе баптизма въ малорусскомъ населеніи того края не представляетъ ничего удивительнаго, или непонятнаго. Зараза душевная съ такою-же легкостію и быстротою, какъ и физическая, передается людямъ, находящимся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ зараженнымъ; всякое новое религіозное ученіе дѣйствуетъ съ неотразимою силою во образѣ живаго убѣжденнаго человѣка той-же среды, того-же близкаго, особливо родственнаго круга. Но то удивительно, что зараза, о

[1]) См. «Кіевскую Старину» за 1884 годъ, октябр. и ноябр. книжки.

которой у насъ рѣчь, сдѣлала быстрый скачекъ съ крайняго юга въ глубь кіевской губерніи,—сдѣлала при отсутствіи вышеуказанныхъ обстоятельствъ, проникла въ сплошную православную среду, ничѣмъ къ ней непредрасположенную.

Пользуясь и на этотъ разъ офиціальными данными, мы передадимъ кратко о томъ, когда и какъ проникла къ намъ штунда, каковъ былъ первоначальный ея ходъ, при какихъ обстоятельствахъ она распространялась, какъ локализовалась и какова теперь численность ея послѣдователей, какія общія мѣры принимались къ ея пресѣченію и что способствовало ея распространенію у насъ.

Занесеніе штунды въ кіевскую губернію относится къ 1870 г. Первоначально она появилась въ с. Плосскомъ, таращанскаго уѣзда, потомъ перешла въ с. Чаплинку, а отсюда въ с. Косяковку того-же уѣзда. Вблизи этихъ приходовъ, да и вообще въ таращанскомъ уѣздѣ, никакихъ нѣмецкихъ сектантовъ не было какъ до этого времени, такъ и послѣ; весь уѣздъ представлялъ сплошное православное населеніе, кромѣ 3,367 лицъ римско-католическаго исповѣданія, находящихся и теперь въ разныхъ селахъ этого уѣзда. Въ названныхъ приходахъ священниками въ ту пору были: въ с. Чаплинкѣ Димитрій *Низиодинскій* 38 л. изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, имѣвшій въ семьѣ только жену; въ с. Косяковкѣ—Корнилій *Леоновичъ* 41 года, также изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникомъ благочиннаго; въ семействѣ у него было 8 дѣтей; въ с. Плосскомъ—Тимофей *Рутковичъ* 59 лѣтъ; послѣдній хотя не получилъ семинарскаго образованія, но былъ подготовленъ къ пастырскому званію самообразованіемъ и прохожденіемъ діаконской должности, а въ санѣ священника состоялъ уже 26 лѣтъ; въ семействѣ у него было 4 дѣтей. Какихъ либо жалобъ на этихъ священниковъ не поступало отъ прихожанъ ни къ духовному, ни къ гражданскому начальству и всѣ они находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ своими пасомыми, аттестовались всегда съ лучшей стороны въ своемъ поведеніи и свои обязанности исполняли примѣрно. Въ свою очередь ихъ прихожане и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стояли нисколько не ниже прихожанъ другихъ церквей той-же мѣстности. Такимъ образомъ въ мѣстной почвѣ не было никакихъ задатковъ или поводовъ къ возникновенію какой либо противуцерковной секты.

И вдругъ нежданно ни для кого являются здѣсь лица, возстающія противъ православныхъ священниковъ, чуждающіяся церкви и богослуженія, отвергающія таинства и обряды и глумящіяся надъ тѣмъ, что дорого и священно было для нихъ, какъ и для всякаго православнаго христіанина. Что-же возмутило душевный миръ этихъ благоговѣйно набожныхъ людей, что толкнуло ихъ на путь сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, которую они воспринимали и хранили въ простотѣ сердецъ своихъ, что привело ихъ къ отрицанію завѣта отцевъ, святыни всего народа, кровію его въ теченіи вѣковъ искупленной и освященной?

Зараза пришла отъиноуды—изъ нѣмецкихъ колоній херсонской губерніи; тамъ ученіе баптистовъ раньше было посѣяно и распространено прусскими миссіонерами изъ Гамбурга, тамъ заразились имъ случайные выходцы изъ кіевской губерніи и принесли оное на свою родину. Нѣмцамъ, а не кому либо другому, мы обязаны появленіемъ у насъ штунды. Вотъ съ чего началось и какъ шло это дѣло.

Село Плосское, въ которомъ баптистское ученіе появилось раньше, чѣмъ въ другихъ приходахъ, въ значительной части населено однодворцами. Не имѣя земельнаго надѣла, они въ лѣтнее время отправляются обыкновенно для заработковъ въ херсонскую губернію, иногда цѣлыми семьями. Въ числѣ другихъ часто ходили туда изъ с. Плосскаго однодворцы: *Тышкевичъ, Богдашевскій* и родные братья *Яковъ и Павелъ Цыбульскіе*. Яковъ Цыбульскій былъ на заработкахъ въ Одессѣ, а прочіе около 2-хъ лѣтъ прожили близъ с. Николаевки. Судьба привела ихъ на службу къ нѣмцамъ-баптистамъ, которые принялись завлекать ихъ въ свои собранія и знакомить съ особенностями своего вѣроученія; но совращеніе ихъ произошло не вдругъ и обнаружилось не скоро. Первымъ отсталъ отъ православія Яковъ Цыбульскій. Въ Одессѣ онъ жилъ въ домѣ купца Ксиды, прикащика одного изъ главныхъ членовъ баптистской секты Карла Шутца, чрезъ котораго шла корреспонденція одесскихъ баптистовъ съ ихъ колоніей въ Добруджѣ и получались оттуда брошюры баптистскаго содержанія; здѣсь и произошло совращеніе его въ штунду, обстоятельства котораго намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что, совратившись самъ въ новую нѣмецкую вѣру, Яковъ Цыбульскій совратилъ въ нее своего брата Павла Цыбульскаго и односельцевъ своихъ Тышкевича и Богдашевскаго. Число послѣдователей новой вѣры

увеличилось съ возвращеніемъ Павла Цыбульскаго домой въ с. Плосское, въ концѣ 1868 года; въ эту и слѣдующую зиму къ нему собирались по вечерамъ для чтенія евангелія и пѣнія стиховъ Тышкевичъ, Флоринскій, Богдашевскій и сестра послѣдняго Оекла Богдашевская, хотя эти собранія велись втайнѣ и долго объ нихъ не было извѣстно никому. Въ концѣ-же 1868 года, однодворецъ с. Розумницы Хмѣлевскій, проживая по найму въ экономіи с. Рожевъ, познакомился съ Павломъ Цыбульскимъ, а чрезъ него и съ ученіемъ баптистовъ. Сперва Хмѣлевскій ходилъ изъ Рожекъ въ с. Плосское къ Павлу Цыбульскому на ночныя собранія, въ которыхъ толковалось евангеліе и пѣлись духовные стихи изъ книги «Приношеніе православнымъ христіанамъ.—С.-Петербургъ 1864 года», а потомъ такія-же собранія захотѣлъ открыть у себя въ с. Рожкахъ, привлекши въ нихъ двухъ молодыхъ крестьянъ изъ бывшихъ учениковъ церковно-приходской школы. О ночныхъ собраніяхъ у Павла Цыбульскаго мѣстный священникъ Руткевичъ узналъ лишь въ сентябрѣ 1869 года, и тотчасъ донесъ объ этомъ благочинному. Благочинный поспѣшилъ для дознанія дѣла на мѣстѣ; но въ это время Павелъ Цыбульскій отлучился въ херсонскую губернію, а участники его собраній отреклись отъ всего, въ чемъ ихъ обвиняли, и въ доказательство своей вѣрности православію полагали на себѣ крестное знаменіе, цѣловали крестъ и евангеліе. Скоро однако Цыбульскій возвратился въ с. Плосское, а съ возвращеніемъ его возобновились и ночныя собранія у него. Сектанты настолько утвердились въ своихъ вѣрованіяхъ, что когда священникъ предъ праздникомъ Рождества Христова посѣщалъ съ молитвою и ихъ дома, наравнѣ съ другими прихожанами, они отказались уже цѣловать крестъ. Священникъ опять отрапортовалъ благочинному, а благочинный вновь прибылъ на мѣсто сколько для обстоятельнаго обслѣдованія обнаруженной секты, столько и для увѣщанія сектантовъ. Произведя новое дознаніе и предоставивъ священнику Руткевичу и его сыну, ученику богословія, продолжать увѣщанія заблудшихъ, благочинный Петрушевскій о появленіи секты сообщилъ тогда-же таращанскому исправнику, а отъ 4 января 1870 г. донесъ уѣздному протоіерею Пахаловичу, который донесъ о томъ митрополиту Арсенію, равно какъ исправникъ губернатору. Въ началѣ того-же января 1870 г. становой приставъ, по порученію исправника, производилъ дознаніе

о совратившихся. При этомъ дознаніи головщики Цыбульскій и Тышкевичъ оказались упорными въ своихъ убѣжденіяхъ, а ихъ послѣдователи показали раскаяніе. Къ концу января хотя иконы находились еще въ домахъ Цыбульскаго и Тышкевича и содержались въ приличныхъ мѣстахъ, но стало уже извѣстнымъ о хулахъ, произносимыхъ на иконы Тышкевичемъ, а потому какъ Тышкевичъ, такъ и Цыбульскій, по распоряженію полиціи, были арестованы и отправлены въ таращанскую тюрьму. Въ с. Рожкахъ дознаніе о сектѣ произведено благочиннымъ Павломъ Забузскимъ въ началѣ февраля. При дознаніи оказалось, что молодые крестьяне—Кошель и Петрукъ еще прежде перестали посѣщать Хмѣлевскаго; Хмѣлевскій повинился въ своемъ заблужденіи и обязался не ходить въ село Плосское на ночныя собранія и не открывать таковыхъ у себя. Между тѣмъ во время нахожденія подъ арестомъ въ Таращѣ Цыбульскаго и Тышкевича увѣщаніемъ ихъ занимался соборный священникъ г. Таращи Игнатовичъ. Цыбульскій и Тышкевичъ сначала отъ всего отказывались, утверждая, что они ни въ чемъ неповинны, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви и если дѣлаютъ иногда частныя собранія въ домахъ, то только для молитвы, для чтенія св. писанія и для пѣнія духовныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ С.-Петербургѣ; но послѣ долгихъ увѣщаній, они высказали наконецъ такія свои вѣрованія: Богородица и святые ничѣмъ не отличались отъ прочихъ людей и потому не могутъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ; каждый человѣкъ долженъ самъ за себя молиться, не надѣясь на молитвы церкви и святыхъ; внѣшнее богослуженіе не нужно; Богу слѣдуетъ поклоняться только духомъ и истиною; поклоненіе кресту и иконамъ есть идолопоклонство; мощи святыхъ не могутъ быть предметомъ поклоненія; увеселенія предосудительны; употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, хотя-бы то въ маломъ количествѣ, противно христіанскому ученію.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ лицѣ увѣщаемыхъ и ихъ немногихъ сообщниковъ появлялась въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія особая религіозная секта съ опредѣленными, твердо усвоенными мнѣніями, хоть и не получившая еще прочной организаціи. Тѣмъ не менѣе относительно подавленія ея, по самой новости дѣла, не было еще придумано опредѣленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сношенія властей только еще начинались; самое про-

исхожденіе секты не было достаточно выяснено. Митрополитъ кіевскій Арсеній находился въ то время въ Петербургѣ для обычнаго присутствованія въ св. синодѣ. Завѣдывавшій на мѣстѣ дѣлами кіевской епархіи, пр. викарій Порфирій въ столь важномъ дѣлѣ не могъ предпринять чего-либо особеннаго самъ собою. Въ началѣ февраля онъ получилъ отъ кіевскаго губернатора составленное на основаніи донесенія таращанскаго исправника увѣдомленіе о появленіи секты въ сс. Плосскомъ и Рожкахъ и въ то-же время препровождено ему тѣмъ-же губернаторомъ въ копіи сообщеніе херсонскаго губернатора о появленіи такой-же секты въ херсонской губерніи и о предполагаемой высылкѣ изъ херсонской въ кіевскую губернію, на мѣсто жительства, одного изъ пропагандистовъ секты, крестьянина с. Чаплинки Герасима Болобана. Преосвященный Порфирій донесъ обо всемъ митрополиту Арсенію, испрашивая его дальнѣйшаго распоряженія. По резолюціи митрополита необходимыя распоряженія сдѣланы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по собственному почину преосвященнаго Порфирія, въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано извлеченіе изъ упомянутаго сейчасъ сообщенія херсонскаго губернатора, въ тѣхъ, конечно, видахъ, чтобы сдѣлать извѣстнымъ для всего духовенства кіевской епархіи опасное лжеученіе, прокрадывавшееся темными путями, указать источникъ, изъ котораго оно исходитъ, и признаки, по которымъ оно могло-бы быть открываемо. При этомъ однако опущено изъ виду, что это сообщеніе, составленное первоначально какимъ-либо полицейскимъ слѣдователемъ со словъ, конечно, преслѣдуемыхъ сектантовъ и прошедшее нѣсколько другихъ редакцій, въ неумѣломъ изложеніи представляло собою порицаніе православныхъ поселянъ и похвалы нравственности послѣдователей баптитскаго ученія и пастору Бонекемферу, а самое происхожденіе лжеученія затемнялось и извращалось; въ сообщеніи, напримѣръ, говорилось, что «Павелъ Цыбульскій, пріобрѣвъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, вычиталъ въ нихъ наставленія проводить время въ чтеніи св. книгъ и пѣніи псалмовъ, узналъ о необходимости вести жизнь трезвую и благочестивую и согрѣтый сими наставленіями (а не совращенный въ баптитскую секту своимъ братомъ Яковомъ Цыбульскимъ), сталъ приглашать своихъ односельцевъ для чтенія, пѣнія и толкованія св. евангелія». Въ такомъ видѣ сообщеніе способно было привести священниковъ въ недоумѣніе, а на

сектантовъ, если оно достигло ихъ, произвести возбуждающее и ободряющее дѣйствіе.

Не смотря впрочемъ на изложенный первоначальный ходъ дѣла, опасность дальнѣйшаго распространенія ереси скоро какъ будто миновалась и къ маю 1870 года секта какъ-бы совсѣмъ заглохла въ с. Плосскомъ. Богдашевскій былъ отданъ въ военную службу, а Тышкевичъ, по возвращеніи изъ херсонской губерніи, въ наступившій великій постъ говѣлъ въ приходской церкви, раскаявался въ своихъ заблужденіяхъ и причащался св. тайнъ. Когда вскорѣ потомъ умерло его дитя, онъ не только позаботился о его погребеніи по христіанскому обряду, но просилъ священника отслужить еще и заупокойную литургію. Въ августѣ того-же года возвратились въ православіе Павелъ Цыбульскій и Флоринскій.

Но въ то время, какъ огонь потухалъ въ одномъ мѣстѣ, онъ неблагоразумно разведенъ въ другомъ, недалекомъ отъ прежняго мѣстѣ, именно въ с. Чаплинкѣ таращанскаго уѣзда; разгораясь здѣсь постепенно, онъ охватилъ и сосѣдніе приходы. Дѣло было такъ.

Въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда проживалъ, какъ упомянуто выше, крестьянинъ с. Чаплинки кіевской губерніи, таращанскаго уѣзда, Герасимъ Болобанъ; онъ скрывался здѣсь изъ опасенія отвѣтственности по дѣлу о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета. Для большей безопасности Болобанъ перемѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Витенкомъ. Въ Игнатовкѣ обзавелся онъ и семьей, женившись на православной крестьянкѣ, вдовѣ Матренѣ Ивановнѣ Довгошеевой. Совратившись здѣсь въ баптизмъ, при участіи извѣстнаго пропагандиста этого ученія, крестьянина д. Основы, одесскаго уѣзда, Михаила Ратушнаго, Болобанъ сталъ ближайшимъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ совращенія православія и распространеніи баптизма между православнымъ населеніемъ ряснопольскаго прихода. Его участіе въ этомъ дѣлѣ обнаружено въ 1870 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что онъ проживалъ подъ чужимъ именемъ и безъ письменнаго вида. Болобану предстояло подвергнуться судебному преслѣдованію за совращеніе другихъ въ баптистскую ересь; но херсонское губернское начальство сочло почему-то за лучшее выслать его на мѣсто приписки въ с. Чаплинку кіевской губерніи. О выселеніи Болобана и его противоправослав-

номъ образѣ мыслей херсонскій губернаторъ увѣдомилъ кіевскаго митрополита Арсенія 20 іюня 1870 года, по резолюціи коего отъ 23 сентября кіевская консисторія предписала священнику села Чаплинки Низгодинскому и мѣстному благочинному Забузскому наблюдать за образомъ мыслей и за дѣйствіями Болобана и о послѣдствіяхъ своихъ наблюденій доносить преосвященному митрополиту полугодично. Но Болобанъ прибылъ въ Чаплинку еще раньше полученія этого указа. Не имѣя здѣсь ни кола, ни двора, онъ первоначально поселился въ сельской корчмѣ, у еврея, гдѣ всего чаще могъ видѣться и бесѣдовать съ народомъ. Въ Чаплинкѣ находилось волостное управленіе, а волостнымъ писаремъ при немъ состоялъ солдатскій сынъ Иванъ Лясоцкій. Болобанъ постарался сблизиться съ нимъ и нашелъ въ немъ столько сочувствія, что отъ чаплинскаго волостнаго правленія не замедлило поступить къ таращанскому исправнику донесеніе, будто въ дѣйствіяхъ Болобана не оказывается ничего предосудительнаго, а исправникъ отрепортовалъ такимъ-же образомъ губернатору. Это было въ концѣ августа, а вскорѣ послѣ того, при участіи писаря Лясоцкаго, Болобанъ получилъ отъ чаплинскаго волостнаго правленія отпускъ въ херсонскую губернію на 28 дней. Указъ консисторіи о наблюденіи за Болобаномъ не засталъ уже его на мѣстѣ. Но пребываніе Болобана въ херсонской губерніи было открыто, и 20 ноября 1870 года, по распоряженію херсонской полиціи, онъ снова препровожденъ въ кіевскую губернію и водворенъ на жительство въ Чаплинкѣ. Тутъ ждалъ его духовный надзоръ; но Болобанъ, какъ видно, мало имъ смущался: въ церковь онъ приходилъ, но порядка не соблюдалъ и стоялъ въ ней небрежно, увѣщаніямъ священника Низгодинскаго не подчинялся и приходить къ нему въ домъ для собесѣдованія отказался, а между тѣмъ начиналъ уже вести тайно пропаганду—днемъ въ корчмѣ, ночью въ волостномъ правленіи. Священникъ Низгодинскій, навѣщая Болобана, по долгу пастыря, три раза заставалъ его за чтеніемъ и толкованіемъ евангелія въ русскомъ переводѣ при двухъ или трехъ посѣтителяхъ, причемъ пѣлись также стихи изъ книжки: «Приношеніе православнымъ христіанамъ». Для подкрѣпленія духовнаго или матеріальнаго Болобанъ успѣлъ снова побывать у своихъ единомышленниковъ въ херсонской губерніи, куда отлучался съ 19-го декабря по 6-е января, а

возвратясь оттуда, сталъ уже открыто говорить противъ соблюденія постовъ, почитанія иконъ и св. креста, противъ таинствъ и обрядовъ православной церкви и ожесточенно злословилъ православное духовенство, прилагая къ нему все, что сказано въ евангеліи въ обличеніе книжниковъ и фарисеевъ. Впрочемъ, первая проповѣдь Болобана къ народу въ корчмѣ была неудачна, его даже поколотили за кощунство надъ священными предметами; не помогли и угощенія водкой, къ которымъ прибѣгалъ Болобанъ, пользуясь деньгами, принесенными изъ херсонской губерніи. Хотя нельзя сказать, чтобы бесѣды Болобана не заронили въ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ с. Чаплинки сомнѣній въ истинности исповѣдуемой ими вѣры, но до конца января 1871 года къ нему никто еще не присоединился открыто, кромѣ писаря Лясоцкаго, какъ объ этомъ доносили священникъ Низгодинскій и благочинный Забудскій.

Въ маѣ дерзость Болобана достигла крайнихъ предѣловъ; онъ всенародно кощунствовалъ, богохульствовалъ, разбилъ даже икону св. Николая. Сельская власть арестовала его и передала въ руки уѣздной полиціи, а полиція отнеслась къ прокурорской власти о возбужденіи противъ Болобана судебнаго преслѣдованія. Консисторія не была увѣдомлена объ этомъ ни полиціей, ни судебною властью, но, усматривая изъ донесеній священника, что мѣры, принимаемыя имъ къ вразумленію Болобана, оказываются недѣйствительными, потребовала, чтобы онъ высланъ былъ къ ней на увѣщаніе. Изъ отвѣта таращанскаго уѣзднаго полицейскаго правленія на это требованіе консисторіи видно, что Болобанъ отправленъ въ кіевскій тюремный замокъ 13 іюля; но въ консисторію онъ присланъ только 24 августа, а между тѣмъ раньше сего въ консисторіи было получено отъ судебнаго слѣдователя таращанскаго уѣзда требованіе объ отпускѣ къ нему Болобана въ Тарашу по касающемуся его дѣлу, которое въ бумагѣ слѣдователя не было объяснено.

И консисторія, и судебный слѣдователь, и самъ Болобанъ были одинаково въ недоумѣніи: первая—зачѣмъ не высылаютъ къ ней Болобана на увѣщаніе, второй—почему консисторія не отпускаетъ привлекаемаго къ слѣдствію, а третій—зачѣмъ безъ надобности томятъ его въ тюрьмѣ. Впрочемъ дѣло скоро разрѣшилось вполнѣ благополучно для Болобана, благодаря съ одной стороны его притворству, а съ другой недоразумѣнію, если не намѣренному

снисхожденію судебнаго слѣдователя. Началось съ того, что Болобанъ, явясь въ присутствіе консисторіи, принесъ, такъ сказать, полную повинную: тутъ онъ съ клятвою увѣрялъ присутствующихъ, что никогда не отступалъ отъ ученія, таинствъ и обрядовъ православной церкви, полагалъ на себѣ крестное значеніе съ земными поклонами предъ иконой, обѣщалъ и впредь неизмѣнно слѣдовать уставамъ церкви и требованіямъ духовной власти и далъ собственноручную подписку въ вѣрности своихъ словъ. Консисторія повѣрила искренности заявленія Болобана, признала оное за раскаяніе въ заблужденіяхъ и, отправляя его обратно въ кіевскій тюремный замокъ, сообщила смотрителю онаго, что Болобанъ можетъ быть отправленъ въ г. Таращу къ судебному слѣдователю, согласно требованію этого послѣдняго, а при этомъ въ предѣлахъ своей юрисдикціи заявила, что Болобанъ можетъ считаться свободнымъ по тому дѣлу, по которому былъ вызываемъ въ консисторію. На основаніи этого заявленія судебный слѣдователь счелъ себя въ правѣ дать Болобану полную свободу и отпустить его на жительство въ с. Чаплинку, прекративъ начатое противъ него преслѣдованіе за богохульство, кощунство и разбитіе иконы св. Николая. Ловкому пропагандисту развязаны были теперь руки. О привлеченіи его къ слѣдователю по означеннымъ дѣламъ консисторія узнала изъ донесенія благочиннаго лишь 2-го сентября, и хотя этому послѣднему тогда-же предписано было имѣть наблюденіе за положеніемъ сего дѣла, но до января слѣдующаго 1872 года епархіальное начальство оставалось въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается въ с. Чаплинкѣ и какъ ведетъ себя состоящій подъ полицейскимъ и духовнымъ надзоромъ Болобанъ, а тамъ дѣлалось многое такое, чего впослѣдствіи и болѣе серьезными мѣрами нельзя было ни измѣнить, ни остановить.

Освобожденный судебнымъ слѣдователемъ подъ поручительство чаплинскихъ крестьянъ, подставленныхъ конечно волостнымъ писаремъ Иваномъ Лясоцкимъ, и водворившись опять въ Чаплинкѣ, Болобанъ началъ увѣрять своихъ односельцевъ, что его ученіе и въ Кіевѣ и въ Таращѣ признано истинно евангельскимъ. Устроивъ затѣмъ ночныя собранія для молитвы, пѣнія псалмовъ и толкованія евангелія въ нѣсколькихъ хатахъ, онъ поперемѣнно наставлялъ тамъ и здѣсь и широко развернулъ свою проповѣдь. Плоды этой

проповѣди не замедлили обнаружиться: крестьянка Дарія *Швыдкая*, оповѣщавшая сектантовъ о времени и мѣстѣ ночныхъ собраній, обозвала самымъ попоснымъ именемъ икону Спасителя; Гавріилъ *Шмель* публично издѣвался надъ таинствомъ крещенія; до открытаго кощунства и поруганія святыни дошли также Иванъ *Свириденко*, Агафія *Музычиха* и Евгенія *Цымбалова*. Зная, что успѣшнѣе можно дѣйствовать на молодое поколѣніе, писарь Лясоцкій, по предложенію Болобана, вызывалъ изъ с. Косяковки и д. Шушковки въ чаплинское волостное правленіе молодыхъ парней будто для исполненія обязанности разсыльныхъ или вѣстовыхъ и удерживалъ ихъ здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, а Болобанъ совращалъ ихъ въ секту особымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ евангелія. Чтобы разширить дѣло пропаганды новаго ученія, Гавріилъ Лясоцкій, родной братъ волостнаго писаря, тайно обучилъ грамотѣ совращеннаго уже изъ православія въ баптизмъ крестьянина села Косяковки Аѳанасія Курку, 20 лѣтъ, по ремеслу кравца или портнаго. Проповѣдь Курки имѣла большой успѣхъ, чему помогало его ремесло. Это былъ такъ сказать передвижная школа нововозникшей ереси. Переходя изъ избы въ избу для шитья крестьянскихъ свитокъ и другой одежды, Курка превратнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ стиховъ евангелія разсѣевалъ всюду сомнѣнія относительно церкви, церковной іерархіи, таинствъ и обрядовъ. На такую пропаганду употреблены были 4 мѣсяца: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Неудивительно поэтому, что въ началѣ января 1872 года на ночномъ собраніи въ домѣ крестьянки Швыдкой, въ ночь съ 6 на 7-е января, присутствовало до 60 сектантовъ изъ разныхъ сосѣднихъ селъ. Сектанты оставили соблюденіе постовъ, отвергали таинства, кощунствовали надъ иконами и мощами и глумились надъ духовенствомъ. Хотя священникъ с. Чаплинки съ своей стороны употребилъ всѣ мѣры для противодѣйствія ереси: проповѣдывалъ во всѣ воскресные и праздничные дни, открылъ воскресныя послѣобѣденныя собесѣдованія съ прихожанами въ школьномъ домѣ, нерѣдко и у себя въ домѣ собиралъ прихожанъ для разъясненія основъ истинной вѣры и возбуждалъ сельское начальство содѣйствовать охраненію православной вѣры; но всѣ эти мѣры оказывались уже тщетными. Прибѣгли опять къ содѣйствію судебной власти. 9 января Болобанъ былъ наконецъ арестованъ и преданъ суду за

распространеніе ереси, кощунство и поруганіе святыни. Спустя немного за тѣ-же преступленія изъ послѣдователей Болобана привлечены къ судебной отвѣтственности Иванъ и Гавріилъ *Лясоцкіе*, Яковъ *Коваль*, Климентъ *Терещукъ*, Евгенія *Цымбалова*, Агафія *Музычиха*, Оскла *Богдашевская* и еще 5 лицъ, всего 12; но по извѣстной быстротѣ нашихъ судовъ дѣло о нихъ затянулось надолго.

Между тѣмъ для увѣщанія оставшихся на свободѣ сектантовъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, командированы въ Чаплинку, Косяковку и Плосское протоіереи г. Таращи Андрей Пахаловичъ и г. Сквиры Іаковъ Сташевскій съ нѣсколькими священниками. При увѣщаніи чрезъ протоіерея Пахаловича 25 лицъ изъ числа совратившихся дали подписку оставаться въ православіи; при двукратномъ увѣщаніи чрезъ протоіерея Сташевскаго въ мѣсяцѣ сентябрѣ и октябрѣ до 40 лицъ совратившихся также изъявили раскаяніе въ своемъ заблужденіи и желаніе быть православными по прежнему. Къ несчастію, въ это время приходъ с. Чаплинки лишился своего дѣятельнаго и вліятельнаго пастыря, священника Нигодинскаго; въ октябрѣ, возвращаясь изъ Кіева по желѣзной дорогѣ, онъ скоропостижно скончался въ вагонѣ, какъ полагаютъ, отъ огорченія, что мало нашелъ въ Кіевѣ утѣшенія по дѣламъ своего прихода. Оставшись безъ пастыря хотя и на короткое, но самое горячее время приходъ сталъ болѣе и болѣе наполняться сектантами; число ихъ вскорѣ возросло до 145. 19 ноября 1872 г. всѣ совращенные публично наконецъ заявили свое отступленіе отъ православной церкви; въ этотъ день они вынесли изъ своихъ домовъ иконы и сложили ихъ въ колокольнѣ. Эта фанатическая выходка сектантовъ вызвала въ Чаплинкѣ цѣлую бурю: волостной старшина арестовалъ зачинщиковъ сходки, арестованные вырвались изъ заключенія и избили старшину.

Болобана и его первыхъ послѣдователей не было въ это время на мѣстѣ; они содержались въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ въ ожиданіи суда по обвиненію—одни въ распространеніи ереси, другіе въ богохульствѣ и кощунствѣ. Въ высшей степени любопытно и важно, какъ отнесся судъ къ этому новому явленію въ народной нашей жизни, такъ глубоко ее взволновавшему и смутившему. Рѣшеніе суда имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу вновь зарождавшейся секты. Судились правда наши сектанты въ старомъ

еще или переходномъ судѣ, въ такъ называемой Соединенной Палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, гдѣ было, можно сказать, и *вино ново* и *мѣхи ветхи*; но едва-ли это обстоятельство могло дѣлать разницу въ оцѣнкѣ такого жизненнаго факта, какимъ являлась новоизобрѣтенная прусскими нѣмцами и пересаженная на малорусскую почву штунда. Если и вообще теологическія познанія судей были не выше такихъ-же познаній какого-либо исправника или станового пристава, то въ данномъ случаѣ и обвинительная власть и самый судъ не имѣли никакого почти представленія о томъ жизненномъ явленіи, которое подлежало ихъ обсужденію и опредѣленію. Баптистская секта, съ послѣдователями которой суду приходилось теперь имѣть дѣло, не была предъусмотрѣна никакими статьями закона; она являлась впервые, въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ, сами послѣдователи мало откровенничали и опытно научились, гдѣ и что говорить, чего и когда не слѣдуетъ открывать. По тѣмъ отрывочнымъ и неяснымъ даннымъ, какія давались сельскимъ протоколомъ или судебнымъ слѣдствіемъ, въ родѣ напр. чтенія евангелія или собраній для молитвы и пѣнія духовныхъ стиховъ, надо было опредѣлять новую ересь, искать въ ея обнаруженіи состава преступленія и подтягивать оное къ той или другой статьѣ закона... Путь столько-же трудный, какъ и скользкій. Судъ, насколько можно судить по его рѣшенію, шелъ ощупью, терялся, искалъ опоры то въ сознаніи подсудимыхъ, то въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ концѣ концовъ видимо предрасположенъ былъ не придавать новообнаруженному явленію серьезнаго значенія со стороны его преступности или вреда для церкви и общества.

Послѣ того, что намъ уже извѣстно о дѣйствіяхъ Болобана и его послѣдователей, читатель будетъ удивленъ, узнавъ, что кіевскій судъ самый фактъ существованія секты въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи въ данное время призналъ сомнительнымъ. Суду какое дѣло до того, что въ какой-то Чаплинкѣ или Плосскомъ идетъ чуть не ежедневная, ожесточенная борьба между проповѣдниками господствующей вѣры и проповѣдниками какого-то новаго, малоизвѣстнаго религіознаго вольномыслія, подрывающаго въ основѣ самое существованіе церкви,—что борьба эта оглашается всюду, что она волнуетъ общество и доводитъ до рукопашныхъ схватокъ, что она вноситъ раздоръ въ семьи, тотъ раздоръ, котораго сила и значе-

ніе понятны лишь тому, кто постигъ глубину словъ самаго Христа *не пріидохъ на землю вооврещи миръ, но мечь*, что духовная и гражданская власть выбиваются изъ силъ, чтобы потушить поднимающійся пожаръ, способный принять обширные и опасные размѣры,—какое до всего этого суду дѣло? Онъ дѣйствуетъ въ своемъ строго-опредѣленномъ, точнѣе замкнутомъ, узкомъ кругѣ; онъ не руководитъ слѣдствіемъ, не направляетъ, не разширяетъ, не пополняетъ его, онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ матеріаломъ, какой данъ ему обвинительною властію, ему притомъ нужны формальныя доказательства, указанныя закономъ. Мы не касаемся личныхъ убѣжденій обвинителей и судей и ихъ симпатій, которыя тѣмъ не менѣе могли имѣть здѣсь мѣсто, давать извѣстную постановку дѣлу, руководить подборомъ или оцѣнкою доказательствъ. Какъ-бы впрочемъ ни было, судъ разсудилъ и рѣшилъ такъ о Болобанѣ, Лясоцкомъ и другихъ по предмету обвиненія ихъ въ распространеніи ереси: «ни одинъ изъ обвиняемыхъ не сознался въ распространеніи ереси, а большая часть изъ нихъ не сознались даже и въ томъ, чтобы усвоили себѣ какую-либо ересь, и такъ какъ и тѣ изъ нихъ, между которыми распространена будто ересь, не сознались, чтобы они совратились въ какую-либо ересь, то и самый фактъ распространенія ими ереси между другими является ничѣмъ неподтвердившимся, ибо при необнаруженіи того, чтобы кто-либо былъ совращенъ ими въ ересь, выставляемыя противъ *Болобана, Лясоцкаго, Швыдкой* и *Богдашевской*, въ смыслѣ уликъ, собранія ихъ для чтенія св. писанія и письма Богдашевской къ Болобану, сами по себѣ ничего не доказываютъ еще въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе чего и не представляется достаточныхъ основаній къ обвиненію поименованныхъ лицъ въ распространеніи между другими ереси».

Отстранивъ такимъ образомъ обвиненіе названныхъ лицъ въ распространеніи штундистской ереси, не признавъ и самаго существованія ереси, кіевская палата уголовнаго и гражданскаго суда, продолжая сужденіе по обвиненію тѣхъ-же и другихъ лицъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, относительно главнаго вожака Болобана наткнулась на такіе факты, которыхъ никакими толкованіями отстранить было невозможно, но которыхъ значеніе можно было особыми объясненіями ослабить, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить и самое наказаніе. Болобанъ поносилъ священниковъ, хулилъ иконы, крестъ, тапи-

ства, обряды: это подтверждалось «многими свидѣтельскими, присяжными и безприсяжными показаніями». Палата готова была признать Болобана изобличеннымъ въ порицаніи православной вѣры и церкви; но, разсуждала она, «съ одной стороны имѣются указанія, что Болобанъ во время совершенія упомянутыхъ дѣйствій былъ въ *пьяномъ видѣ*, съ другой нельзя не прійти къ заключенію, что преступленіе это учинено имъ по *невѣжеству*»... Какъ же быть?— Но это сейчасъ увидимъ.

Изъ остальныхъ 11-ти подсудимымъ лишь относительно *Цымбаловой* и *Музычихи* найдены Палатой такія доказательства по обвиненію ихъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, которыхъ ни отвергнуть, ни обойти было невозможно. Два присяжныя свидѣтельскія показанія удостовѣряли, что Цымбалова съ язвительною насмѣшкою отзывалась о чудотворныхъ иконахъ и приносимой ими людямъ помощи, и Палата признала ее изобличенною въ кощунствѣ, доказывающемъ явное неуваженіе къ правиламъ церкви православной. Относительно Музычихи было одно лишь такое показаніе, и въ виду его Палата пришла къ заключенію, что Музычиха навлекаетъ на себя *подозрѣніе* въ томъ, что произносила хулу на иконы Спасителя и Божіей Матери. По соображеніи всѣхъ приведенныхъ доказательствъ и подведеніи къ нимъ соотвѣтственныхъ статей свода законовъ, Палата, въ концѣ концовъ постановила: Болобана, Шмыдкую, Ивана Лясоцкаго и Богдашевскую по обвиненію въ распространеніи ереси освободить; изобличеннаго въ порицаніи православной вѣры и церкви Болобана подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; Евгенію Цымбалову 19 лѣтъ, какъ несовершеннолѣтнюю, подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, Агаѳію-же Музычиху оставить въ подозрѣніи по обвиненію въ богохульствѣ и отдать на поруки. Остальные подсудимые были признаны совершенно свободными отъ суда.

Рѣшеніе Палаты состоялось въ самомъ концѣ 1872 г., именно 22 декабря. Судъ оказался не скорымъ, какъ и подобало старому суду; но чтобы онъ былъ не милостивымъ, этого никто сказать не могъ. Газеты привѣтствовали такое рѣшеніе полнымъ сочувствіемъ, громкими похвалами; но что вышло изъ него для дѣла и жизни, какъ отразилось оно по дальнѣйшей судьбѣ секты—это вопросъ другой. Палата и относительно признанныхъ ею на сей разъ винов-

ными нашла много смягчающихъ обстоятельствъ, и между прочимъ невѣжество въ дѣлахъ вѣры. Замѣчательно, что и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ кіевскаго губернатора за 1872 годъ, извлеченіе изъ котораго по Высочайшему повелѣнію было сообщено кіевскому митрополиту, возникновеніе и распространеніе штунды между православнымъ крестьянскимъ населеніемъ кіевской губерніи поставлялось въ зависимость главнымъ образомъ отъ его невѣжества въ дѣлахъ вѣры. Но, что болѣе достойно вниманія, таже кіевская Палата, отнесшаяся такъ милостиво къ насадителямъ штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, не дала никакого снисхожденія православнымъ крестьянамъ с. Новой Гребли уманскаго уѣзда, которые, поревновавъ о вѣрѣ не по разуму, разорили хату своего односельца, совратившагося въ штунду и начавшаго пропагандировать ее въ своемъ селѣ: обвиненные въ насиліи, они сосланы въ Сибирь на поселеніе. Тутъ не было уже ничего приведено въ видѣ смягчающаго обстоятельства для тѣхъ, которые не могли стерпѣть безнаказаннаго кощунства надъ святыней, дорогой ихъ вѣрующему сердцу. Позже присяжные засѣдатели новгородскаго окружнаго суда оправдали крестьянъ, сжегшихъ, конечно, по невѣжеству, вмѣстѣ съ избой и женщину, заподозрѣнную ими въ колдовствѣ; кіевскіе коронные судьи не вошли въ душевное состояніе лицъ, которыя также по невѣжеству не нашли другаго средства выжить изъ своей среды человѣка, потрясавшаго душевный миръ ихъ и посягавшаго на ихъ святыню.—Но пойдемъ далѣе.

Присужденное Болобану годичное тюремное заключеніе, въ срокъ котораго зачтено было и содержаніе его въ тюрьмѣ во время суда, ни мало не повліяло на него и не охладило его ревности въ распространеніи штунды. Явившись въ маѣ 1873 г. въ с. Чаплинку, онъ снова сталъ воодушевлять сектантовъ и дѣлать сходки, но вновь взятъ въ таращанскую тюрьму. Что могло ждать его здѣсь, судить не беремся; но вдругъ судьба перебрасываетъ его на мѣсто прежней его дѣятельности, въ херсонскую губернію и приводитъ его снова на скамью подсудимыхъ. 15 октября 1873 г. Болобанъ, по требованію судебнаго слѣдователя 2-го участка одесскаго уѣзда, былъ отправленъ къ нему изъ таращанской тюрьмы и вскорѣ, вмѣстѣ съ прежними своими сообщниками, судился въ одесскомъ окружномъ судѣ за распространеніе штунды между православнымъ

населеніемъ херсонской губерніи; но, будучи и здѣсь оправданъ, поселился при своей семьѣ въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, среди первыхъ своихъ послѣдователей, и съ того времени открыто не появлялся въ кіевской губерніи.

Между тѣмъ посѣянныя имъ въ Чаплинкѣ и сосѣднихъ селахъ сѣмена продолжали расти и увеличивать годъ за годомъ число послѣдователей штунды. Принимаемыя епархіальнымъ начальствомъ мѣры не приводили къ желаемой цѣли и были лишь слабою преградою къ дальнѣйшему распространенію секты. Въ мартѣ 1873 года для ознакомленія съ ученіемъ сектантовъ на мѣстѣ и для воздѣйствія на нихъ командированъ былъ въ Чаплинку іеромонахъ Владиміръ Терлецкій, докторъ богословія и медицины, служившій нѣкогда миссіонеромъ въ латинской церкви. Въ лѣтніе мѣсяцы того-же года вызывались для увѣщаній въ кіевскую консисторію лица, болѣе выдающіяся по своему вліянію между совращенными: солдатъ Григорій Демчукъ, Василь Музыка—казначей совращенныхъ, Романъ Слипенко, Агаѳія Музычиха, Пелагія Ковалева, Тарасъ Болобанъ, Митрофанъ Ковтунъ, Макаръ Горовенко, Дарія Дзюменкова, Евгенія Диденкова, Анастасія Орлюкова, Аѳанасій Курка и нѣкоторые другіе. Послѣ сдѣланнаго имъ увѣщанія въ консисторіи, признано было полезнымъ размѣстить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мужскіе кіевскіе монастыри и въ кіево-фроловскій женскій. Въ числѣ намѣченныхъ къ водворенію въ монастырѣ находился извѣстный уже намъ пропагандистъ новаго ученія Аѳанасій Курка; онъ былъ помѣщенъ въ кіево-братскій монастырь въ томъ предположеніи, что на исправленіе его убѣжденій повліяетъ и помѣщающаяся тамъ духовная академія. Входилъ-ли кто изъ академической корпораціи въ собесѣдованія съ нимъ, неизвѣстно; но два мѣсяца спустя настоятель монастыря, онъ-же и ректоръ академіи, въ отзывѣ своемъ въ консисторію призналъ дальнѣйшее пребываніе здѣсь Курки не только безполезнымъ для него, но и вреднымъ для другихъ. Изъ числа всѣхъ удержанныхъ въ Кіевѣ для увѣщаній только Василь Музыка и его жена раскаялись повидимому въ своемъ заблужденіи, другіе показали притворное раскаяніе, а большая часть, особенно женщины, остались упорными. Оказалось потомъ, что бывшіе на увѣщаніи въ Кіевѣ сектанты, возвращаясь домой, становились болѣе дерзкими въ отношеніи къ своимъ властямъ и

мѣстному духовенству, а по пути не удерживались отъ внушенія своихъ убѣжденій лицамъ, встрѣчающимся съ ними на ночлегахъ и отдыхахъ; вслѣдствіе этого епархіальное начальство признало за лучшее дѣлать увѣщанія совращенныхъ на мѣстѣ ихъ жительства.

Умножаясь въ числѣ и становясь смѣлѣе, сектанты чаплинскіе стали вліять и на сосѣдніе съ Чаплинкою приходы звенигородскаго уѣзда, гдѣ имѣли родственныя связи, и вотъ штунда появляется въ м. Виноградѣ, с. Вотилевкѣ и въ м. Боркѣ. Совращенные въ новую секту все болѣе отдѣляются отъ церкви и организуются въ строго замкнутую самостоятельную общину съ своею особою обрядностію и даже особыми лицами для исполненія оной, которымъ усвоили названіе пресвитеровъ. Тогда какъ прежде совратившіеся въ штунду отказывались только приносить своихъ дѣтей къ крещенію, теперь они совершаютъ перекрещиваніе надъ взрослыми, погребаютъ своихъ умершихъ съ пѣніемъ лишь употребительныхъ у нихъ псалмовъ, вступаютъ и въ бракъ безъ благословенія церкви, по своему обряду. Пресвитерами у нихъ явились Яковъ Коваль въ Чаплинкѣ, а въ Косяковкѣ Слипенко, Демчукъ и Полѣщукъ. Тайныя сношенія мѣстныхъ сектантовъ съ херсонскими вожаками Болобаномъ и Рябошапкой не прекращались; въ свою очередь эти послѣдніе тайно навѣдывались въ Чаплинку, а нѣкоторые изъ мѣстныхъ штундистовъ, какъ напримѣръ Григорій Демчукъ, отправлялись въ херсонскую губернію, откуда приносили и денежную помощь, получаемую отъ тамошнихъ баптистовъ. Оказалось наконецъ у нашихъ штундистовъ и письменное вѣроученіе, въ переводѣ съ нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Правила новообращеннаго русскаго братства». Ихъ молитвенныя собранія, не въ тайнѣ, какъ прежде, устраиваемыя, ихъ смѣлыя и дерзостныя бесѣды съ оставшимися вѣрными православію, ихъ наконецъ своеобразныя требы, открыто совершаемыя, побудили гражданскую власть для прекращенія внѣшняго оказательства ереси помѣстить полицейскаго чиновника въ самой Чаплинкѣ; но и онъ не могъ ничего почти сдѣлать. Посѣщеніе митрополитомъ Арсеніемъ Чаплинки и Косяковки въ іюлѣ 1874 года и не долгая его бесѣда со штундистами могла повліять только на укрѣпленіе вѣры въ тѣхъ, которые еще не совратились въ секту. Ходатайство о выселеніи хотя вожаковъ ереси въ отдаленныя губерніи по представленнымъ приговорамъ сельскихъ обществъ не имѣло успѣха у министра внутреннихъ дѣлъ. Г. ми-

нистръ отвѣтилъ чрезъ оберъ-прокурора св. синода, что, по его мнѣнію, противодѣйствіемъ распространенію ереси можетъ служить «единственно неусыпное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о ввѣренной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи опой словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія». Въ 1875 году на новое ходатайство объ удаленіи хотя главныхъ вожаковъ-пропагандистовъ ереси, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ оберъ-прокурору св. синода, что едва-ли высылка можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, а скорѣе послужитъ поводомъ къ распространенію заблужденій въ мѣстностяхъ еще не зараженныхъ, какъ случилось съ Болобаномъ, высланнымъ изъ херсонской въ кіевскую губернію.

Мѣстныя духовныя и гражданскія власти терялись въ изысканіи средствъ для того, чтобы какъ нибудь остановить дальнѣйшее распространеніе ереси. Мѣстная власть употребила было такую мѣру: воспретивъ штундистамъ сходки и публичныя оказательства ереси, виновныхъ въ томъ или другомъ она отсылала къ мировому судьѣ, какъ ослушниковъ полицейскихъ распоряженій. На признанныхъ виновными мировой судья налагалъ денежные штрафы, и мѣра эта дѣйствительно сдерживала отчасти развитіе ереси, но конечно не могла вразумить и переубѣдить заблуждающихъ. Кіевская духовная консисторія въ тѣхъ-же видахъ сдѣлала попытку тѣхъ изъ сектантовъ, которые носили званіе пресвитеровъ, привлечь къ суду по 289 и 290 статьямъ уложенія о наказаніяхъ за самовольное присвоеніе ими названія и должности, предоставляемыхъ закономъ только лицамъ, опредѣляемымъ духовною властію и особо на это посвящаемымъ. Поводомъ къ этому послужило повѣнчаніе извѣстнымъ уже намъ Яковомъ Ковалемъ штундиста Кириленка съ штундисткою Михаленковою. Но кіевскій губернскій прокуроръ нашелъ, что «лжепресвитеръ могъ-бы подлежать судебному преслѣдованію по означенной статьѣ только въ томъ случаѣ, если-бы онъ, выдавъ себя за пресвитера православной церкви или иного, признаннаго нашимъ правительствомъ, исповѣданія, пресвитеры коего утверждаются въ семъ званіи установленною властью, совершилъ-бы бракосочетаніе по правиламъ этого исповѣданія, въ настоящемъ-же случаѣ бракосочетаніе совершено не по правиламъ православной церкви и не по правиламъ одного изъ

признанныхъ закономъ христіанскихъ или нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, совершившій бракосочетаніе Кириленка и Михаленковой Коваль не выдавалъ себя за пресвитера православной церкви или иного признаннаго закономъ вѣроисповѣданія и совершеніе Ковалемъ бракосочетанія не составляетъ самостоятельнаго преступленія, а есть лишь фактъ, указывающій на принадлежность Коваля, Кириленка и Михаленковой къ штундистской ереси». Такимъ образомъ еще разъ духовная власть обманулась въ своихъ надеждахъ на содѣйствіе суда въ борьбѣ съ возникавшею сектою. Приходилось ей возвратиться къ словамъ министерскаго отвѣта, что единственнымъ свойственнымъ ей оружіемъ въ семъ дѣлѣ можетъ быть «только неусыпное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о ввѣренной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи паствы словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія».

Прекрасныя, возвышенныя слова! Правъ былъ министерскій чиновникъ, изъ-подъ пера котораго такъ плавно вылились они. Правъ былъ кіевскій прокуроръ, съ такою тонкостію отличавшій законное пресвитерство всѣхъ признанныхъ исповѣданій съ его функціями отъ пресвитерства самозваннаго, никѣмъ не признаннаго. Правъ былъ даже и тотъ товарищъ прокурора, который разъяснялъ арестованнымъ въ г. Таращѣ первымъ послѣдователямъ Болобана, что за принадлежность къ сектѣ никто по закону не принадлежитъ отвѣтственности, а только за пропаганду ереси. Но какая глубокая пропасть лежитъ между этими сужденіями и взглядами, позади которыхъ стоитъ возвышенный идеалъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, и дѣйствительною нашею жизнью, всѣмъ ея строемъ общественнымъ и политическимъ, между умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ нашихъ учителей вѣры и тѣмъ-же до безконечности разнообразнымъ состояніемъ поучаемаго народа! Надо различать однако между свободою совѣсти и индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, между идеалами и согласованіемъ ихъ съ дѣйствительнымъ строемъ жизни и примѣненіемъ ихъ къ данному времени и данной мѣстности. Мы готовы стать на какую угодно высоту, начертить такіе возвышенные идеалы, до которыхъ не досягнуть и американскому баптисту, но примѣнить ихъ къ жизни—это не наше дѣло. У насъ все власти и глисти и каждая

власть имѣетъ свою строго отграниченную сферу дѣйствія, и блюдетъ извѣстную серію закона. Гражданская власть мнитъ себя на высотѣ своего призванія, когда никакое исповѣданіе, признанное закономъ, не нарушаетъ общественнаго внѣшняго порядка и тишины, судебная—когда во взаимныхъ соприкосновеніяхъ признанныхъ и даже не признанныхъ еще исповѣданій нѣтъ нарушенія письменнаго закона, нарушеній въ опредѣленной формѣ и извѣстнымъ образомъ доказанныхъ, духовная... но ея высшее призваніе въ томъ, какъ видѣли мы выше, если она просвѣщаетъ словомъ евангельской истины. А жизнь течетъ предъ ними, пѣнясь и шумя, течетъ своимъ широкимъ русломъ и тайными новыми извилинами и углубленіями, и лишь когда она прорвется наружу и подѣлаетъ серьезные обрывы, провалы и опустошенія,—мы начинаемъ, если дойдемъ до соглашенія властей, дѣлать искусственныя запруды, чтобы ввести жизнь въ ея нормальное теченіе и заглядить, на сколько можно, слѣды причиненныхъ ею опустошеній...

Не таково-ли было положеніе наше въ виду распространенія у насъ штунды?—Первое появленіе ея у насъ почти не было замѣчено: прусскіе нѣмцы свободно насаждали ее у насъ, какъ-бы картофель или сѣмена горчицы. То вѣдать былъ долженъ особый далекій отдѣлъ власти. Мы спохватились, когда посѣянная штунда сдѣлала значительные успѣхи въ рядахъ православнаго населенія, а пока мы переписывались, не спѣша, по всѣмъ правиламъ канцеляризма и съ неизбѣжнымъ пререканіемъ властей, штунда пробралась въ большіе центры юга—Одессу, Николаевъ и даже въ Крымъ, проникла въ Курляндію, мелькнула въ Польшѣ, прошла по Волыни, свила то тамъ, то здѣсь прочныя гнѣзда и почти официально пересажена съ юга на юго-западъ Россіи, въ губернію кіевскую. Тутъ всѣ власти, повидимому, бодрствовали и что-то дѣлали, но каждая отдѣльно, въ кругѣ своихъ обязанностей, по своимъ традиціоннымъ воззрѣніямъ, зачастую, какъ мы видѣли, съ признаками несомнѣннаго либерализма и самыхъ высокихъ принциповъ, а штунда корепилась и ширилась на глазахъ всѣхъ дѣйствовавшихъ властей.

Число сектантовъ увеличивалось въ такой постепенности по годамъ: въ 1875 г. ихъ было 561, въ 1876 г. 706, въ 1877 г. 946, въ 1878 г. 1100, въ 1879 г. 1196, въ 1880 г. 1380, въ 1881 г. 1294 душъ обоего пола съ дѣтьми. Возвратилось въ православіе

въ 1877 г. 18, въ 1878 г. 51, въ 1879 г. 109, въ 1880 г. 58 и въ 1881 г. 36. До 1875 г. ересь ограничивалась 7-ю приходами таращанскаго уѣзда: Чаплинкой, Косяковкой, Плосскимъ, Веселымъ Кутомъ, Попружной, Малой Березянкой и Жидовской Греблей. Въ 1876 г. она появляется въ с. Вотилевкѣ, Виноградѣ и Бояркѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1878 г. въ с. Шубиныхъ Ставахъ, Моринцахъ, Каменномъ Бродѣ, Рѣпкахъ и Яблуновкѣ того-же уѣзда; въ 1879 г. въ с. Тиновкѣ, Розумницѣ и Крутыхъ Горбахъ таращанскаго уѣзда и въ с. Чижовкѣ и Красногородкѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1880 году проникаетъ въ сквирскій и чигиринскій уѣзды, наконецъ въ 1883 г. появляется и въ предмѣстьѣ г. Кіева Дыміевкѣ. Положеніе секты за 1883 и 1884 годы относительно числа ея послѣдователей и мѣстностей, въ которыхъ они находятся, представляемъ въ слѣдующей таблицѣ:

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883г.	Число сектантовъ въ 1884г.
I. Кіевъ.		
1. Предмѣстье Дыміевка	—	15
Саперная слободка звѣринецкаго прихода .	—	26
Кіево-лыбедской владимірскій приходъ . .	—	60
Итого . .	—	106
II. Васильковскій уѣздъ.		
4. С. Яблуновка	9	—
С. Прусы.	39	—
Итого . .	48	—
III. Звенигородскій уѣздъ.		
6. С. Рижановка	7	8
С. Кобеляки.	18	13
С. Вотылевка	39	88
С. Чижовка	8	9
С. Шубины Ставы	20	11
С. Яблуновка	26	28
С. Каменный Бродъ	175	178
С. Рѣпки.	81	70
М. Боярка съ д. Порадовкой и Долгой Греблей	49	72
С. Моринцы.	34	13
Итого . .	508	561

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883г.	Число сектантовъ въ 1884г.
IV. Сквирскій уѣздъ.		
17. С. Скибинцы	38	Свѣд. нѣтъ
С. Капустинцы	16	—
С. Дѣдовщина	—	6
С. Лучинъ	19	12
С. Турбовка	—	6
Д. Кошланы, при м. Романовки	12	—
Д. Ерчики жидовецкаго прихода	3	—
Итого	88	24
V. Уманскій уѣздъ.		
24. С. Русановка	4	—
С. Новая Гребля	4	—
Итого	8	—
VI. Таращанскій уѣздъ.		
25. Г. Тараща	16	23
С. Кирданы	99	91
Д. Болкунъ, принадл. къ церкви с. Степка	38	—
С. Ставишевка	19	15
С. Рожки	18	22
С. Брилевка	17	16
С. Лѣсовичи	15	36
С. Веселый Кутъ	54	32
С. Косяковка съ д. Шушковой и Антоновкой	242	226
С. Чаплинка съ д. Поповкою	268	221
С. Жидовская Гребля	42	60
С. Попружная	86	97
С. Плосская	58	59
С. Малая Березянка и д. Малая Волянка	80	97
С. Крутые Горбы	48	81
С. [illegible]ипівка	50	55
С. Розумница	35	24
С. Антоновка	5	—
С. Скибинъ	—	13
Итого	1190	1163

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883 г.	Число сектантовъ въ 1883 г.
VII. Чигиринскій уѣздъ.		
45. С. Мордва	—	2
С. Топиловка	104	155
Всего .	1946	2006

Для противодѣйствія распространенію баптитской ереси, или такъ называемой штунды, кіевское епархіальное начальство, кромѣ увѣщаній, какія дѣлались совратившимся чрезъ приходскихъ священниковъ и особо командированныхъ лицъ, принимало еще нѣкоторыя общія мѣры. Такъ, на первыхъ порахъ развитія ереси въ с. Чаплинкѣ, кіевская консисторія, давъ знать по епархіи о появленіи новой противоправославной секты, въ мартѣ 1873 г. предписала всѣмъ священникамъ тщательно слѣдить за отношеніемъ прихожанъ къ ученію православной церкви, богослуженію и таинствамъ, и употребить все стараніе для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ духовнымъ, которыя людей простодушныхъ, подстрекаемыхъ лжеучителями, влекутъ къ новопоявившейся сектѣ. Съ этой цѣлью требовалось отъ священниковъ, чтобы они объясняли своимъ прихожанамъ св. писаніе въ поученіяхъ, учили истинамъ вѣры и нравственности, въ особенности-же старались разъяснять ученіе о призываніи святыхъ, почитаніи св. иконъ, о постахъ, о необходимости таинствъ и богослуженія, предотвращали отъ разврата, пьянства, сквернословія и тому подобныхъ пороковъ; сверхъ того священникамъ предлагалось въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ, въ извѣстные дни, въ неучебные часы, открыть чтенія для возрастныхъ прихожанъ изъ житій святыхъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ ноябрѣ того-же года консисторія выслала въ с. Чаплинку, Косяковку, Плосское и Таращу нѣсколько экземпляровъ книгъ: «Камень вѣры», «Постановленій апостольскихъ» и «Полемическаго богословія» — архимандрита Иннокентія. Впослѣдствіи эти-же приходы и другіе, куда проникла ересь, снабжены «Толковымъ Евангеліемъ» архимандрита Михаила, бесѣдами о штундѣ и молоканской сектѣ, посланіями апостольскими въ русскомъ переводѣ и разными брошюрами, заключающими въ себѣ отдѣльныя житія святыхъ. Въ слѣдующемъ 1874 г. консисторія проэктировала образовать въ с.с. Чаплинкѣ,

Косяковкѣ и Плосскомъ библіотеки книгъ, касающихся тѣхъ предметовъ христіанской вѣры, которые отвергаются сектантами, пріобрѣтая таковыя книги на счетъ суммъ св. владимірскаго братства и кіевскаго отдѣла миссіонерскаго общества. Подтвердивъ вновь объ открытіи послѣобѣденныхъ воскресныхъ чтеній для народа въ церковно-приходскихъ школахъ, консисторія тогда-же предложила настоятелямъ церквей, чтобы эти чтенія происходили въ опредѣленные часы и чтобы о началѣ ихъ даваемо было знать прихожанамъ посредствомъ треократнаго удара въ церковный колоколъ; а чтобы священники могли дѣйствовать сообща и съ большимъ успѣхомъ въ борьбѣ со штундою, для этого вмѣнялось имъ въ обязанность одинъ разъ въ мѣсяцъ собираться у благочиннаго для совѣщанія о мѣрахъ противъ распространенія ереси, обмѣниваться при этомъ своими наблюденіями и помогать другъ другу совѣтами. Въ 1875 г. предписано было открыть въ Чаплинкѣ и Косяковкѣ церковно-приходскія попечительства, съ тѣмъ, чтобы члены его не менѣе одного раза въ недѣлю собирались у приходскаго священника для совѣщаній объ охраненіи оставшихся вѣрными православію отъ вреднаго вліянія ереси и для принятія мѣръ къ возвращенію заблудшихъ; но благочинный донесъ, что открытіе церковныхъ попечительствъ соединено съ большими затрудненіями и почти невозможно при шаткости убѣжденій и тѣхъ, которые еще сохраняютъ въ себѣ привязанность къ православной церкви. Въ августѣ 1882 г. священникамъ кіевской епархіи разослано было наставленіе о мѣрахъ для противодѣйствія штундѣ, составленное архіепископомъ могилевскимъ Евсевіемъ для духовенства могилевской епархіи и сообщенное г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода преосвященному митрополиту кіевскому, хотя слѣдуетъ замѣтить, что мѣры эти и раньше сего были практикованы по кіевской епархіи. Наконецъ, въ виду повторяющихся случаевъ совращенія въ новую ересь, кіевской консисторіей въ августѣ 1883 года разосланъ чрезъ благочинныхъ циркуляръ, въ которомъ сведены, обобщены и точнѣе опредѣлены тѣ мѣры, которыя разновременно прежде рекомендованы были приходскому духовенству для борьбы со штундою, а въ частности опредѣленъ порядокъ и характеръ увѣщаній и обличеній совратившихся. Конечно, дѣло не въ однихъ мѣрахъ, какъ-бы онѣ цѣлесообразны и практичны не были, а въ ихъ примѣненіи, частнѣе въ способности

ихъ исполнителей, въ ихъ энергіи, одушевленіи, въ ихъ нравственномъ авторитетѣ, простотѣ, огнѣ и силѣ слова. Мы далеки отъ мысли, что всѣ предложенныя мѣры въ каждомъ приходѣ выполнялись всегда съ точностію и съ должнымъ усердіемъ, но во всякомъ случаѣ онѣ сдерживали развитіе секты въ теченіи 15 лѣтъ со времени ея появленія въ предѣлахъ кіевской губерніи. Если въ сектѣ числится теперь не болѣе 2,000 душъ обоего пола съ малолѣтними дѣтьми, то уже по этому одному нельзя сказать, чтобы развитіе ея шло у насъ свободно, безъ препятствій.

Но то и составляетъ особенность всякаго новаго ученія, что совершенно остановить его безсильны бываютъ самыя энергическія и рѣшительныя мѣры. Это свидѣтельствуютъ опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій. Сила новаго религіознаго ученія—въ обольстительности того представленія, что это есть истинная вѣра, и той страстности и горячности чувства, съ которою оно воспринимается всякимъ новымъ послѣдователемъ. Мѣры преслѣдованія только угугубляютъ и распаляютъ этотъ внутренній огонь и сторонники новой идеи, какъ-бы она ни была несостоятельна, готовы бываютъ перенести какія угодно испытанія, претерпѣть самую смерть за вѣру, которую считаютъ единою истинною. А мы противуставляемъ имъ спокойное разсужденіе, тотъ сухой, нерѣдко холодный анализъ, какой свойственъ доктринамъ установившимся. сражаемся оружіемъ неравнымъ, безъ одушевленія, свойственнаго христіанамъ первыхъ вѣковъ, стоя далеко не на высотѣ апостольства.

Но помимо этого было много другихъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, благопріятствовавшихъ распространенію у насъ штунды, не смотря на всѣ противупоставляемыя ей преграды. Убѣжденные въ правотѣ своего ученія, наши штундисты пользовались для цѣлей пропаганды всякою нашею оплошностію, всякимъ снисхожденіемъ власти, всякимъ сочувственнымъ, неосторожнымъ или съ заднею мыслію пущеннымъ либеральнымъ словомъ. Не даромъ Болобанъ и его послѣдователи, возвращаясь изъ Кіева послѣ увѣщаній и суда, увѣряли всѣхъ и каждаго при всякомъ подходящемъ случаѣ, будто ихъ ученію сочувствуютъ «кіевскіе паны».

Большое удобство для ихъ проповѣди представляло распространеніе, съ тѣми конечно цѣлями, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, по крайне дешевой цѣнѣ, въ маленькомъ форматѣ

Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Съ карманнымъ евангеліемъ въ рукахъ они проповѣдывали всегда и вездѣ—на работѣ, въ полѣ, въ кузницѣ, на мельницѣ, въ семейныхъ собраніяхъ, извращая смыслъ отдѣльно взятыхъ текстовъ и отвергая всякое св. преданіе. Насколько распространеніе Новаго Завѣта и евангелія въ переводѣ на русскій языкъ по дешевой цѣнѣ послужило уясненію христіанскаго вѣроученія въ массѣ народа, это еще неизвѣстно; а что въ рукахъ нѣмецкихъ миссіонеровъ и малорусскихъ сектантовъ оно сдѣлалось орудіемъ протестантской пропаганды для совращенія изъ православія въ баптизмъ, то не подлежитъ сомнѣнію.

Ничѣмъ почти не сдерживаемые въ своей проповѣди, за которою и услѣдить не представлялось подъ часъ никакой возможности, наши сектанты сильны были тѣмъ единодушіемъ, какого нерѣдко не доставало въ средѣ православныхъ, особливо-же власть имущихъ. Пропагаторы штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи сносились съ проповѣдниками того-же ученія въ херсонской губерніи и даже нѣмецкими миссіонерами, на подмогу которымъ не замедлили прійти и наши пашковцы. Болобанъ, какъ уже извѣстно намъ, не разъ уходилъ въ херсонщину къ своему тамошнему сообщнику Ратушному и каждый разъ возвращался оттуда болѣе нафанатизированный и съ большею смѣлостію принимался за распространеніе штунды на своей родинѣ. Съ Ратушнымъ переписывались Созонтъ Капустяный и Никита Исаіевъ Воронинъ, а также другія лица изъ крестьянъ Чаплинки и Косяковки. Въ 1873 г. въ Чаплинку пріѣзжалъ самъ Ратушный, давалъ деньги, воодушевлялъ и обѣщалъ помощь. Въ 1876 году задержаны полиціей въ с. Топорищахъ житомірскаго уѣзда, волынской губерніи, жители с. Плосскаго таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи, Павелъ Цыбульскій и Исидоръ Красовскій и с. Веселаго Кута Симеонъ Величукъ. При допросѣ они показали, что прибыли туда якобы для знакомства съ нѣмцами и займа денегъ, а по справкѣ оказалось, что они были изъ числа уличенныхъ въ порицаніи православной вѣры и обрядовъ. Годомъ раньше, именно въ 1875 году посѣщалъ с. Чаплинку и Косяковку графъ Корфъ, сообщникъ Пашкова. Отъ самаго Пашкова чаплинскій пресвитеръ Яковъ Коваль часто получалъ письма и деньги, а въ 1879 г. получилъ отъ него одновременно 200 р.

Содѣйствіе пашковцевъ распространенію и укрѣпленію штунды среди православнаго населенія кіевской губерніи проявилось нако-

нецъ еще въ особой формѣ, которой подозрѣвать было невозможно. Извѣстна исторія учрежденія въ Петербургѣ общества распространенія св. писанія и книгъ для религіозно-нравственнаго чтенія. Общество состояло подъ Высочайшимъ покровительствомъ; ему сыпались со всѣхъ сторонъ похвалы и пожеланія, о его дѣйствіяхъ печатались отчеты и сообщенія. Пашковцы съумѣли воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Его агенты, подъ названіемъ книгоношъ, не замедлили появиться и въ кіевской губерніи, преимущественно тамъ, гдѣ посѣяна была штунда. Поселяясь здѣсь, они не только безплатно раздавали книги Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ, но принимали на себя обязанность благовѣстниковъ новаго пути ко спасенію, являлись какъ-бы новыми апостолами. По донесенію учителя церковно-приходской школы с. Плосскаго, окончившаго курсъ семинаріи, Василія Стрижевскаго, въ февралѣ 1876 г. туда являлся въ качествѣ книгоноши рядовой Василій Васильевъ. Поселившись въ домѣ одного изъ начальныхъ сектантовъ—Богдашевскаго, этотъ не призванный проповѣдникъ собиралъ къ себѣ послѣдователей штунды для молитвы и духовныхъ бесѣдъ, руководилъ собиравшимися, читалъ имъ евангеліе, толковалъ его, пѣлъ съ ними духовныя пѣсни, раздавалъ брошюры, внушалъ, что ходить въ церковь не за чѣмъ, что тамъ люди только больше грѣшатъ, присматриваясь, кто во что одѣтъ и т. п. Видно, проповѣдь его была сильна, такъ какъ, по донесенію того-же учителя, въ извѣстные моменты участники собранія, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, повергались на землю и плакали. И не мудрено: предъ бѣдными, простыми жителями глухой деревни, склонившимися уже на сторону новаго ученія, но принужденными таиться съ нимъ и терпѣть разныя стѣсненія, появлялся не просто убѣжденный человѣкъ, но человѣкъ бывалый, прошедшій тысячи верстъ и забредшій сюда изъ столицы, съ патентомъ отъ общества, состоявшаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ.

Въ высшей степени любопытна эта связь нашихъ штундистовъ съ сектою пашковцевъ, возникшею на огромномъ отъ нихъ разстояніи, въ иной совершенно средѣ, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Но чтобы понять и эту связь, и силу и опасность закравшагося къ намъ новаго ученія, доселѣ извѣстнаго подъ именемъ штунды, надо заглянуть туда, откуда оно вышло, прослѣдить его развитіе тамъ и причины, обусловившія его возникновеніе, обо-

зрѣть современное положеніе этой секты и ея видоизмѣненія на Западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и наконецъ уяснить ея историческое начало, а также ея мѣсто въ ряду другихъ сектъ и ученій, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Только тогда мы можемъ понять сущность и характеръ отразившагося и у насъ религіознаго движенія, установить для него точное названіе и знать навсегда, съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло. Сдѣлать это мы считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ въ виду не перестающаго практиковаться у насъ простаго, домашняго такъ сказать способа рѣшенія вопроса о происхожденіи нашей штунды, формулируемаго приблизительно такъ: «народъ-де нашъ подвинулся въ своемъ развитіи, назрѣли новыя духовныя потребности, а наше отсталое духовенство не могло удовлетворить имъ»... Но это должно составить предметъ особаго очерка, который мы не замедлимъ представить.

П. Л—въ.

ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА.

Ziarko do ziarka—
To zbierzesię miarka.
(Зерно къ зерну
И соберется мѣрка).
Польск. пословица.

Нѣсколько писемъ Т. Г. Шевченка къ М. А. Максиновичу, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ, съ симпатичными поясненіями къ нимъ неизвѣстнаго автора, дополнили и уяснили кое-что изъ скорбной жизни поэта. Его письма, поэтическія его произведенія, работы граверныя далеко не всѣ приведены въ извѣстность; многія изъ нихъ разошлись по рукамъ при жизни и особливо по смерти его и глохнутъ въ безъизвѣстности, забытыя не рѣдко самыми владѣльцами ихъ. Долгъ каждаго изъ насъ собирать и приводить въ извѣстность все, что можетъ относиться къ характеристикѣ и жизни поэта, какъ-бы не были незначительны тѣ данныя, которыми кто-либо располагаетъ, ибо, только собирая по крохамъ, мы можемъ съ теченіемъ времени подготовить достаточный матеріалъ для полной біографіи и надлежащей оцѣнки Т. Г. Шевченка.

Тѣ немногія и, можетъ быть, очень незначительныя данныя, которыя я намѣренъ предложить здѣсь въ видѣ матеріала для біографіи Т. Г. Шевченка, стали извѣстны мнѣ совершенно случайно и приводятъ меня къ мысли, что такимъ-же путемъ, тѣмъ болѣе при доброй волѣ, можетъ быть найдено еще многое и гораздо болѣе важное для уясненія свѣтлаго образа славнаго нашего поэта. Вотъ что я могу предложить почитателямъ его.

Въ фундаментальной библіотекѣ лубенской мужеской гимназіи есть «Кобзарь» Шевченка, изданіе Семиренка 1860 г., печат. въ типографіи Кулиша. Въ этомъ экземплярѣ, въ трехъ мѣстахъ извѣстной поэмы «Катерина» нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя строки наклеены; если-жъ приподнять наклейки, то подъ ними видны точки. Ясно, что изданіе вышло съ точками или пропусками въ тѣхъ мѣстахъ, а наклейки сдѣланы послѣ. Когда, кѣмъ и по какому случаю? Но прежде ознакомимся съ этими таинственными строками. Всѣхъ ихъ счетомъ 28 и содержаніе ихъ не представляетъ ровно ничего особеннаго, запретнаго.

Вотъ эти сроки:

Въ главѣ 3-й, за словами: «А серденько одпочине, поки слезы льються», слѣдуетъ.

Отъ-таке то лихо, бачите, дивчата,
Жартуючи кинувъ Катрусю москаль.
Недоля не бачить, съ кимъ ій жартувати,
А люде хочъ бачать, та людямъ не жаль:
«Нехай», кажуть, «гине ледача дитина,
Коли не жумѝла себе шануватъ».
Шануйтеся жъ, люби, въ недобру годину
Щобъ не довелося москаля шукать.

Поводомъ къ недоразумѣнію и цензурному запрещенію приведенныхъ строкъ послужило, кажется, слово: *москаль*. Но въ смыслѣ великорусской національности это слово никогда не употреблялось и осталось съ этимъ значеніемъ лишь въ польскомъ языкѣ. Въ малорусскомъ говорѣ оно употреблялось и употребляется какъ однозначущее слову: *солдатъ* и въ этомъ смыслѣ употреблено и поэтомъ. Тѣмъ не менѣе изъ-за него, по очевидному недоразумѣнію, выпущено цѣлыхъ 8 строкъ. Даже въ пражскомъ изданіи «Кобзаря», гдѣ приведены первыя двѣ изъ этихъ строкъ, стоитъ: «*кинувъ Катрусю свою*», а не *москаль*, какъ въ наклейкѣ.

Въ главѣ 3-й, послѣ словъ: «що мени робити?» читаемъ въ наклейкахъ слѣдующіе заключительные стихи:

«Сирота собака мае свою долю,
Мае добре слово въ свити сирота;
Его бьютъ и лаютъ, закуютъ въ неволю,
Та никто про матиръ на смихъ не спита.

А Ивася спитають, заранне спитають,
Не дадуть до мовы дитини дожить.
На кого собаки на улици лають?
Хто голый, голодный пидъ тыномъ сидить?
Хто лобуря водить? Чорняви байстрята...
Одна ёго доля—чорни бровинята,
Та й тихъ люде заздри не дають носить».

Трудно и теперь понять, что могло быть поводомъ къ пропуску въ печати этихъ вполнѣ невинныхъ строкъ.

Наконецъ 4-я глава начинается одиннадцатью слѣдующими прелестными стихами:

«По пидъ горою, яромъ, доломъ,
Мовъ ти диды высокочоли,
Дубы зъ гетьманщины стоять;
У яру гребля, вербы въ рядъ,
Ставокъ пидъ кригою въ неволи,
И ополонка—воду брать...
Мовъ покотело червоніе,
Кризь хмару—солнце занялось,
Надувся витеръ; якъ повіе—
Нема ничого, скризь биліе...
Та тилько лисомъ загуло».

Высоко-поэтическая картина природы и больше ничего.

Меня до крайности заинтересовало происхожденіе наклеекъ, текстъ которыхъ приведенъ. Экземпляръ «Кобзаря», въ которомъ онѣ находятся, подаренъ гимназіи землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда О. И. Дейкуномъ-Мочаненко: къ нему я и обратился за разъясненіемъ. Даритель разсказалъ мнѣ объ нихъ слѣдующее.

Бывши въ 1860 г. въ Петербургѣ, я зашелъ въ типографію Кулиша; чрезъ нѣкоторое время быстро вошелъ туда Шевченко и торопливо спрашивалъ:

— А что, готово? готово?

— Готово, отвѣчали ему, и подали нѣсколько листковъ съ напечатанными стихами.

На вопросъ мой: что это такое? покойный Каменецкій, завѣдывавшій тогда типографіей Кулиша, объяснилъ, что это не пропущенныя цензурою мѣста изъ «Катерины», для наклейки въ

экземплярахъ, предназначенныхъ для поднесенія нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, между прочими, бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому. Я выпросилъ и для себя такой листокъ и наклеилъ его въ своемъ экземплярѣ.

Вотъ этотъ самый экземпляръ и хранится въ настоящее время въ библіотекѣ лубенской гимназіи.

У г-на же Дейкуна нашлась давняя тетрадка съ малорусскими стихами. Въ ней рядомъ съ «Хустиною» Шевченка, напечатанною лишь недавно въ кіевскомъ альманахѣ «Лупа»; нашелъ я другое, также неизвѣстное еще стихотвореніе Шевченка. Вотъ его заглавіе и самый текстъ.

ДО СЕСТРЫ.

Не питай ты моихъ писень,
Сестро моя мила!
Цуръ имъ: вони сумни, смутни,
Мовъ тая могила.

* * *

Нащо слухать, якъ на хрести
Пугачъ завываe,
Коли въ саду соловейко
Весело спивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари:
Твое сонце свитить ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

* * *

Нехай твои квити квитять
На твоій дорози,
Нехай твою минуть весну
Витри та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...

Я сказалъ уже, что прелестное это стихотвореніе въ тетрадкѣ Ѳ. И. Дейкуна стоитъ рядомъ съ «Хустиною». Дѣлаю это для опредѣленія времени, когда написана «Хустина». Оба стихотворенія сохранились въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, въ рукописи слѣдуютъ одно за другимъ и участь обоихъ одинакова—забыты они и авторомъ, и хранителемъ, не разысканы и издателями; да и настроеніе поэта въ обоихъ глубоко-грустное, хотя спокойное:—поэтъ, какъ-бы упоенный прелестью самой этой грусти, ищетъ и находитъ и сердечно улыбается этому горькому успокоенію; наконецъ и игривая легкость стиха одинакова въ обоихъ; отсюда можно заключить, что и писаны они одновременно, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, навѣянныя одними и тѣми-же обстоятельствами. Даже одни и тѣже предметы сравненія при писаніи обоихъ носились въ воображеніи автора.

Въ «Хустынѣ»·

Ой заплакавъ сивый пугачъ
Въ степу на могыли.

Въ стихотвореніи «До сестры»:

На що слухать, якъ на хрести
Пугачъ завываe.

Еще одно обстоятельство: стихотвореніе «До сестры», а также и «Хустина» списаны г. Дейкуномъ въ 1855—1856 г. изъ рукописи В. В. Т—скаго, въ которой они находились вмѣстѣ съ другими произведеніями Шевченка и тоже ему приписывались, но почему-то въ собраніе его сочиненій не вошли. Подъ обоими даты нѣтъ; но когда они были списываемы г. Дейкуномъ, поэтъ давно уже надъ Араломъ *личивъ въ неволи дни и ночи, и ликъ забувавъ;* значитъ, позже 1-й половины 1847 года, т. е. времени ареста и ссылки Шевченка, написанными они быть не могли. А гдѣ предъ тѣмъ былъ поэтъ и что особеннаго, выдающагося случилось въ его жизни?—Сообразивъ это, можно съ большею вѣроятностію опредѣлить, къ кому относилось стихотвореніе «До сестры», а за тѣмъ и время, раньше котораго оно не могло быть написано, и даже довольно точно опредѣлить его дату. Если эти соображенія покажутся достаточно убѣдительными, тогда менѣе всего можно рисковать ошибаться, относя къ тому-же времени и «Хустину».

Какія у Шевченка были сестры?—Двѣ родныя: Катря, о которой онъ рѣдко вспоминалъ, и Ярина, которую величалъ «многострадальною и святою»... но была у него и названная сестра—княжна Рѣпнина. Не къ родной, конечно, сестрѣ относятся слова:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

Сестрѣ Иринѣ посвящено совсѣмъ другое стихотвореніе, въ которомъ братъ лучемъ надежды ободряетъ ее въ тяжкомъ прохожденіи *колючей нивы:*

Молися, сестро! Будемъ жыви,
То Богъ поможе перейти.

Если мы при этомъ вспомнимъ все, что намъ извѣстно о жизни юнаго (29 л.) художника—поэта, уже пользовавшагося извѣстностію, въ 1843 г. въ Яготинѣ, то у насъ не только мало останется сомнѣнія, что стихотвореніе «До сестры» писано княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Рѣпниной, но, сверхъ того, оно броситъ яркій лучъ свѣта на тѣ ихъ взаимныя, для нихъ самихъ какъ-будто темныя отношенія, надъ формулированіемъ которыхъ ими, особенно княжной, потрачено столько тревожныхъ усилій.

«Княжна Варвара Николаевна, обладая серьезнымъ образованіемъ и неистощимой добротой души, съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ плебею—Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній и т. д. Шевченко благоговѣлъ передъ этой необыкновенной женщиной и т. д. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія «Тризна», написанномъ въ 1843 г.» Такъ говоритъ г. Чалый въ своей біографіи Шевченка.

«Княжна, обладая неистощимой добротой души, снизошла къ плебею—Шевченку», и въ то-же время вошла въ *дружескія, чисто братскія* отношенія съ 29-лѣтнимъ художникомъ-поэтомъ. Отношенія эти вышли такъ необыкновенны, такого сложнаго свойства, что у обоихъ вызвали тревожную потребность разобраться въ нихъ, формулировать и дать имъ имена. Окрестили ихъ искренней дружбой—мало, назвали братскими отношеніями — еще не то, понадобилось измѣнить обыновенное значеніе словъ: *братъ, сестра,* придавъ имъ болѣе глубокій смыслъ, повысивъ ихъ значеніе; но все это не удовлетворяло, чувствовалось еще нѣчто не досказанное, еще одно

слово,—слово, которое въ силу общественныхъ условій не только не могло быть произносимо, но должно было быть исключеннымъ изъ самой мысли; княжна, судя по извѣстнымъ даннымъ, первая произноситъ это слово, хотя и въ смыслѣ отрицательномъ, желая такъ сказать документально устранить его изъ отношеній.

По отъѣздѣ Шевченка изъ Яготина, при одномъ изъ своихъ писемъ къ поэту, княжна прилагаетъ длинное разсужденіе о томъ, что такое *сестра* и *возлюбленная*. Въ немъ проводитъ она параллель между этими двумя понятіями, очевидно перенося многое лучшее со втораго понятія на первое, оставляя за вторымъ только очень вульгарное значеніе, и такимъ образомъ разъясняетъ, какъ она понимаетъ принятую на себя роль «сестры» поэта. Если понадобилось устранять слово *возлюбленная*, значитъ въ отношеніяхъ прокрадывалось нѣчто такое, для выраженія чего напрашивалось уже это слово. Да и устраняется оно не прямо, а съ особенной тревожной заботливостью, чтобы, устраняя слово, не затронуть самыхъ отношеній, сохранить чувства, замѣнивъ ихъ имя. Все это затѣмъ, чтобы чрезъ исключеніе неудобнаго слова, такъ сказать, очистивъ, освятивъ существовавшія отношенія передъ другими и даже передъ самими собою формально, выработать право на ту долю высшаго наслажденія, которая очевидно чувствовалась въ продолженіи этихъ отношеній. Такъ деликатно дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ княжна. Поэтъ-же, не мудрствуя лукаво, въ приводимомъ стихотвореніи назвалъ настоящимъ именемъ тѣ послѣдствія, которыя въ обыденной жизни слѣдуютъ за подобными отношеніями:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

«Я, я—сестра ваша, вашъ искренній другъ—ваша обвинительница» и т. д., пишетъ княжна въ іюнѣ 1844 года.

Очень ужъ старая и слишкомъ извѣстная пѣсня. Когда различіе общественнаго положенія или другія условія устраняютъ всякую возможность проявленія питаемыхъ чувствъ, когда самая возможность существованія этихъ чувствъ даже самимъ дѣйствующимъ лицамъ кажется неумѣстною, преступною, тогда инстинктивное влеченіе между двумя различными полами дѣлаетъ обходъ и продолжаетъ свое дѣйствіе въ болѣе терпимой формѣ, въ формѣ игры въ брата и сестру и въ очень ужъ искреннюю дружбу.

Итакъ, въ этихъ отношеніяхъ была, конечно осложненная многими другими чувствами, и... *нѣмая любовь;* мы здѣсь, въ стихотвореніи «До сестры»—свидѣтели этой любви и горькаго, но спокойнаго сознанія бѣднякомъ-поэтомъ всей ея неумѣстности.

На що слухать, якъ на хрести
Пугачъ завываe,
Коли въ саду соловейко
Весело спивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари,—
Твое сонце свитыть ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

Такъ какъ извѣстно, что на письмо, писанное княжной въ январѣ 1844 г., отвѣта не получено, и переписка на долго прервалась, то является возможность предположить, что именно отвѣтомъ на это письмо и было стихотвореніе «До сестры», въ которомъ такъ глубоко-грустно ноютъ и *прощальныя* пожеланія.

Нехай твои квиты квитять
На твоій дорози,
Нехай твою минуть весну
Витры та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...

Если это такъ, то и дата приведеннаго стихотворенія будетъ: январь—февраль 1844 г. Былъ-ли посланъ княжнѣ этотъ поэтическій отвѣтъ, или нѣтъ—мнѣ неизвѣстно и я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы судить объ этомъ хотя гадательно.

Перехожу къ гравернымъ работамъ Шевченка.

Весьма желательно поспѣшить собрать свѣдѣнія о художественныхъ произведеніяхъ Шевченка всѣхъ родовъ—авось когда-нибудь явится возможность собрать все это вмѣстѣ. Отмѣчаемъ здѣсь одинъ

изъ фактовъ. Въ 1845 г. вышло иллюстрированное изданіе Исакова: «Наши, списанные съ натуры», теперь уже очень рѣдкое. Въ немъ, между прочимъ, есть «Знахарь» Гр. Основьяненка, украшенный значительнымъ числомъ весьма хорошихъ виньетокъ изъ малорусскаго быта. Виньетки въ другихъ статьяхъ подписаны Тимомъ, Клодтомъ и еще кѣмъ-то (неразборчиво); виньетки-же въ «Знахарѣ» не подписаны никѣмъ, кромѣ первой большой—на всю страницу, изображающей знахаря, гдѣ имѣется весьма отчетливая подпись: *Шевченко.* Не принадлежатъ-ли и остальныя виньетки «Знахаря» Шевченку?—Хорошо, если-бы люди знающіе, кому это удобно, поспѣшили рѣшить этотъ маленькій, но не безъинтересный вопросъ, пока, можетъ быть, еще не утрачена возможность его *рѣшенія.*

Отмѣчаю еще одинъ, не замѣченный другими, столь-же незначительный, но не лишенный смысла фактъ изъ жизни поэта: *правописаніе предсмертнаго его письма* къ одному изъ земляковъ и пріятелей, правителю канцеляріи оберъ-полиціймейстера И. Н. Мокрицкому. Привожу самое письмо съ удержаніемъ подлиннаго его правописанія.

Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ!

Поздравляю васъ съ вожделеннимъ днемъ ваного святого ангела извините что я не могу лично принести моего искренняго поздравленія я боленъ «другой мѣсяцъ не только на улицу меня и въ коридоръ не поскаютъ... и не знаю чемъ кончится мое затворничество? Глубоко кланяюсь марьи львовни, и лобизаю вашихъ дѣточокъ. отъ души желаю вамъ повеселится по прошлогоднему Досвиданія. Искренній вашъ *Т. Шевченко.*

24 февраля
1861 г.

Письмо это списано мною, съ точнымъ соблюденіемъ правописанія самаго автора, въ 1876 г. въ г. Лубнахъ съ подлинника, хранившагося у г. Мокрицкаго, сына Ивана Николаевича, которому оно адресовано. Текстъ письма приведенъ уже въ книгѣ г. Чалаго, только безъ удержанія правописанія автора, а мнѣ кажется, что именно въ этомъ письмѣ правописаніе подлинника и имѣетъ зна-

ченіе. Т. Гр. Шевченко не проходилъ старо-ademическаго класса «грамматики», да и вообще никакихъ классовъ, но въ ряду поэтовъ самоучекъ могъ-бы похвалиться своею грамотностію, въ особенности предъ Кольцовымъ, котораго удобочитаемымъ дѣлали лишь воронежскіе семинаристы. Откуда-же здѣсь полное почти отсутствіе всякой орѳографіи? Писано письмо 24 февраля, за день до смерти Шевченка. Смыслъ его еще довольно бодръ, поэтъ не видитъ быстро приближающейся роковой развязки, хотя въ письмѣ прорывается закравшаяся уже съ нѣкотораго времени тревога: «и не знаю, *чымъ кончится* мое затворничество?» Но правописаніе ясно свидѣтельствуетъ, что болѣзнь успѣла уже разстроить и ослабить организмъ. Поэтъ и прежде относился къ правописанію небрежно; но кто видѣлъ подлинники его писемъ, для того ясно, что хотя въ этомъ письмѣ есть общее съ другими, но что все-таки это—не то. Это одно изъ проявленій приближавшейся смерти, та болѣзненная слабость, когда человѣкъ не совсѣмъ отчетливо относится къ внѣшнему міру, самъ того не сознавая.

А «хочеться... Боже милый!
Якъ хочеться жити,
И любити твою правду,
И весь свитъ обняти!»

На другой день, 25 февраля утромъ, М. М. Лазаревскій засталъ поэта въ ужасныхъ мученіяхъ—съ ночи началась у него сильная боль въ груди, не позволявшая лечь. Такъ продолжался день, и всю ночь онъ провелъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками, а въ половинѣ 6-го утра 26-го февраля поэта не стало [1]). Значитъ, послѣ написанія приводимаго письма оставалась еще въ жизни поэта только 2-я половина дня 24 февраля, когда онъ могъ-бы еще что-либо написать; а потому можно съ большою вѣроятностью предположить, что изъ чувствъ и мыслей, выраженныхъ поэтомъ на бумагѣ, это были послѣднія—къ пріятелямъ-землякамъ.

Упоминаемая въ письмѣ Марья Львовна—жена имянинника, уроженка лубенскаго уѣзда полтавской губерніи. Въ дневникѣ Шевченка есть нѣсколько словъ объ этомъ знакомствѣ. «6-го апрѣля (1858 г.). Познакомился съ женою правителя канцеляріи оберъ-

[1]) Разсказъ А. М. Лазаревскаго въ 3-мъ т. «Основы», 1861 г.

полиціймейстера И. Н. Мокрицкаго. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы съ нею встрѣтились, какъ старые знакомые».

«Разставшись съ милѣйшею землячкою, пошелъ я въ академію художествъ на выставку».

Привожу наконецъ послѣднее свидѣтельство на проживаніе Шевченка въ Петербургѣ, съ помѣтами полиціи и съ засвидѣтельствованіемъ священника о его смерти и погребеніи.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
ОБЕРЪ-ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

Канцелярія.
столъ I.

7-го апрѣля 1860 года.
№ 142.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Дано сіе отставному рядовому Оренбургскаго Линейнаго № 1-й баталіона Тарасу Шевченко, для свободнаго проживанія въ С.-Петербургѣ, въ теченіи одного года, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока свидѣтельство это было представлено мнѣ.

Свиты его величества генералъ-маіоръ (подпись неразборчива).
Правитель канцеляріи *Мокрицкій*.

(М. П.)

На обратной сторонѣ свидѣтельства читаемъ:

Означенный въ семъ свидѣтельствѣ Тарасъ Шевченко сего 1861 года 16 февраля волею Божіею умеръ отъ водяной болѣзни и сего-же февраля 28-го дня погребенъ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. Въ чемъ свидѣтельствуется. Марта 2 дня 1861 г.

Екатерининской церкви, что при академіи художествъ,
Священникъ *Илья Денисовъ*.

(М. П.)

На послѣдней страницѣ свидѣтельства слѣд. помѣты:

№ 50. По Большой Морской.

1 часть, 3 кварталъ. Запис. на квартирѣ 11 апрѣля 1860 года.
За надзирателя *Давидовъ*.

№ 1/6

Васильевская часть, 1 кварталъ. Записанъ на квартирѣ 22-го апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Астафьевъ*.

№ 1 и 6 по 5 линіи	№ 50
На квартирѣ у Назаревскаго (Лазаревскаго?)	Большая Морская. На квартирѣ возобновлено.

Это копія съ подлинника, хранящагося при фундаментальной библіотекѣ лубенской гимназіи, за № 3257. Подлинникъ въ траурной рамкѣ за стекломъ, подаренъ гимназіи В. Я. Яновскимъ, землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда, а имъ пріобрѣтенъ отъ П. Н. Мокрицкаго, брата раньше упоминаемаго Ивана Николаевича, бывшаго правителемъ канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Съ небольшимъ мѣсяца не дожилъ поэтъ по выданному ему свидѣтельству и пошелъ въ путь, изъ котораго никто не возвращается, въ званіи отставного рядового оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ этомъ главный интересъ сохраненнаго документа, разрѣшающій вопросъ о томъ, было-ли Шевченку послѣ ссылки возвращено званіе художника. Свидѣтельство причта удостовѣряетъ болѣзнь, которая привела поэта къ смерти, а полицейскія помѣты указываютъ, гдѣ жилъ онъ по возвращеніи изъ Кіева до перехода въ зданіе академіи художествъ.

Ѳ. Каминскій.

КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ.

(Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей елисаветградской провинціи).

Письмо это получено нами отъ достопочтеннаго историка «Новой Сѣчи» А. А. Скальковскаго. Авторъ его, священникъ с. Знаменки, херсонской губерніи, современникъ и отчасти очевидецъ описываемаго въ письмѣ, что даетъ его свѣдѣніямъ большую историческую достовѣрность. Письмо писано въ послѣдніе годы прошлаго или первые нынѣшняго столѣтія, по просьбѣ неизвѣстнаго лица, очевидно занимавшагося собираніемъ свѣдѣній о заселеніи Новороссіи. Множествомъ мелкихъ, но яркихъ штриховъ оно рисуетъ намъ разные моменты и стороны этой достопамятной колонизаціи: тутъ и всемогущество Потемкина, которому не доставало лишь власти цареградскаго патріарха, и его желаніе порисоваться предъ Екатериною дутыми плодами насаждаемой имъ культуры, — мелькаютъ темныя фигуры узурпаторовъ и прихлебателей всемогущаго временщика, въ траги-комическомъ положеніи выступаютъ французскіе эмигранты и обманутые въ своихъ надеждахъ старообрядцы, въ жалкомъ видѣ шаріевъ, изъ-за спины налетѣвшихъ со всѣхъ концевъ колонизаторовъ, выглядываетъ та *сволочь*, которую разными льготами влекутъ въ ярмо неволи и которыхъ кабальнымъ трудомъ дикія степи и луга должны превратиться въ цвѣтущій садъ, а мимоходомъ проскальзываютъ и тѣ естественныя условія, въ которыхъ по мѣстамъ должны были жить новые поселенцы; есть нѣкоторыя частныя историческія и даже археологическія указанія. Вообще, это частное, простое и не затѣйливое, письмо даетъ болѣе для исторіи, чѣмъ десятки официальныхъ бумагъ.

Милостивый государь!

Между тѣмъ временемъ, какъ я обѣщался доставить вамъ вѣдомость о поселеніи здѣшняго округа, довольно я промедлилъ, ибо есть человѣческое: «не еже бо иногда хощу, то и творю». Надѣюсь въ томъ отъ васъ имѣть прощеніе.

Вамъ уже извѣстно, что когда въ 1781 году въ Кременчугѣ, по открытіи намѣстничества, была учреждена таврическая губернія, князь Потемкинъ, яко намѣстникъ новыхъ, но малолюдныхъ губерній, а паче таврической, изыскивалъ способъ къ населенію. Ему открывался тогда случай слѣдующій. Старообрядцы, живущіе въ Москвѣ и иныхъ городахъ, равно и черниговской губерніи, слободъ стародубскихъ, сословія купеческаго и мѣщанскаго, находя себя недостаточными въ разсужденіи церковнаго чиноначалія, безъ коего живши цѣлый вѣкъ, многіе изъ нихъ, какъ-бы отъ забвенія опомнившись, стали свое состояніе подозрѣвать въ неправильности, такъ какъ оно было и есть, судили за благо, чтобы секту свою, довольно устарѣлую, возобновить, или только починить, и какъ нужно было на то имѣть духовный матеріалъ, согласились требовать не отъ святѣйшаго синода, какъ-бы слѣдовало, но устремились къ его свѣтлости, какъ-бы къ царградскому патріарху, съ прошеніемъ, дабы онъ исходатайствовалъ имъ епископа особеннаго для старообрядцевъ, подъ названіемъ «хорепископъ», то есть селской. Сему ихъ предпріятію былъ я самовидецъ, когда отъ московскихъ и стародубскихъ повѣренные два человѣка—одинъ чернецъ, другой старикъ изъ купцовъ, повсюду князя преслѣдовали, даже и въ Елисаветградѣ въ домѣ Красноглазова. Когда позванъ былъ я къ его свѣтлости, князь лично у меня спросилъ: 1) здѣшніе стародубскіе слободы имѣютъ-ли желаніе имѣть законныхъ священниковъ и церкви на старыхъ обрадахъ? 2) знаю-ли я повѣренныхъ, отъ старообрядцевъ уполномоченныхъ, требующихъ епископа себѣ особеннаго? И когда отвѣчалъ я, что знаю, князь промолвилъ: «объяви имъ, чтобы они оставили епископа просить; священниковъ дадутъ имъ и церкви на старыхъ обрядахъ имѣть дозволятъ, если въ таврическую область на жительство пожелаютъ». Вышедши я отъ князя, приказаніе его исполнилъ. Между тѣмъ князь, вышедши, намѣрился садиться въ карету; повѣренные, подошедши, подали князю бумагу.

— Вамъ сказано? князь промолвилъ.

— Слышали, отвѣчали они.

Князь поѣхалъ къ обѣденному столу, который купечествомъ былъ изготовленъ у Никиты Ивановича Масляникова. По обѣдѣ тотъчасъ ускорилъ въ Кременчугъ, и мнѣ на почтовыхъ лошадяхъ приказано было слѣдовать. На канунѣ открытія намѣстничества я прибылъ, видѣлъ все, что только въ глаза попадалось. Въ ту самую пору въ Кременчугѣ открылась чумная зараза; по сему случаю вся губернія была переведена въ Полтаву. Послѣ тридневнаго торжества и я туда-жъ отправленъ былъ съ курьеромъ и письмомъ княжескимъ къ преосвященному для постриженія въ попы. Все сіе происходило въ Петровъ постъ. По прибытіи посвященъ я въ Петровъ день въ соборѣ. На другой день преосвященный отправилъ меня съ письмомъ къ его свѣтлости; но его въ Кременчугѣ уже не было,—по окончаніи открытія не медля отправился въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ 1785 году, по высочайшей волѣ, князь учинилъ къ старообрядцамъ письменное воззваніе, и оное разпубликовано было внутрь Россіи, и внѣ оной: желающіе высокомонаршею милостію пользоваться какъ духовными правами, равно и всѣми чувственными выгодами, приходили-бы въ таврическую область. Тогда-жъ отъ князя и къ знаменскимъ молдавскимъ выходцамъ, въ елисаветградской провинціи жившимъ, прислана грамота о переселеніи, что и было вскорѣ исполнено. Князь надѣялся своими обѣщаніями выманить отовсюду старообрядцевъ, но на опытѣ оказалось противное: черниговской губерніи семей до 60 только согласились и пришли тогда, какъ земли были розданы; знаменскіе, не смотря на выгодное переселеніе: 1) что домы ихъ, иные ничего не стоющіе, были щедро заплачены, 2) по 50 рублей на каждаго изъ казны и 3) льгота 8-лѣтняя, не хотѣли переселяться. Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Никополя, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государынѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ не обитаемыхъ; но знаменскіе не захотѣли тамъ селиться. Имъ дано было на волю, только-бы не упорствовали. Князь однако-жъ не оставилъ своего предположенія,—приказалъ моему отцу, чтобы непремѣнно выходцами, какого-бы званія не были, водворять противъ Никополя на первый

разъ хотя одну Набережную улицу, которая удобнѣе могла быть видима изъ никопольскаго дворца во время шествія и пребыванія государини въ дворцѣ. Князь столько былъ доволенъ, что не оставилъ о томъ доложить государынѣ, какъ о томъ я словесно вамъ повѣдалъ.

Князь, видя, что старообрядцы его воззванія не внемлютъ, бросилъ ихъ, а дабы земли, въ пустѣ лежащія, населить, было позволено всякого званія бродягъ принимать, отъ чего въ Россіи помѣщики многіе липились крестьянъ. Тогда-жъ земли стали быть роздаваемы помѣщикамъ, начиная отъ устья Конской рѣчки, да многія пространства степей, и Великій Лугъ, запорожцами прозванный, г. Поповъ занялъ, ниже того—Бродскій, Ливанидовъ, Синельниковъ.

Слѣдуетъ теперь о Днѣпровкѣ упомянуть. Выше объявленные черниговской губерніи старообрядцы, семей до 60-ти, за дальнимъ разстояніемъ, опоздали сюда притить и не знал, что земли уже назначены помѣщикамъ, избрали себѣ мѣсто ниже болшой Знаменки, верстахъ въ 10-ти поселялись, въ землянкахъ перезимовали, весною старались о водвореніи; кромѣ всякаго пособія, изнурились и до послѣдняго имущества истощились, стараясь вновѣ землю распахали, не зная того, что отъ знаменской межи по теченію рѣки верстъ до 30-ть, до урочища Лепатихи, земля князю Вяземскому уже назначена. Между тѣмъ къ нимъ-же присовокупился старообрядческій архимандритъ съ черницами, тотъ самый, котораго собили епископомъ. И сему князь обѣщалъ много, но ничего не исполнилъ, потому что старообрядцы въ Крымъ не пожелали. Сей архимандритъ, не находя себѣ пристойнаго монастыря для мѣста, расположился въ концѣ новой усадьбы и было построилъ нѣсколько келѣй. Отъ сего поселяне вознегодовали, а тѣ въ Симферополь ходили къ губернатору на разрѣшеніе. Тогда былъ Каховскій Михаилъ Васильевичъ; онъ имъ обьявилъ, что земли, ими занятая, принадлежитъ князю Вяземскому. Тогда онѣ съ плачемъ, разорившись, принуждены переселяться. Архимандритъ прибѣгнулъ къ знаменскимъ; сіи во уваженіе уступили полосу земли, на которой, въ горѣ Мамайсуркѣ, и былъ построенъ монастырь съ церковью, а поселяне избрали себѣ мѣсто выше селенія Водяной. Поселясь и тамъ, нашли неудобство: песчаные кочугуры затрудняли проѣздъ въ пахатное поле, что и понудило ихъ къ вторичному переселенію въ *поды*, отъ чего

названіе получила Подовка. Сначала они, держась старообрядчества, воздвигнули самобѣднѣйшую церковь, которая и теперь, имѣли и священника; но когда присовокупились къ нимъ народы, въ множествѣ старовѣрства не знающіе,—уничтожили старообрядство. Слобода Водяная сначала ея водворенія засслена людьми бывшими прежде елисаветградскаго уѣзда; они жили въ сосѣдствѣ съ знаменскими и вообще всѣ занимались тамъ гончарствомъ; слобода ихъ и тамъ имѣла тоже названіе—Водяна балка. На водвореніе имъ здѣсь было выдано только по 15 рублей на хозяина. Вотъ все то, что я знаю о населеніи здѣшней округи народами, по волѣ князя Потемкина селившимися. Изъ нихъ многіе на прежніе свои жилища возвращались по причинѣ чрезмѣрной трудности, когда селились: 1-е воздухъ дикой, не очищенной отъ паровъ, происходившихъ изъ плавень, не проходимыми камышами и трущебникомъ лѣснымъ покрытыхъ; 2-е мошка столько была сильна—душила даже рогатый скотъ, въ ноздри набившись, въ день нельзя было работать, а ночью комарь не давалъ покою. Этой бѣды едва могли переносить. Ктому еще третья: оврахи или суслики въ такомъ были множествѣ въ полѣ, чтобы не было посѣянное, истребляли все до послѣдняго на нивѣ, тоже самое, какъ и сарана. Для истребленія разные опыты отъ поселянъ были: выливали водою, но безуспѣшно, дѣлали самострѣлы и надъ норами ставили, но надобно было сидѣть и заводить; наконецъ вздумали съ огня кипяткомъ. Хотя истребляли, но на мѣсто того годъ отъ года болѣе ихъ выпложивалось; поселяне отчаялись было имѣть когда либо свой хлѣбъ, въ елисаветградскомъ и павлоградскомъ уѣздахъ зажинали и покупали, наконецъ отъ овраховъ чудомъ спасены: Богъ знаетъ откуда, появились въ множествѣ хори; сіи истребили овраховъ почти безъ остатка; послѣ того и хори скрылись и до нынѣ не видно тѣхъ и другихъ. По истинѣ чудное въ натурѣ дѣйствіе!

Слѣдуетъ теперь упомянуть о земляной крѣпости, что у переправы подлѣ казармъ: хотя вся уже развалилась и пескомъ засыпалась, но отъ западной стороны есть цѣлость правильнаго треугольника и часть стѣны и ровъ видѣнъ. Надобно думать, что сія крѣпость была сдѣлана при Петрѣ, когда Азовъ былъ взятъ, а когда обратно отданъ туркамъ, тогда оставлена. Сіе повѣствованіе яко не сомнительное есть,

потому что я имѣлъ карту, доставшуюся по кончинѣ графа Клермонтера, тамъ означена сія крѣпость и названіе выставлено «Затонъ», потому что соединяется тутъ съ Днѣпромъ Конская рѣка;—соединилась и какъ-бы утонула,—или потому что было запинаніе татарамъ. Я узнать хотѣлъ отъ старыхъ запорожцевъ; но они помнятъ то только, что крѣпость оная была россійская. Доказательствомъ еще и то, что подлѣ крѣпости на берегу находили серебряныя старинныя копѣйки,—болѣе о семъ ничего не могу сказать. Что-же по сю сторону Лимана къ слободѣ Знаменкѣ видна крѣпость и отъ оной валъ, простирающійся къ Лиману и по ту сторону до селенія Малой Знаменки и въ самомъ берегу Конки кончившійся, такъ объ ономъ для себя разумѣй: быть можетъ или половцами, или печенѣгами и козарами неправильно построенный. Хищные отъ хищныхъ защищались. Въ срединѣ самой крѣпости было строеніе похожее на дворецъ; знаменскіе рыли и доставали въ землѣ камень тесаный и кирпичь жженый, весьма прочный, болѣе никакихъ нѣтъ признаковъ. Еще въ вершинѣ Лимана есть окопы или ретраншаменты, имѣющіе правильные триугольники. Когда князь готовился къ взятію Очакова и самъ во всю зиму до самой весны находился въ крѣпости елисаветградской, въ ту самую зиму отъ него былъ присланъ подполковникъ инженерный, нѣкто Андрей Алексѣевичъ Темкинъ, въ здѣшнія плавни для заготовленія туровъ и фашинъ; онъ любопытствовалъ оный окопъ и увѣрялъ, что во время Минихова похода здѣланъ. Также, по теченію рѣки въ верхъ, примѣтно былъ лѣсъ: находили коренья не у самой рѣчки, но въ полу-горѣ, слѣдовательно не вербовой, но иного рода,—думать надо, войска истребили. Годовъ пять или шесть тому прошло, какъ знаменской мужикъ скотоводникъ въ степи, верстъ за 50-ть, на казенномъ участкѣ для скота рылъ колодезь; вырывши аршинъ 6, открыли необыкновенной величины кость, толщиною едва можно обхватить двумя четвертьми аршина, излучистая, похожа какъ-бы на ребро какого звѣря; они по глупости разбили и раздробили; потомъ, не нашедши воды, оставили и завалили. Сіе есть доказательство бывшаго всемірнаго наводненія.

Минуя Рогачинъ, бывшее имѣніе князя Вяземскаго, скажу нѣчто мимоходомъ о Лепатихѣ. Сіе мѣстоположеніе, не быть удобное къ населенію, оставалось никѣмъ не занятое до дней извѣстныхъ француз-

ской революціи. Въ то самое время два графа, извѣстные Шуазель и Клермонтеръ, избѣгнувши, получили здѣсь въ удѣлъ себѣ землю лепатихскую, гдѣ теперь казенное селеніе. Тамъ они графы водворились по обѣ стороны балки: Клермонтеръ восточную сторону занялъ, а Шуазель западную. Имѣя деньги, старались во первыхъ о населеніи людьми всякою сволочью, не надежными бродягами; записывали имена и прозванія, какіе были фальшиво показаны, между тѣмъ (записавшіеся) для заработковъ отходили и не возвращались. Когда учинена была ревизская перепись, тогда графы увидѣли, что со временемъ платить надобно подати, у нихъ-же, кромѣ изнуренія и убытковъ, все пустое, языка россійскаго, ни его свойства не знали; хотя и былъ переводчикъ, молодой, 18-ти лѣтній, но и тотъ былъ утопленъ тамже въ рѣкѣ. За тѣмъ Клермонтеръ помре; тамъ и погребенъ, не имѣя памятника. Имущество его, какое оставалось, земскою полиціею продано. Тогда и мнѣ досталось имѣть карту, объемлющую одну только крымскую область по самый Днѣпръ. Оставался Шуазель; онъ просилъ императрицу, было повелѣно принять землю и людей по списку въ казну; взамѣнъ ему дано въ Бѣлоруссіи; такъ о томъ слышалъ я отъ его превосходительства Семена Семеновича Жегулина. Лепатиха славна должна быть по первому заведенію!

Ниже Лепатихи было занято Самойловымъ; онъ потомъ продалъ Рахманову; сей своими людьми населилъ большую слободу. За Рахмановымъ земля принадлежала прежде Завадовскому и во многіе годы не была населена такъ, какъ теперь: у графа Кочубея здѣлалось селеніе многолюдное. Казенные Каиры есть давніе, также какъ и Знаменка; тамъ отставной былъ капитанъ, старикъ смолдавскій (изъ Молдавіи), подъ его смотрѣніемъ оная слобода населялась. Дурицкая земля и слобода прежде всего принадлежала принцу Нассау. Его жена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, года два или три жила одинехонька, претерпѣвая оводъ, мошку и комары, въ простой хижинѣ, никуда не выѣзжая. Однажды пріѣзжала къ Дмитрію Матвѣевичу Куликовскому, болѣе никуда; имѣла прилежаніе къ разведенію разныхъ садовыхъ и иныхъ деревъ, найпаче-же акацій, но увидя изъ опыта, что здѣшній климатъ ей не благопріятствуетъ, продала Константинову и навсегда удалилась въ родину свою.

Каховка имѣетъ названіе въ честь бывшаго первоначально въ Крыму генералъ-губернатора Михаила Васильевича Каховскаго. Дмитрій Матвѣевичъ Куликовскій, имѣвши тогда случай, занималъ земли, гдѣ только пожелалъ; онъ имѣлъ тѣсную дружбу съ Василіемъ Степановичемъ г. Поповымъ. По княжескому благоволенію Куликовскій опредѣленъ былъ къ соли; свои земли заселилъ людьми и Васильевку г. Попова слободы. Государь Павелъ когда воцарился, фельдъ-егеръ, подхвати Куликовскаго, отвезъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ около двухъ лѣтъ содержался, потомъ освободился. Тогда происходили поиски за военныхъ, оставившихъ службу и въ поселяне приписавшихся, подъ видомъ бродягъ. Гдѣ только таковые были отысканы, были штрафованы наборомъ два рекрута за одного; въ Большой и Малой Знаменкахъ штрафныхъ человѣкъ 20 отдали; тоже самое и у помѣщиковъ. Дабы освободиться отъ помѣщиковъ, не бывъ никогда служивыми показывались.

Вотъ все, что я знаю о населеніи здѣшней округи. Благоснисходительно за медленное донесеніе и за всю въ письмѣ неисправность,—ибо ни ладу, ни складу,—простите.

Честь имѣю пребыть къ вамъ навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью,

Милостивый государь, вашъ всеохотнѣйшій слуга

Карпъ Маркіановъ.

День Преполовенія.
Знаменка.

УНИВЕРСАЛЪ
ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА[1]) 1690 Г.

(Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ).

Какъ ни страннымъ можетъ казаться въ настоящее время, но то несомнѣнный историческій фактъ, что до половины XVII ст. нынѣшняя черниговщина и полтавщина находились въ фактическомъ владѣніи польскихъ пановъ, а польская культура и языкъ господствовали тамъ, особливо въ Черниговщинѣ, до половины XVIII в. Дальнѣйшія измѣненія въ землевладѣніи лѣвобережной Украйны являются результатами переворотовъ въ политической исторіи Украйны.

Въ началѣ XVII вѣка, говоритъ Багалѣй въ своей статьѣ: «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.» [2]), начинается усиленное нашествіе польскихъ пановъ..., ко второй половинѣ XVII в., т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, шляхта пустила уже прочные корни въ Черниговщинѣ.. Возстаніе Хмельницкаго произвело цѣлый соціально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украйнѣ—крупное землевладѣніе совершенно почти исчезло..., земля сдѣлалась собственностью всего народа малороссійскаго... Займанщина—вотъ та типичная форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ

[1]) Біографическія о немъ свѣдѣнія см. въ янв. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: «Лизогубы».

[2]) «Кіевская Старина», декабрь, 1883 г.

экономическихъ оковъ... Постепенно количество земли должно было уменьшиться какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра... Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной земельной собственности, которая произошла путемъ пожалованія, скупли и захватовъ».

Помѣщаемый ниже универсалъ черниговскаго полковника Якова Кондратовича Лизогуба (1687—1698) можетъ служить дополненіемъ къ упомянутому изслѣдованію г. Багалѣя, иллюстрируя положеніе землевладѣнія въ Черниговщинѣ послѣ возстанія Хмельницкаго и установленіе въ немъ новаго, прочнаго порядка, безобиднаго для обѣихъ столкнувшихся на этомъ сторонъ.

Извѣстно, что польская шляхта бѣжала изъ Украйны безъ оглядки при первомъ громѣ козацкаго оружія: дома, грунты, поля опустѣли. Послѣ первой войны Москвы съ Польшей (1653), переяславской рады и второй войны, окончившейся андрусовскимъ договоромъ (1667), лѣвобережная Украйна фактически присоединилась къ Москвѣ. Пока прежніе владѣльцы земельной собственности скитались по разнымъ областямъ польскаго государства, спасаясь отъ ужасовъ народнаго возстанія, ихъ имущества попали въ другія руки: давно уже кто хотѣлъ, тотъ и занималъ ихъ, иное-же отдано было за военныя заслуги чинамъ войска запорожскаго, но за все, какъ говоритъ универсалъ, «великіе государи православно-россійскіе черезъ мирніе договоры *сумою* своею монаршою королю польскому и Речи Посполитой оплачували».

Но вотъ, послѣ андрусовскаго договора, когда въ Украйнѣ наступили относительно тихія времена, шляхта начала мало по-малу возвращаться на свои старыя гнѣзда и нашла тамъ другой режимъ, другіе порядки: чужіе люди полноправно владѣютъ ея прежними имуществами. Шляхта не желаетъ примириться съ совершившимся фактомъ, подаетъ жалобы высшему малороссійскому уряду, ведетъ процессы съ новыми землевладѣльцами и добивается возвращенія своихъ прежнихъ имуществъ *statu quo ante*. Эти-то «частыя докуки и уприкренія» и заставили высшій урядъ страны войти въ обсужденіе вызваннаго предшествовавшею бурею жгучаго земельнаго вопроса. Дѣло обсуждалось по полкамъ: полковники, совмѣстно съ

старшиной и значнымъ войсковымъ товариствомъ, придумывали исходъ изъ такого положенія дѣлъ и результаты своихъ обсужденій объявляли особыми универсалами во всеобщее вѣдѣніе. Одинъ изъ такихъ универсаловъ предъ глазами читателя. Вотъ его текстъ:

Изъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго

Полковникъ черниговскій Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ.

Всѣмъ, кто-бы потребенъ того былъ вѣдати, теперъ и въ пришлій часи, а особливе всѣмъ жителемъ постовбицкимъ, слободскимъ, золубицкимъ, гонопаловскимъ, даницкимъ, гусяскимъ войсковымъ и посполитымъ людемъ, ознаймую, ижъ, узнаючы я, за ураду моего, частія докуки и уприкренія черезъ заводы неуспокоенія о кгрунтахъ, на которихъ описаніи сидятъ села, же ославляючіися шляхтою въ тыхъ селахъ, за антецесоровъ моихъ, прошлихъ пановъ полковниковъ, черезъ всѣ мѣнущіе лѣта, не обзивалися до тихъ кгрунтовъ и не доходили ихъ, ажъ теперъ, давнимъ шляхецкимъ правомъ, якъ передъ войною было, почали себѣ за отчизніе винаходити и трудности немалии чинити. Для успокоенія того, за сполною обрадою, съ полковою старшиною и значнимъ войсковимъ товариствомъ, казалемъ видати сей мой универсалъ съ таковимъ постановленнемъ и выркомъ: поневажъ якъ война перша наступила и освободивши съ подданства лядского войско запорожское отчизну свою, увесь малороссійскій край, волне и свободне помежи тими и на тихъ то шляхецкихъ кгрунтахъ посѣдали селами войсковіе и посполитіе люде, а оніи тіи-жъ шляхецкіе кгрунта запустѣлія зостали, которіе, или тутъ у Сѣверщинѣ лежачіе, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи наши православно-россійскіе, обнявши въ свою державу Украину, черезъ мирніе договоры сумою своєю монаршою королеви полскому и Речи Посполитой оплачували, и годніи особы заслугуючіеся у войску запорожскомъ, за универсалами рейментарскими, одержали тие-жъ ку пожитковѣ своему кгрунта, тедн на чомъ хто осѣдѣлъ зъ шляхти и великихъ людей по селахъ описанихъ прошлими часы и теперъ сколко собою розробленихъ своихъ уживае и держитъ кгрунтовъ, а болше роспахати и розробити самъ не може, абы тимъ ся контентовали, и тые за власность свою мѣли, а що над-то иними хто розробилъ, и еще не розробленихъ и запустѣлихъ мѣло бы

бути въ тѣ околичности кгрунтовъ, которіе за отчискіе собѣ иле шляхта звикла ославлювати, и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити, присвоюють и не допускають сполмешканцомъ своимъ розробляти и поседати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и всякіе люде, якихъ хто може, кождіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе кгрунта посѣдали, розробляли и ку пожитковѣ своему, безъ жадныхъ заводовъ и турбацій, приводили, нынѣшнимъ, подъ щасливою Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ православно-россійскихъ монарховъ нашихъ державою, власти войсковой служачимъ правомъ, теперъ и на потомніе часы, подъ винами и карою срокгою на сопротивныхъ и упорныхъ, утверждаю.

Данъ въ Чернѣговѣ 13 септеврія року 1690.

Вышменованный полковникъ чернѣговскій.

(М. П.)

Приписка. Тутъ-же и тое докладаю, не отпустною виною на маетку и не легкою карою на здоровю варую, и сроктій заказъ чиню, абы нихто зъ тихъ-же селянъ и въ тихъ кгрунтахъ давно и новоприбранныхъ сѣножатяхъ не важился орати, яко мѣло уже своволно и допустно поорано, иле рачей гдѣ прибрано на сѣножать, нехай тое сѣножатю буде, а що на поле пахатне, абы кождый працею своею старался робити, албо на томъ переставъ, що хто старого розробленія мае.

СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА.

Подъ этимъ заглавіемъ дошла до нашего времени и циркулируетъ не въ однихъ спискахъ, но даже въ живомъ изустномъ обращеніи одна изъ такъ называемыхъ *интермедій*, начало которыхъ теряется въ первыхъ годахъ XVII ст., но которыя полное свое развитіе получили въ срединѣ прошлаго столѣтія и дожили до самаго почти конца онаго. Печатаемую теперь интермедію мы слышали въ дѣтствѣ, въ звенигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, отъ многихъ лицъ и знали ее наизустъ; но это было лѣтъ 50 назадъ. Интермедія давно была забыта нами, какъ вдругъ въ минувшемъ году съ одной почтой мы получили два списка оной: одинъ сдѣланный первоначально въ Бессарабіи, но циркулировавшій въ Галиціи и пріобрѣвшій тамъ особенности галицкаго правописанія, а другой болѣе близкаго и, такъ сказать, живаго происхожденія—онъ сдѣланъ въ м. Новомъ Ропскѣ, черниговской губерніи, новозыбковскаго уѣзда, подъ диктовку 73-лѣтняго, уже ослѣпшаго старика изъ крестьянъ Алексѣя Лисовскаго, совершенно неграмотнаго, но въ молодости бывшаго приватнымъ дьячкомъ, по выбору прихожанъ. Объ редакціи значительно повреждены—первая неизвѣстными переписчиками, а вторая ослабѣвшею памятью старика, но объ въ такой степени другъ друга исправляютъ и пополняютъ, что остается одно лишь мѣсто, въ которомъ чувствуется нѣкоторый пропускъ, что и отмѣчается нами въ самомъ текстѣ интермедіи. Смыслъ искаженныхъ и непонятныхъ словъ намъ легко было возстановить и по памяти, и по ходу рѣчи.

Содержаніе интермедіи—простая, несложная сцена изъ жизни малорусскаго народа той отдаленной эпохи, когда дѣйствовалъ еще

гетманскій режимъ и существовалъ козачій строй въ нашей гражданско-общественной жизни. Авторъ интермедіи неизвѣстенъ, но конечно это было лице, принадлежавшее къ составу старой кіевской академіи, и самая интермедія—произведеніе школьное, хотя довольно уже обшлифовавшееся въ народномъ обращеніи, съ размѣромъ стиха силлабическимъ. Дѣйствіе происходитъ вѣроятнѣе всего во второй уже половинѣ XVIII столѣтія и несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Селомъ отъ имени громады правитъ атаманъ, но тутъ-же и резиденція сотника. Священникъ этого села втерся въ приходъ путемъ окольнымъ, помимо выбора громады, женившись на воспитанницѣ сотника. Онъ изъ молодыхъ, сторонится отъ народа, не раздѣляетъ его предковскихъ, нерѣдко суевѣрныхъ обычаевъ, борется съ предразсудками и невѣжествомъ народа, заводитъ школу для дѣтей, энергически преслѣдуетъ нравственную распущенность прихожанъ и ихъ охлажденіе къ церкви. Недовольные давно уже своимъ священникомъ прихожане въ случайно сошедшемся кружкѣ толкуютъ о томъ, какъ-бы избавиться не милаго и строгаго священника, перечисляютъ всѣ его выдумки и затѣи, сравниваютъ его порядки и поступки съ тѣмъ, что было при прежнемъ ихъ священникѣ старикѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ нихъ въ жизни, не превосходившемъ ихъ въ своихъ религіозно-нравственныхъ и другихъ воззрѣніяхъ и потому не преслѣдовавшемъ того, что издавна вошло въ ихъ общую жизнь. Результатомъ этого случайнаго совѣщанія нѣсколькихъ громадянъ является рѣшимость ихъ идти гуртомъ къ протоіерею и архіерею съ письменною просьбою о перемѣнѣ священника, за составленіемъ которой они и направляются къ дьячку. Тутъ толки о винахъ священника продолжаются; подходятъ еще нѣсколько стариковъ. Дьячекъ не слушаетъ, что говорятъ, строчитъ свое, безъ подготовки и запинки сочиняетъ жалобу—*суплику* (supplicare—жаловаться, доносить) въ непроглядно-темныхъ общихъ фразахъ, пересыпанныхъ церковно-библейскими словами и съ соблюденіемъ тогдашней формы прошеній; но когда онъ кончилъ и прочелъ, громада, толковавшая уже о необходимости подкрѣпленія просьбы обычною тогда во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества посулою, ничего не поняв изъ прошенія, пришла въ смущеніе, изъ котораго выручилъ одинъ изъ стариковъ, заявивъ, что причина зла въ сотникѣ, вліяніемъ котораго верховодитъ священникъ, и что надо начинать съ

сотника, а потомъ уже приниматься за священника. Но какъ подобная борьба казалась почти невозможною, то собравшіеся громадяне, признавъ, что тщетно было-бы сыпать противъ вѣтра пескомъ, предпочли, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, направиться въ корчму и запить неудавшуюся попытку водкой. Уходя, они приглашаютъ съ собою составителя прошенія, но тотъ отказывается въ виду скораго начатія вечерни.

Драматичности дѣйствія, комичности сцены въ общемъ и мелочахъ и глубокой вѣрности ея съ жизнію интермедія обязана своею долговѣчностію и широкою распространенностію. Она даетъ намъ яркую картину нравовъ и понятій, господствовавшихъ въ сельской средѣ далекаго отъ насъ времени, меткими чертами рисуетъ происходившую тогда борьбу привычекъ и воззрѣній старыхъ съ новопроторгавшимися и рисуетъ, надо сказать, такъ вѣрно, что многія, даже мелкія явленія можно подтвердить архивными ссылками. Такимъ образомъ помѣщаемая нами интермедія есть не только литературный, но вмѣстѣ и историческій памятникъ. Вотъ ея любопытный текстъ.

Пархимъ. Охримъ!
Охримъ. Ащо, Пархимъ?
Пархимъ. А нумо лишь, свату Охриме, думати, гадати,
Якъ бы намъ попа свого у шоры вбрати.
Геть винъ сиромитью влизъ въ нашу парафію,
Та дивись, яку надъ нами крутить веремію.
Чого наши диды й батьки не чували,
То щобъ мы ёму на сповиди слебезували.
Та щежъ выдумавъ яку затію,
Щобъ мы давали дитей у винацію! [1])...
Охримъ. Геть я вамъ самъ казавъ: не дуже вы на ту оковитку! [2])
А въ репти хто-жъ те знавъ? винъ добрымъ казався зъ дитку.
Пархимъ. Нема на свѣти, якъ нашъ бувъ винъ старый,
Що ёго и доси згадуе великій и малый.
Охримъ. Та й будемо, свату, довго споминати,
Бо вже не будемо такого попа мати.

---

[1]) *Винація*—обученіе, школа, отъ лат. *vinacea* въ производ. или перен. смыслѣ.
[2]) Намекъ на выборы священника и подпиванье при томъ водкой.

Умивъ бо, свате, изъ людьми обходиться,
Та ще було де й горилки напиться.
Хочъ за винчаня и добре бравъ,
Та добре объ храми й людей пацувавъ.
Попили, голубчики, тей оковитки,
Та ще не тилько мы, але и паши дитки.
А до сего але ніякъ и приступиться,
Не тилько щобъ коли горилки напиться.
Хоть и за диломъ прійдешъ, то все рыло дуе,
А якъ чого попросишъ, то мовъ и не чуе.

Тарасъ. Нехай але то насъ не шапуе,
А то й Грицька Дяденка, що ще й титаруе.

Опанасъ. Та винъ и отамана ни въ-що не ставить:
Хочъ той що скаже, то винъ свое все править.

Левко. Хоть е за що, хоть нема, а сажае въ купу,
Ось якъ посадивъ и Хиврю, мою куму;
А то тилько за те, що согришила,
Выбачайте ....., якъ дижу мисила.
Хоми причастя зовсимъ не давъ,
Що до церкви йдучи, горилки покуштувавъ.
И Семена старого за то въ куни державъ,
Що якось разъ съ кумою пожартувавъ;
Педора передъ причастямъ кваши покуштувала
Та й за те въ куни весь день стояла;
Снигуръ Гарасимъ тилько въ пятинку скорому наився,
То й за то въ куни добре насидився;
И Кирикъ Овадченко не втикъ сёго сорома:
Залицався на Настю, а вона ёго кума;
Та й Левко Музыка три дни въ куни-жъ сидивъ,
Що куми, выбачайте, щось не до ладу зробивъ.
А Процько за куму хочъ въ куни й не сидивъ,
Такъ на саме Риздво весь день поклоны гривъ;
Зинець изъ рыдною кумою женихався,
Та и за то неборакъ у куну попався.

Педько. Ходимъ лишъ до дяка, та все ёму гарненько роскажимо,
Та ще й хороше ёго попросимо.

Приходять до дяка.

Свиридъ. Здоровъ будь, пане дяче, якъ соби маешъ?
А за чимъ прійшли, чомъ не питаешъ?
Дякъ. Почтенніи парафіяне, изволте сидати,
Коли въ гости прійшли, то будемъ витати.
Миронъ. Та спасыби, пане дяче, за твою ласку,
Послухай насъ, яку мы скажемо тоби казку:
Возьми лишъ каламаръ и перо, та напиши круто,
Щобъ падили на нашого попа зализнее путо.
Дякъ. Почтеннін миряне, извольте казати;
Чернилница готова, що маю писати?
Педько. Ой пиши, пане дяче, що не велівъ челяди колядувати,
На улицю ходити и на Купайла черезъ огонь скакати;
Объ клечинни заказавъ винцивъ робити
И тихъ въ ночи на воду до рички носити.
Не вольно вже парубкамъ зъ дивчатами гуляти;
По чимъ же вони молодисть свою будуть знати?
Охримъ. А праздныкивъ наказавъ—що може зъ пивкопы буде
И щобъ кожного свята ходили до церкви вси люде.
Пархимъ. А коли жъ, пане свате, будемо робити,
Якъ станемо що свята до церкви ходити?
Старый, небижчикъ, не знавъ тихъ винацій,
Та й не було тоди ніякихъ затій:
До церкви ходили не кожной недили,
А говнлы тильки тіи, котри сами хотили.
А сей же молодый выдумавъ таку затію:
Не сповидае, хто скаже, що *Отче нашъ* не вмію,
А хто *Тройци* не скаже, то й не причащае,
А самъ зъ дякомъ въ церкви що день галагалае.
Педько. А жежъ старый небижчикъ пивъ не разъ и въ шинку
хрестивъ,
И на Купайла скакавъ, и колядувати ходивъ,
А по весилляхъ не тилько було старостуе,
—Ходить у придани, та ще було й задружкуе;
И винчавъ, небижчикъ, не тилько що зъ кумою,
А хочъ прійди до ёго изъ рядною сестрою.
Аже винъ, покійникъ, не менше грихивъ знавъ,

Та парафіянъ своихъ такъ не мордувавъ
И хочъ мы тогди помолиться и не вмили,
А все жъ таки насущный хлибъ ѣли.

Супрунъ. Тогди, пане Педьку, и Богъ лучче годивъ,
Отъ тилько що народъ до церкви не ходивъ;
А при сёму то и Богъ не хоче годити,
Бо цей ставъ дитей въ випаціи вчити.

Стецько. Геть правду казала небижчиця Настя,
Що не буде народъ мати билше щастя;
Бо вона бачила, якъ замирала,
Що пятинка свята Пречисту прохала:
«Перестали люди Пречисту давно шанувати,
Не дай-же имъ щастя и доли мати.
Все кажуть: николи й погуляти;
А коли-жъ пятинку святую шанувати» [1])?

Федько. Чи любо дивиться на дивку Стицькивну,
Що волосъ побливъ, та не найде соби ривню?
Бо теперъ безъ вина [2]) не до порога.
Ось якъ дивче Иваська—небога,
Що до неи нихто и не заглядае,
Геть тимъ, що въ бодни нычого немае.

Лаврынъ. Прійдется и нашимъ дочкамъ дѣвувати,
Якъ сей довго буде попувати.

Буцъ Илько. Не бійся, пане Лецьку, не буде довго попомъ.
Отъ якъ до хурхурея вси пидемъ гуртомъ,
А тамъ якъ роскажемъ, якъ винъ нами крутить,
Або и суплику якъ розберс,
То може й самого до рукъ прибере.
Та якъ крутопопа попросимъ старого,
То, не бійся, заразъ дадуть другого.
Тоди перестане намъ за шкуру сала заливати,
Вывчимо мы ёго, якъ мае попувати;
Буде винъ памятати, що робивъ тутъ тартаръ,
Якъ одъвидае хурхурейськихъ барбаръ.

---

[1]) Послѣ этого чувствуется въ обоихъ спискахъ пропускъ.

[2]) *Вѣно*, приданое.

Винтипъ. Колибъ, Ничипоре, хоть по мошличку таки зложили,
Та пиднесли-бъ хурхурееви, щобъ его виддалили;
Тай крутопопи треба щось дати,
Бо правду казала небижчиця мати,
Що безъ грошей не доступити до пана,
Якъ безъ сукна до гетмана.

Евтухъ. То правду, пане куме, оце ты кажешъ;
Бо й цеей справы дурницею не розвяжешъ.
Шиди лишъ, кликни мого Демка кума,
Тай попросите сюда Безпалька Наума,
Вони люде стари и всюди бували,
Тобъ може й вони що небудь сказали.
А ось вони й сами сюда чимчикують...
Читай лишъ, нане дяче, нехай и вони почують.

Дякъ читае:

«Въ Бозѣ Преосвященнѣйшему, надъ Владиками владичествующему, Божіей церкви и Христовой невѣсти краснтелю, премудрѣйшему учителю, усердному всѣхъ бидныхъ защитителю, эпархіи новогроденской архіепископу, смиреннѣйшему Егору Своевольскому отъ православныхъ парахвіянъ села Нерушъ-мене, пресвятой еленской церкви, премного грешныхъ рабовъ;

Слѣзное доношеніе:

Мы нижайшіи раби просимо и молбы дѣемо, услыши святій, пресвятій Владико просящихъ и молящихъ Тебѣ, припадающихъ и цѣлующихъ святѣйшіи ноги твои, просящихъ милосердія твоего.

Избави насъ отъ хищнаго волка, бѣсословлющаго латинника, недостойнаго пресвитерскаго сана.

Ібо яко волкъ овцы пожераетъ, а не яко пастиръ во едино стадо соберастъ, и яко левъ свирѣпствующій ищетъ кого поглотити, тако и сей нашъ по Божому допущенію, грѣхъ ради нашихъ випаціянъ. У вѣчной памяти бувъ Хома Боголюбскій, не воспрещавшій, но еще поучавшій такову паству. На всякомъ мѣстѣ владычества твоего благослови душе моя Господа!

Наумъ. А щожъ вы це написали?
Аже вы сами себе извязали.
Аже-жъ винъ не самъ се крутить,
То все ёго панъ сотникъ учить.
Демко. Та винъ-же ёго сюда и втоптавъ,
Бо за пёго свою годовашку виддавъ.
Терешко. Та вже-жъ, Демку, хоть грунты позбуваемъ,
А таки его съ попивства зипхаемъ.
Супрунъ. Ты гляди, Терешку, не дуже тупай,
Та старихъ людей послухай.
Бо въ ихъ багацько грошей и вони розумни люде,
То куда не пидуть, то ихъ правда буде.
Наумъ. Треба першъ сотника спахлювати,
То тоди будемо и на попа подавати.
Лаврынъ. Та вже жъ, Терешку, не сыпать противъ витру пискомъ,
А черезъ позовы будемо ходити пишкомъ.
Ходимъ лучше до Манайла горѣлки пити,
Чимъ маемъ, врагъ знае, що робити.
Стецько. Кликнить-же и дяка, нехай и винъ выпье чарку.
Супрунъ. Ходимъ зъ нами, пане-дяче, Марку!
Дякъ. Благодарю покорно за ваши привиты,
Бо йде паламарь до церкви звонити!

Библіографія.

Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.

«Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ» Новицкаго изслѣдователямъ этнографіи и исторіи Сибири было извѣстно въ рукописи съ тридцатыхъ годовъ. Въ истекшемъ году это описаніе было издано обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей Л. Н. Майкова. Изъ небольшаго предисловія Л. Н. Майкова видно, что свѣдѣній объ авторѣ «Краткаго описанія», Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ его сочиненія. Языкъ «Описанія», манера изложенія, а равно и фамилія автора несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ малороссіяниномъ, по всей вѣроятности, питомецъ кіево-могилянскаго коллегіума. Новицкій былъ по неизвѣстной причинѣ сосланъ въ Сибирь въ 1712 году. Въ бытность свою въ Сибири Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора кн. М. П. Гагарина и митрополита Филовея Лещинскаго; послѣдняго Новицкій сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ; эти поѣздки подали Новицкому поводъ къ сочиненію «Описанія» въ 1715 г. При преемникѣ Филовея митрополитѣ Антоніѣ Стаховскомъ Новицкій назначенъ былъ въ кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впослѣдствіи убитъ. Изъ «Описанія» видно, что авторъ его былъ человѣкъ весьма образованный и любознательный; онъ зналъ латинскій языкъ, читалъ римскихъ поэтовъ, самостоятельно ознакомился съ прошлыми судьбами сибирскаго края по лѣтописи Саввы Есипова. Несомнѣнно, Новицкій обладалъ свѣтлымъ умомъ и энергіей. Много малороссіянъ въ разное время было заброшено на дальній сѣверъ, гдѣ

пришлось имъ быть провозвѣстниками научнаго и литературнаго развитія краевой жизни, и среди нихъ Григорій Новицкій занимаетъ почетное мѣсто. Уважаемый редакторъ изданія даетъ «Краткому описанію» слѣдующую оцѣнку: «Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности преосв. Филоѳея даютъ «Краткому описанію» значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленные факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напримѣръ, Лафито и Шарлевца, съ «Описаніемъ Камчатки» Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это—первое по времени спеціальное сочиненіе. Да и вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ истровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были-бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса»

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковскій календарь и Памятная книжка на 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ, X, 674, 128, 41 стр. Цѣна 1 рубль.

Съ тѣхъ поръ, какъ харьковскій календарь сталъ издаваться подъ редакціей нынѣшняго секретаря статистическаго комитета, П. Е. Ефименка, онъ совершенно преобразился: изъ обыкновеннаго сборника справочныхъ свѣдѣній онъ обратился въ солидную книгу, заключающую множество интересныхъ данныхъ по харьковской губерніи. Редакторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу группировать въ своемъ изданіи всѣ данныя (преимущественно-же статистическія), на основаніи которыхъ можно начертать картину быта какъ города Харькова, такъ отчасти и всей харьковской губерніи. Въ этомъ и заключается на нашъ взглядъ задача статистическихъ комитетовъ. Никакой частный предприниматель не сможетъ дать такого календаря, какой даетъ харьковскій статистическій комитетъ, во первыхъ потому, что подъ руками у него не будетъ такихъ богатыхъ матеріаловъ, а во вторыхъ потому, что онъ не получитъ

барышей, а въ убытокъ себѣ благодѣтельствовать не пожелаетъ. Вѣдь продавать по 1-му рублю книгу, заключающую въ себѣ болѣе 53-хъ печатныхъ листовъ, врядъ-ли кто согласится.

По содержанію своему харьковскій календарь распадается на три отдѣла—справочный, статистическій и литературно-научный.

Уже и первый справочный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія (напримѣръ о количествѣ газетъ и журналовъ, выписываемыхъ въ Харьковѣ, о числѣ книгъ, напечатанныхъ въ харьковскихъ типографіяхъ); но ихъ гораздо больше во второмъ—статистическомъ отдѣлѣ; этотъ послѣдній представляетъ намъ дѣйствительное положеніе губерніи и города Харькова въ разныхъ отношеніяхъ—экономическомъ, хозяйственномъ и т. д.

Но мы не будемъ останавливаться даже и на этомъ отдѣлѣ, а обратимся непосредственно къ третьему, литературно-научному отдѣлу, болѣе интересному для читателей «Кіевской Старины».

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) «Статистическіе и описательные труды по харьковской губерніи», 2) «Отходъ крестьянъ изъ харьковской губерніи, 3) Нѣсколько данныхъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ харьковской губерніи, 4) Торговля г. Бѣлополья, 5) Замѣчательные уроженцы и дѣятели харьковской губерніи, 6) Архивы харьковской губерніи, 7) Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи, 8) Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ, 9) Выписка изъ фамильной записи Квитокъ и 10) Мандрованые дяки въ слободской Украйнѣ. Минуя первыя четыре статьи, остановимся только на шести послѣднихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской исторіи.

Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены краткія біографіи слѣдующихъ лицъ: малорусскихъ поэтовъ отца и сына Александровыхъ, извѣстнаго русскаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, Ковалевскихъ, пр. Чернявева, малороссійскаго поэта Л. И. Щоголева, малороссійскаго поэта Кореницкаго, извѣстнаго педагога бар. Корфа, пр. Осиповскаго, малороссійскаго поэта Писаревскаго и знаменитаго астронома Савича. Не зачѣмъ доказывать, какъ важно подводить итоги дѣятельности разныхъ лицъ, стяжавшихъ себѣ большую или меньшую извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности; достаточно сказать, что къ этому насъ побуждаетъ и нравственная обязанность, ибо это есть своего рода *jus tantum*. И мы въ значительной степени выполняемъ эти обязанности по отношенію къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ—ученымъ, писателямъ и т. п. Но заслуги болѣе скромныхъ, въ особенности провинціальныхъ тружениковъ, предаются забвенію. Ихъ-то именно поэтому и нужно заносить на страницы

провинціальныхъ изданій, чтобы ихъ знали по крайней мѣрѣ въ томъ краѣ, которому они посвящали свои силы и способности, и чтобы примѣръ ихъ ободрялъ другихъ. Это до нѣкоторой степени могло-бы содѣйствовать подъему энергіи и общественной самодѣятельности въ провинціи; съ другой стороны полученныя такимъ путемъ цифры могли бы разрѣшить намъ любопытный вопросъ—въ состояніи-ли процвѣтанія или оскудѣнія находится научная, литературная и общественная дѣятельность въ томъ или иномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Разсматривая съ этой точки зрѣнія біографіи уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи, невольно наталкиваешься на грустныя мысли. Болѣе выдающіяся лица сдѣлали для своего края гораздо менѣе, чѣмъ позволяли имъ ихъ таланты; иные не сдѣлали ничего. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются такія лица, которымъ удалось найти желанное равновѣсіе и которые одинаково дороги и для своего роднаго края и для всей Россіи.

Къ такимъ именно лицамъ нужно причислить Григорія Петровича Данилевскаго. Его «Украинская Старина» надолго останется настольною книгою для всякаго, интересующагося судьбами слободской Украйны нынѣшней харьковской губерніи. Но эта-же самая книга была цѣлымъ вкладомъ и въ общую русскую историческую литературу; не даромъ-же авторъ ея былъ награжденъ уваровской преміей отъ академіи наукъ! Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Григорій Петровичъ Данилевскій также затрогиваетъ темы, касающіяся исторіи, археологіи и этнографіи южной Россіи. Романы изъ жизни новороссійскаго края—«Бѣглые въ Новороссіи», «Бѣглые возвратились»—создали ему славу романиста.

Статья «Архивы харьковской губерніи» составлена на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны статистическимъ комитетомъ. Всякому занимающемуся и интересующемуся южно-русской исторіей извѣстенъ тотъ грустный фактъ, что исторія слободской Украйны почти совершенно не разработана. «Съ трудомъ вѣрится, говоритъ авторъ разбираемой нами статьи, «что этотъ интеллигентно ученый центръ (т. е. Харьковъ) за весь не малый періодъ своего существованія, почти ничего не сдѣлалъ для исторіи своего края, бывшей слободской Украйны, и что только теперь начинаются заботы о сохраненіи источниковъ для его исторіи, теперь, когда многое безвозвратно утрачено».

Нельзя не согласиться съ этимъ. Въ настоящее время въ Харьковѣ имѣется историческій архивъ (малороссійской коллегіи), перевезенный изъ Чернигова и заключающій въ себѣ богатые матеріалы для исторіи лѣвобережной Украйны, т. е. гетманщины въ XVIII и даже отчасти въ XVII вѣкѣ. Но документы бывшей слободской Украйны частью отсыла-

лись въ Москву въ архивъ министерства юстиціи, а частью были разбросаны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Недавно въ мѣстномъ историко-филологическомъ обществѣ было выражено желаніе по крайней мѣрѣ привести ихъ въ извѣстность для того, чтобы потомъ принять какія нибудь мѣры для сосредоточенія ихъ въ какомъ нибудь надежномъ хранилищѣ. По собраннымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніямъ оказалось, что сохранились доселѣ еще нѣкоторые любопытные документы, но исключительно только XVIII вѣка; среди нихъ на первомъ планѣ нужно поставить дѣла харьковской полковой канцеляріи, ахтырской полковой канцеляріи, переписную книгу харьковскаго полка, переписи лейбъ-гвардіи майора Хрущова 4-хъ слободскихъ полковъ, коммиссарскія вѣдомости и др. Въ настоящее время харьковское историко-филологическое общество обратилось съ ходатайствомъ къ подлежащимъ властямъ о передачѣ ему старыхъ дѣлъ, хранящихся при губернскомъ правленіи. Ходатайство это, нѣтъ сомнѣнія, будетъ уважено и тогда нынѣшній архивъ малороссійской коллегіи, хранящійся при историко-филологическомъ обществѣ, сдѣлается центральнымъ хранилищемъ матеріаловъ харьковской, черниговской и отчасти полтавской губерніи. Но харьковское историко-филологическое общество располагаетъ совершенно ничтожными средствами (сторублевой субсидіей и членскими взносами на такую-же сумму). Поэтому организовать и поставить прочно на ноги своего архива оно не можетъ. Остается единственная надежда на помощь правительства. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи историко-филологическаго общества мною была прочитана записка объ историческомъ архивѣ, принадлежащемъ обществу, гдѣ высказана мысль о необходимости болѣе прочной постановки архивнаго дѣла въ Харьковѣ; въ виду этого я предложилъ войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю харьковскаго учебнаго округа о передачѣ архива въ непосредственное распоряженіе университета, на подобіе нумизматическаго кабинета и музея изящныхъ искусствъ, и объ ассигнованіи ему извѣстной штатной суммы. Историко-филологическое общество единогласно рѣшило войти съ такимъ ходатайствомъ черезъ историко-филологическій и юридическій факультеты къ г. попечителю округа. Если это ходатайство увѣнчается успѣхомъ, то въ Харьковѣ, по всей вѣроятности, образуется и архивная коммиссія, которая съ энергіей и любовью отнесется къ своей задачѣ; тогда судьба документовъ, разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, будетъ вполнѣ обезпечена и явится возможность разрабатывать и мѣстную исторію, которая играла нѣкогда столь важную роль въ обще-русскихъ событіяхъ. Извѣстный архивистъ Ник. Вас. Калачовъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ мысли объ устройствѣ въ Харьковѣ истори-

ческаго архива и архивной коммиссіи; и это одно уже обстоятельство служитъ хорошимъ признакомъ.

Статья «Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи» принадлежитъ мнѣ и потому распространяться о ней я не буду. Состоитъ она изъ документа, представляющаго описаніе города въ 1686-мъ году, и предисловія къ нему.

Слѣдующая статья «Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ» является какъ-бы продолженіемъ предшествующей. Она основана исключительно на данныхъ, заключающихся въ переписной книгѣ харьковскаго полка, составленной лейбъ-гвардіи майоромъ Хрущовымъ въ 1732 г. и хранящейся въ мѣстной казенной палатѣ. Главную массу населенія въ то время составляли козаки и ихъ подпомощники; первыхъ было — 171 дворъ, 247 хатъ и 775 душъ (мужескаго пола); вторыхъ — 422 двора, 515 хатъ и 1,531 душа (мужескаго пола); громадное большинство ихъ были малороссіяне или, какъ ихъ тогда называли, черкасы; великороссіянъ, записанныхъ въ козацкую службу, было всего 13 дворовъ. Въ XVII ст. они составляли особый классъ служилыхъ людей и находились въ непосредственной зависимости отъ московскихъ воеводъ; но въ началѣ XVIII вѣка они стали записываться въ козацкую полковую службу и перешли вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдѣніе слободскихъ полковниковъ. Въ переписи харьковскаго полка 1722 года мы находимъ цѣлый рядъ грамотъ, дозволяющихъ такой переходъ отдѣльнымъ лицамъ. Другою видною группою населенія въ Харьковѣ были ремесленники; ихъ было 65 дворовъ, 190 хатъ и 492 души (мужескаго пола); среди ихъ встрѣчаются ткачи, шевцы, котляры, ковали, рымари, музыки, скляри, шаповалы, гончари, кравцы, кушнери, тесли, олейники, винники, солодовники, кацари. По если въ Харьковѣ цеховые составляли менѣе видную группу, чѣмъ козаки, то въ другихъ городахъ (Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ) козачество достигло еще большаго преобладанія. Очевидно, что въ слободской Украйнѣ города по составу своего населенія отличались такимъ-же характеромъ, какъ и въ гетманщинѣ, съ тою только разницею, что въ гетманщинѣ было нѣсколько городовъ, выдававшихся по своему торговому и промышленному значенію (въ родѣ, напримѣръ, Нѣжина или Стародуба), а въ слободской Украйнѣ такихъ городовъ не было ни одного. Наконецъ, третью и самую меньшую группу составляли разночинцы; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ грековъ, армянъ, поляковъ. Въ предмѣстьяхъ города на подворкахъ и въ хуторахъ жили *подданные* разныхъ владѣльцевъ; ихъ нужно отличать отъ крѣпостныхъ крестьянъ, приведенныхъ ихъ владѣльцами изъ разныхъ великороссійскихъ губерній. Всего въ Харьковѣ въ 1732 году считалось 950 дворовъ, 1280 хатъ и 3965 душъ (мужескаго пола); общее количество душъ обоего

пола правдоподобно простиралось до 7,435 душъ. На это число приходилось 5 церковно-приходскихъ школъ съ 19 учителями, одинъ коллегіумъ, 3 шпиталя и 25 шинковъ. Таковы интересныя свѣдѣнія о городѣ Харьковѣ, извлеченныя изъ переписной книги харьковскаго полка лейбъ-гвардіи майора Хрущова; такія-же свѣдѣнія имѣются относительно всѣхъ городовъ и селеній 4-хъ слободскихъ полковъ. Всѣ цифровыя данныя изъ этихъ книгъ извлечены мною и будутъ напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи слободской Украйны.

Слѣдующая статья «Выписка изъ фамильной записи Квитокъ» затрогиваетъ любопытный вопросъ о мемуарахъ, касавшихся южной Руси. Мы знаемъ, что въ слободской Украйнѣ велись записи представителями разныхъ дворянскихъ фамилій—Квитками, Тевяшовыми, Лесевицкими, Кондратьевыми и, можетъ быть, еще многими другими. Этотъ фактъ имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ, что мы видимъ въ гетманщинѣ, гдѣ въ теченіе XVII и XVIII в. появилось нѣсколько лѣтописцевъ, историковъ и мемуаристовъ (въ родѣ, напримѣръ, Самойла Зорки, Самуила Величка, Самовидца, Грабянки, Ханенка, Марковича и друг.). Къ несчастью даже тѣ произведенія, которыми пользовался преосвященный Филаретъ харьковскій, не дошли до насъ; не избѣжали общей участи и фамильныя записи Квитокъ, сохранилась только незначительная выписка изъ нихъ, напечатанная теперь въ харьковскомъ календарѣ. Если судить о содержаніи записей по тому отрывку, который теперь напечатанъ, то это скорѣе были *лѣтописныя замѣтки*, чѣмъ фамильные мемуары; но если даже большинство извѣстій тамъ относилось къ фамиліи Квитокъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ ихъ утратѣ, такъ какъ фамилія эта играла видную роль въ судьбахъ Слободской Украйны и ея исторія пролила-бы свѣтъ и на судьбы всей Слобожанщины. Въ приведенномъ отрывкѣ представляютъ значительный интересъ разсказы о моровой язвѣ въ харьковскомъ полку въ 1738 году и о нашествіи татарскихъ ордъ. Главное достоинство этихъ отрывочныхъ замѣтокъ заключается въ томъ, что онѣ писаны современниками и очевидцами событій; замѣтки одного члена фамиліи потомъ продолжались другими, такъ что получились записи на протяженіи почти цѣлаго столѣтія.

Наконецъ, послѣдняя историческая статья въ харьковскомъ календарѣ «Мандрованые дяки въ слободской Украйнѣ» передастъ намъ біографію одного дячка-учителя, переходившаго изъ одного селенія въ другое; мандрованными такіе дячки назывались потому, что постоянно перекочевывали съ одного мѣста на другое; вся жизнь ихъ проходила «въ мандривкахъ». Любопытный примѣръ такого мандрованнаго дячка представляетъ изъ себя и тотъ «безпаспортный» дячокъ и учитель,

Козьма Порадинъ, о скитальческой жизни котораго разсказывается въ документѣ, разысканномъ пр. А. С. Лебедевымъ и воспроизведенномъ на страницахъ харьковскаго календаря. Происхожденіе этого оригинальнаго явленія мѣстной жизни объясняется тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, которое имѣли на выборъ священника и причетниковъ прихожане; вотъ почему такихъ-же кочующихъ священниковъ и причетниковъ мы встрѣчаемъ въ древней новгородской области, а съ другой стороны въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; и тамъ и здѣсь отношенія прихожанъ къ священно и церковно-служителямъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ, который, конечно, могъ быть прекращенъ, если одна изъ сторонъ плохо исполняла свои обязанности. Нельзя также не поставить этого явленія въ связь съ тою свободою передвиженія, которою въ то время пользовались всѣ классы южно-русскаго общества, начиная отъ шляхты и оканчивая *подданными*, т. е. посполитыми крестьянами. Въ Слободской Украйнѣ въ частности постоянное передвиженіе населенія было еще болѣе господствующимъ явленіемъ, такъ какъ край засслялся исключительно пришлымъ людомъ, являвшимся сюда изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, а потомъ и у насъ, ремесленники переходили изъ одного города въ другой съ цѣлью усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ,—и лица, готовившія себя къ учительской или причетнической профессіи, посѣщали болѣе извѣстныхъ учителей и обучались у нихъ школьной премудрости, нотному пѣнію и т. п. Такимъ путемъ вырабатывалась страсть къ постояннымъ путешествіямъ, при чемъ вѣрнымъ пристанищемъ бывала школа, иногда церковный приходъ, а иногда и помѣщичій дворъ, гдѣ «мандривныкъ» получалъ кондицію. Нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ быта такихъ мандрованыхъ дячковъ, школьниковъ и учителей можно найти въ «Украинской Старинѣ» г. Даниловскаго и въ недавно вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіи М. И. Семевскаго «Слово и дѣло».

Таковы интересныя историческія статьи, помѣщенныя въ харьковскомъ календарѣ на 1885-й годъ. **Дм. Багалѣй.**

О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенкова. Спб. 1884 г.

«Основная задача предлагаемаго изслѣдованія, говоритъ авторъ,—опредѣлить время возникновенія первоначальной новгородской лѣтописи». Въ первой части этого труда приводятся мнѣнія по вопросу о возникно-

венія новгородской лѣтописи, уже существующія въ наукѣ. Въ этомъ перечнѣ авторъ упустилъ лишь мнѣніе, высказанное въ послѣднее время г. Голубинскимъ, который признаетъ всю Іоакимовскую лѣтопись за подлогъ [1]). Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго и вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Линниченка, что отношенія Татищева къ источникамъ, которыми онъ пользовался, не оставляютъ никакой возможности подозрѣвать его въ фальсификаціи [2]). Изъ приводимыхъ г. Сениговымъ мнѣній о первоначальной новгородской лѣтописи ясно видно, «что никто изъ нашихъ ученыхъ не сомнѣвался въ древности новгородскаго лѣтописанія, при чемъ одни изъ нихъ относятъ начало новгородской лѣтописи къ первой половинѣ XI в., а другіе полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св.»

Затѣмъ авторъ разбираемой статьи анализируетъ тѣ лѣтописныя извѣстія, которыя служатъ основаніемъ для мнѣнія о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св. Нельзя не согласиться съ г. Сениговымъ, что эти извѣстія не даютъ возможности признать этого мнѣнія. Подобныя записи, какъ о св. Ольгѣ, о мѣстѣ погребенія Олега, о построеніи Ладоги и Новгорода, объ избраніи перваго новгородскаго посадника Гостомысла и т. п., внесены въ лѣтопись изъ устъ народа, у котораго всѣ эти событія могли долго сохраняться въ памяти и переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ устной передачи, и прибавимъ, съ присоединеніемъ новыхъ подробностей, создаваемыхъ народной фантазіей. Противорѣчія въ хронологіи этихъ преданій съ хронологіей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» также доказываютъ, что всѣ эти записи нельзя считать современными самымъ событіямъ, въ нихъ описываемымъ. Если это такъ, заключаетъ авторъ, то нѣтъ основанія предполагать, существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра св.—Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ правъ, дѣлая подобный выводъ. Можно сказать, что *въ дошедшихъ до насъ спискахъ новгородскихъ лѣтописей* нѣтъ данныхъ, указывающихъ, что начало лѣтописанія въ Новгородѣ относится ко времени до Владиміра св., но, можетъ быть, существовали списки, которые содержали записи событій до принятія христіанства и притомъ записи, современныя самымъ событіямъ. Авторъ останавливается на этомъ вопросѣ. Еще Срезневскій, на основаніи утраты начала синодальнаго и академическаго списковъ новгородской лѣтописи, предполагалъ, что въ Новгородѣ существовала обширная лѣтопись о древ-

[1]) См. его Исторію Русской Церкви и Актъ московской дух. академіи, 1881 г.

[2]) Краледворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись. Въ Ж. М. Н. Пр.

нѣйшихъ событіяхъ, какъ и такъ называемая Несторова [1]), а недавно г. Яцимъ высказывалъ мысль, что въ начальныхъ тетрадяхъ синодальнаго списка утратился не какой-нибудь клочекъ кіевской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а самостоятельная новгородская начальная лѣтопись и вмѣстѣ съ нею значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Русн. Это предположеніе весьма правдоподобно. Г. Сениговъ старается доказать его несостоятельность на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Первый зародышъ лѣтописей заключается въ потребности сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Такими достопамятными событіями у всѣхъ народовъ считались событія политической жизни. Въ древнѣйшей жизни В. Новгорода не было такихъ событій, которыя-бы свидѣтельствовали о политическомъ ростѣ новгородской области, о расширеніи предѣловъ и т. д.; политической силы В. Новгородъ не имѣлъ и находился въ полной зависимости отъ князей кіевскихъ. Стало быть, въ В. Новгородѣ не могло зародиться лѣтописаніе въ первый періодъ его исторіи. Этотъ выводъ логически вѣренъ, но не вѣрны самыя посылки этого умозаключенія. По нашему мнѣнію, категорически ставить ихъ нельзя. Укажемъ на нѣкоторые факты, ослабляющіе категоричность этихъ выводовъ. Авторъ считаетъ В. Новгородъ слабымъ, находящимся въ полной зависимости, подчиненіи у кіевскихъ князей; онъ приводитъ мнѣніе С. М. Соловьева, что междоусобія въ русской землѣ дали силы этому вольному городу. Но подъ 970 г. лѣтопись разсказываетъ, что новгородцы пришли просить себѣ князя у Святослава, который отвѣчалъ: «абы кто къ вамъ шелъ;» Ярополкъ и Олегъ дѣйствительно отказались. Новгородцы говорятъ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ». Неужели этотъ фактъ указываетъ на слабость В. Новгорода? Напротивъ видно, что новгородцы не церемонились съ своими князьями и третировали ихъ и въ это время уже такъ, что князья боялись сидѣть у нихъ. Угроза—отыскать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ также могла быть сдѣлана только при сознаніи своей силы. Припомнимъ дальше, что въ 1014 г. Ярославъ отказался платить дань Кіеву. Очевидно, онъ разсчитывалъ на силы Новгорода въ борьбѣ, которая неминуемо должна была открыться съ кіевскимъ княземъ: Владиміръ св. уже приказалъ: «теребите путь и мосты мостите», приготовляясь идти на Новгородъ, и только смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе [2]). Если до второй четверти XII в. кіевскіе князья садили въ Новго-

[1]) Срезневскій, Чтеніе о лѣтописяхъ, 1862 г., стр. 16.

[2]) Ипатск. лѣт., стр. 89.

родѣ своихъ сыновей, то это еще нисколько не указываетъ на слабость этого города. Что и самъ Новгородъ сознавалъ свою силу, и князья признавали ее, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Между Святополкомъ кіевскимъ и Владиміромъ Мономахомъ заключенъ былъ договоръ, по которому В. Новгородъ долженъ былъ принадлежать Святополку, а Владиміръ Волынскій—Мономаху. Въ силу этого договора Святополкъ хотѣлъ отправить въ В. Новгородъ своего сына. Но новгородцы прислали въ Кіевъ пословъ, которые сказали Святополку: «се мы, княже, прислани къ тобѣ, и рекли намъ тако: «не хощемъ Святополка, ни сына его; аще-ли двѣ головѣ имѣетъ сынъ твой, то посли и». Святополкъ долго спорилъ съ ними, но новгородцы не уступили и взяли себѣ снова Мстислава, сына Мономаха [1]). Если-бы В. Новгородъ былъ слабъ, неужели-бы кіевскій князь такъ легко уступилъ постановленію его вѣча. Не въ половинѣ XIII в., не вслѣдствіе междоусобій на Руси возросла сила Новгорода, когда уже въ 1102 г. мы видимъ, что новгородцы грозятъ смертью князю, принять котораго не хотятъ. Сила В. Новгорода заключалась въ матеріальныхъ средствахъ. Что изъ Новгорода князья въ случаѣ опасности бѣгали за море для найма варяговъ (напр. Ярославъ),—это не показываетъ слабости его: средства на наемъ западныхъ дружинъ давали тѣ-же новгородцы. Кароагенъ былъ могучъ, но имѣлъ также наемныя войска и распускалъ ихъ по миновапіи надобности, но, повторяемъ, онъ былъ могучъ. Сила В. Новгорода заключалась въ его торговлѣ. Богатства были у Новгорода всегда, и, пока можно было нанимать въ Западной Европѣ войска, до тѣхъ поръ онъ могъ бороться со всякими притязаніями, и сила его сознавалась и уважалась современниками. Мы привели эти лѣтописныя извѣстія только потому, что авторъ разбираемой статьи не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Не станемъ приводить фактовъ, доказывающихъ древность торговли В. Новгорода: желающіе могутъ найти ихъ въ нашей лѣтописи, у Адама Бременскаго; они сгруппированы въ сочиненіяхъ гг. Костомарова, Аристова, Фортинскаго [2]). Въ трудѣ г. Григорьева о куфическихъ монетахъ находятся указанія, что онѣ были открываемы на шведскомъ материкѣ, и еще болѣе на островѣ Аландѣ и Готландѣ. Онѣ относятся къ промежутку времени VII—X в. [3]). Заходить на Балтійское побережье онѣ могли только чрезъ Русь, кото-

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 181—182.

[2]) Костомаровъ, Сѣверно-Русскія народоправства; Аристовъ, Промышленность древней Руси; Фортинскій, Ганзейскіе города.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, 1848 г., т. II; затѣмъ въ Сборникѣ «Россія и Азія».

рая была съ востокомъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Слѣдовательно съ огромною вѣроятностью можно относить торговлю Новгорода съ берегами Балтійскаго моря еще къ VII в.

И такъ въ силѣ В. Новгорода, намъ кажется, сомнѣваться нельзя. Соглашаясь съ г. Сениговымъ, что до оффиціальнаго введенія христіанства въ В. Новгородѣ не могло быть тамъ важныхъ событій церковнаго характера, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что во внутренней жизни этого города не было фактовъ, которые могли-бы быть записаны въ первоначальной новгородской лѣтописи. Если была обширная торговля, сношенія со всѣми берегами Балтійскаго моря, то смѣло можно предположить, что было много достопамятнаго для занесенія въ лѣтопись. Исторія Новгорода стояла въ тѣсной связи съ его торговыми сношеніями. Извѣстно, что прекращеніе торговли съ югомъ или низовыми городами служило сильнымъ орудіемъ у князей въ послѣдующій періодъ для ослабленія силы Новгорода и подчиненія его своей власти. Не станемъ приводить фактовъ. Если такова была зависимость политической жизни Новгорода отъ его торговли, то понятно, что всякій выдающійся фактъ ея, всякое событіе, способствовавшее развитію его торговыхъ сношеній или приносившее имъ вредъ, могло служить матеріаломъ для первоначальной лѣтописи.

Нисколько нельзя сомнѣваться въ томъ, что письменность существовала въ Кіевѣ до принятія христіанства; несомнѣнно существовала она и въ Новгородѣ, и, насколько мы поняли, самъ г. Сенигов не сомнѣвается въ этомъ. Кто могъ принадлежать къ числу грамотныхъ людей? Прежде всего, конечно, христіанское духовенство, существовавшее на Руси еще до Владиміра св. Въ договорѣ съ греками 944 г. читаемъ: «мы же свѣщаное все положихомъ *на двою харатью*, и единa харотья есть у царства нашего, на нейже есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и *гостье ваши*» [1]). Въ договорѣ 912 г. также говорится о двухъ хартіяхъ [2]). Не имѣло-бы никакого смысла оставлять одинъ экземпляръ договора на Руси, если-бы въ ней не было людей грамотныхъ. Договоры эти по преимуществу касаются торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, а стало быть и точное выполненіе заключающихся въ нихъ условій интересовало главнымъ образомъ купцовъ, которые подъ договорами и подписываются. Въ договорѣ 944 г. между прочимъ находимъ; «иже посылаемы бываютъ отъ нихъ послы и гостье, да приносятъ

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 32—33.
[2]) Ibidem., стр. 22.

грамоту, пишюще сице [1])»... Что купцы умѣли писать, это видно изъ сообщенія арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана, видѣвшаго ихъ на Волгѣ. По его разсказу, купцы поставили на курганѣ, насыпанномъ надъ пепломъ ихъ умершаго товарища, столбъ, на которомъ написали имя покойника и имя князя, при которомъ онъ умеръ [2]). Слѣды хронологіи до-христіанской, когда счетъ времени велся по годамъ правленія правившаго князя, мы находимъ и въ періодъ христіанскій, на первыхъ страницахъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ и въ похвалѣ Владиміру св. Іакова Мниха [3]). Если сохранялась такая хронологія, значитъ, она и употреблялась раньше, слѣдовательно существовали записи и въ языческій періодъ. Въ разсказахъ нашихъ лѣтописей, въ очень и очень многихъ мѣстахъ, видно, что писавшіе были лица не духовныя; тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно предположить это для времени языческаго. Первоначальная лѣтопись В. Новгорода могла вестись и въ языческій періодъ людьми мірскими; въ нее могли входить записи о фактахъ внутренней жизни В. Новгорода, о его торговыхъ предпріятіяхъ, о распространеніи его колоній. Что съ утвержденіемъ христіанства, особенно въ первое время, лѣтопись слѣдитъ, главнымъ образомъ, за фактами религіозной жизни и дѣйствіями князей, а на первыхъ страницахъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ почти нѣтъ извѣстій о внутренней жизни, это не можетъ служить доказательствомъ отсутствія подобныхъ записей и въ тотъ періодъ, когда лѣтопись велась лицомъ не духовнымъ. Итакъ, намъ кажется, что *дѣлать категорическій выводъ* объ отсутствіи лѣтописи въ В. Новгородѣ въ періодъ до утвержденія тамъ христіанства нельзя. Можно только сказать, что *имѣющіяся у насъ лѣтописныя данныя* не могутъ служить къ утвержденію мнѣнія о существованіи первоначальной новгородской лѣтописи до Владиміра св... Словомъ, лѣтописи, если основывать все дѣло на ихъ содержаніи, не говорятъ ни за, ни противъ. Но нѣкоторые факты, сообщаемые нашими древнѣйшими лѣтописями и другими источниками, скорѣе даютъ право предполагать существованіе въ В. Новгородѣ лѣтописныхъ записей и въ до-христіанскій періодъ.

П. Голубовскій.

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 30.

[2]) Разсказъ Ибнъ-Фоцлана у Френа въ Ibn-Foszlan's und andere Araber Berichte.

[3]) Ипатск. лѣт., стр. 10; Лавр. лѣт., стр. 17. Похвала въ послѣдній разъ напечатана у г. Голубинскаго въ Исторіи Русской церкви, т. I, стр. 2.

Писцовая книга пинскаго и клецкаго княжества, составленная Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552—1555 г. Изданіе виленской археографической коммиссіи. Вильна. 1884 г.

«Читали-ли вы писцовыя книги? А если вы ихъ не читали, то я съ вами и разговаривать не буду!» такъ рѣзко иногда обрывалъ покойный А. И. Щаповъ горячіе споры свои съ товарищами. Мы вспоминаемъ его слова не съ тѣмъ, конечно, чтобы отнести ихъ къ нашимъ благосклоннымъ читателямъ и самимъ отказаться отъ пріятной бесѣды, но съ тѣмъ, чтобы указать на то, какое важное значеніе этимъ книгамъ придается лучшими изслѣдователями въ наукѣ русской исторіи. Хотя наши историки давно уже обратили на нихъ должное вниманіе и время отъ времени подвергали ихъ разработкѣ, тѣмъ не менѣе этотъ родъ книгъ не только еще не весь изданъ, но и изданный далеко еще не весь изслѣдованъ. Въ особенности мало писцовыхъ книгъ издано для исторіи южной и западной Россіи. Въ этомъ отношеніи виленская археографическая коммиссія, надо отдать ей справедливость, сдѣлала больше другихъ. Благодаря ея неутомимости, мы имѣемъ:

1) Ревизію пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Григорія Воловича 1559 года. Вильна. 1867 г.

2) Ординацію королевскихъ пущъ въ лѣсничествахъ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго 1641 года. Вильна. 1877 г.

3) Писцовую книгу пинскаго староства Лаврина Войны. Часть I и II. Вильна. 1874 г.

4) Ревизію кобринской экономіи 1563 года. Вильна. 1876 г.

и 5) Писцовую книгу гродненской экономіи (XVI ст.). Вильна. 1881 г.

Каждая изъ названныхъ книгъ ждетъ еще до сихъ поръ своего изслѣдователя, такъ какъ обычныя предисловія кого либо изъ членовъ археографической коммиссіи знакомятъ только съ памятникомъ въ самыхъ общихъ чертахъ и далеко не исчерпываютъ всѣхъ заключающихся въ немъ данныхъ. Этими словами мы вовсе не хотимъ упрекнуть авторовъ «предисловій» за то, что они не обработали своего матеріала во всемъ его объемѣ или въ какой либо части его, съ большей полнотой, но имѣемъ въ виду указать лишь на ту «жатву многу», для которой «дѣлателей» у насъ мало, да и тѣ немногіе, которые есть, не всегда знаютъ, гдѣ ея искать, и напоминаютъ судьбу крестьянъ, пускающихся зря въ отхожіе промыслы. Что дѣйствительно «жатва» въ писцовыхъ книгахъ «многа», въ доказательство этого мы позволимъ себѣ напомнить кратко объ ихъ происхожденіи и содержаніи, конечно, не для тѣхъ почтенныхъ спеціалистовъ, которые могутъ еще и насъ поучить. Цѣль составленія

писцовыхъ книгъ была двоякая: съ одной стороны имѣлось въ виду укрѣпить права частныхъ лицъ на владѣніе въ опредѣленныхъ границахъ и извѣстнаго рода и качества поземельной собственностью, съ другой—доставить правительству свѣдѣнія: а) о всѣхъ земляхъ и угодьяхъ извѣстной области, б) о ея населеніи и в) о податяхъ и повинностяхъ его. Попытки привести въ извѣстность и исчислить имущество, съ котораго собиралась подать, дѣлались со времени основанія русскаго государства; опредѣленнѣе всего это выражено въ разсказѣ Нестора лѣтописца о княгинѣ Ольгѣ, которая, съ сыномъ своимъ и дружиной, ходила по землѣ древлянъ, «устанавляющи уставы и уроки»[1]). Въ первое время, за недостаткомъ письменности, все основывалось на памяти, и едва-ли князья прибѣгали къ тѣмъ «чрѣтамъ и рѣзамъ», которыми сначала славяне «чьтяху и гадаху». Въ удѣльно-вѣчевой періодъ дальнѣйшее развитіе писцовыхъ книгъ К. А. Неволинъ видитъ въ грамотѣ великаго князя Всеволода Юрьеву монастырю въ Новгородѣ, въ уставѣ новгородскаго князя Святослава о церковной дани (1137 г.) и въ уставныхъ грамотахъ (1150 г.), данныхъ смоленскимъ княземъ Ростиславомъ смоленской епископіи[2]). Потомъ дѣло описанія продолжали въ восточной Руси монголы, а въ западной литовскіе князья, а за ними и польскіе короли. Разъ начатое дѣло продолжалось и позже, становясь все болѣе необходимымъ, постепенно развиваясь и совершенствуясь. Дальнѣйшая судьба писцовыхъ книгъ въ Россіи изложена обстоятельно въ актовой рѣчи К. А. Неволина, читанной имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и помѣщенной въ томъ же томѣ «Полнаго Собранія его сочиненій» подъ заглавіемъ: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до императрицы Екатерины II» (стр. 431—517). Къ тому времени, къ которому относится писцовая книга пинскаго и клецкаго княжествъ, оно велось уже весьма обстоятельно. Въ этихъ книгахъ мы находимъ богатый матеріалъ для исторической географіи: указанія на характеръ мѣстности, перечисленіе рѣкъ, рѣчекъ, болотъ, озеръ, лѣсовъ и проч., описаніе путей сообщенія, свѣдѣнія объ административномъ дѣленіи страны, топографіи городовъ и селъ, съ опредѣленіемъ занимаемаго ими пространства, количествомъ улицъ, общественныхъ зданій, частныхъ домовъ, съ опредѣленіемъ величины усадьбъ, перечнемъ домохозяевъ, ихъ семей и съ указаніемъ на занятія жителей; въ селахъ описывалось, кромѣ вели-

[1]) Лавр. лѣт., т. I, стр. 25. Полагаютъ, что описаніе земель заимствовано изъ Греціи, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Мы думаемъ, что потребность въ такихъ описаніяхъ возникла еще до принятія христіанства, какъ доказываетъ примѣръ кн. Ольги (Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина. Спб. 1859, т. VI, стр. 446).

[2]) При этомъ Неволинъ предлагаетъ гипотезу о заимствованіи обычая.

чины крестьянскихъ надѣловъ, качество и количество обрабатываемой земли, размѣръ и все разнообразіе крестьянскихъ платежей и натуральныхъ повинностей и проч. Какъ видите, Щаповъ отчасти правъ былъ, пожалуй, упрекая изслѣдователей въ томъ, что они обходятъ этотъ главный матеріалъ для выводовъ и заключеній при рѣшеніи вопросовъ о судьбахъ общества и государства. Историческая географія, политическая экономія и статистика должны быть и будутъ, въ числѣ другихъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, краеугольными камнями, на которыхъ только, съ увѣренностью въ прочность, и можно будетъ построить законы развитія общества. Кто-же послѣ этого не пожелаетъ, чтобы изданіе и разработка такого рода данныхъ нашли себѣ побольше преданныхъ работниковъ? Кто-же послѣ этого не порадуется, вмѣстѣ съ нами, выходу въ свѣтъ новой писцовой книги, заглавіе которой мы привели выше и къ обозрѣнію которой мы и приступимъ теперь?

Названіе «писцовая книга» усвоено только описаніямъ земель, производившимся въ восточной половинѣ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, а разсматриваемый матеріалъ получилъ его впервые отъ своихъ издателей; въ дѣйствительности-же заглавіе книги таково: «Regestr pomierzania ziem na włoki powiatow y theze kxiestwa Pynskiego, Klieczkiego» ect.[1]). Это уволочное измѣреніе начато было весной 1552 года, а окончилось также весной въ 1555 году. Приказъ объ измѣреніи былъ данъ королевой Боной пинскому и клецкому старостѣ Станиславу Хвальчевскому, который, въ свою очередь, поручилъ исполненіе этого дѣла дворянину Яну Горецкому и землемѣрамъ Яну Дубовскому и Богушу Михновичу. Измѣреніе было произведено въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ[2]), которыя, принадлежа сначала князьямъ Ярославичамъ, Ивану и его сыну Ѳеодору, перешли потомъ по наслѣдству къ королю Сигизмунду I, отдавшему ихъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ королевѣ Бонѣ. Одной изъ главныхъ задачъ при назначеніи измѣренія земель было округленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ посредствомъ размежеванія ихъ съ сосѣдними землевладѣльцами, при чемъ интересы частныхъ лицъ, если они сталкивались съ интересами королевскихъ крестьянъ, всегда приносились въ жертву послѣднимъ. Издаваемому «регистру» предшествуетъ обычное предисловіе, авторомъ котораго на

---

[1]) Вообще подобныя описанія въ западномъ краѣ носятъ названіе: люстрацій, ревизій, тарифовъ, инвентарей и проч.

[2]) Г. Пинскъ, уѣздный городъ, и м. Клецкъ, слуцкаго уѣзда, оба въ минской губерніи, были въ XVI и слѣд. вѣкахъ повѣтовыми городами брестъ-литовскаго воеводства, граничившаго на югѣ съ кіевскимъ и волынскимъ воеводствами.

сей разъ является г. Спитко. Въ своей статьѣ онъ касается всего по немножку: и экономическаго положенія крестьянъ въ королевскихъ имѣніяхъ, и администраціи сихъ послѣднихъ, и состава населенія по профессіямъ, и количества земли въ волокахъ подъ землями разнаго назначенія, и количества населенія, съ выдѣленіемъ въ главныхъ городахъ евреевъ, и описанія городовъ и мѣстечекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на состояніе православія, количество церквей и монастырей и надѣлы духовенства. Правду сказать, статья читается легко и не безъ удовольствія, хотя пониманіе ея затрудняется постояннымъ употребленіемъ древнихъ мѣръ: земельной и денежной, безъ перевода ихъ на современныя [1]); самый главный отдѣлъ статьи — объ экономическомъ положеніи крестьянъ — изложенъ нѣсколько неясно, и чтобы ориентироваться въ немъ, приходится прочитывать одно и то-же два, три раза. Но такъ какъ этотъ отдѣлъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе интересный, то мы извлечемъ изъ него общіе выводы и сопоставимъ ихъ съ имѣющимися у насъ данными о положеніи крестьянъ въ юго-западномъ краѣ. Оказывается, что повинности, наложенныя на крестьянъ пинскаго и клецкаго княжествъ королевой Боной, были ниже повинностей, въ общей сложности, ложившихся на крестьянъ по «уставѣ на волоки» короля Сигизмунда-Августа (приблизительно, будто-бы, для тяглыхъ на 65 коп., и для осадныхъ на 1 руб. 43 коп., по современному счету). Въ имѣніяхъ-же частныхъ владѣльцевъ крестьянскія повинности были гораздо разнообразнѣе и вообще обременительнѣе, нежели въ королевскихъ. Сравнивая теперь брестъ-литовскихъ крестьянъ съ сосѣдними волынскими того-же времени, находимъ, что положеніе однихъ ничуть не было лучше положенія другихъ. Какъ брестъ-литовскіе, такъ и волынскіе крестьяне въ королевскихъ имѣніяхъ должны были работать въ году отъ 108 до 128 дней или, переплачая натуральныя повинности на денежныя, платить около 10 рублей, тогда какъ въ имѣніяхъ частныхъ лицъ число рабочихъ дней въ году возвышалось отъ 190 до 290, что, въ переводѣ на деньги, равнялось 15 – 20 рублямъ. Мы не говоримъ о кіевскомъ воеводствѣ, особенно южной половинѣ его, гдѣ постоянно

[1]) Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что уволока равна 19 десятинамъ съ половиной (почти), а жеребей равняется уволокѣ; причемъ переводъ уволоки заимствуется изъ «Словаря древняго актоваго языка» г. Горбачевскаго, безъ указанія источника, а при переводѣ жеребья дѣлается ссылка на сочиненіе г. Ярошевича: «Obraz Litwy», тогда какъ гораздо лучше и проще было-бы ссылаться на наши русскіе законы («Законы гражданскіе и межевые», часть 2-я, статья 500—502), гдѣ прямо сказано, что уволока равна 19 десятинамъ, 2010 квадратнымъ саж.; шнуръ — 23 саж.; служба — 190 десятинамъ и 900 квадратнымъ саженямъ; сѣнные покосы — 100 копнамъ или 10 десятинамъ; моргъ — 1452 квадратнымъ саженямъ, а жеребей — 20 десятинамъ.

крестьянскія повинности и платежи были не высоки, вслѣдствіе близости Запорожья и частыхъ побѣговъ туда крестьянъ, искавшихъ приволья и независимости. Къ концу XVIII столѣтія число рабочихъ дней на Волыни увеличилось до 320; въ пинскомъ и клецкомъ повѣтахъ, само собою разумѣется, оно должно было быть не меньше, если еще не больше. Окраины-же кіевскаго и подольскаго воеводства и въ это время находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Характеръ землевладѣнія былъ подворный, хотя есть указаніе и на общинный; напримѣръ: въ селѣ Матвѣевичахъ, послѣ исчисленія крестьянскихъ надѣловъ (средній надѣлъ въ обоихъ княжествахъ равняется 20 десятинамъ или одной уволокѣ), говорится, что крестьяне «przyely *wszystkym szyolem* na czynszu w thym ze obrubye szochu nye rozganianych wlok 3 (60 десятинъ) grunthu szrednyego». Подобныя-же указанія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ книги. Пожертвованіе крестьянами земли въ пользу церквей («мужицкое наданье», фундушъ) въ свою очередь служитъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ общиннаго землевладѣнія.

О католическихъ церквяхъ и монастыряхъ, равно какъ и объ ихъ служителяхъ упоминается рѣдко, вслѣдствіе того, конечно, что католицизму въ это время далеко не принадлежала здѣсь преобладающая роль и всюду, напротивъ, господствовало православіе, хотя польская колонизація края уже даетъ себя чувствовать и сказывается въ языкѣ.

Евреи въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ составляли самый незначительный процентъ (въ городахъ около 4%). Изъ 28 домохозяевъ въ Пинскѣ, напримѣръ, только два занимались земледѣліемъ, остальные довольствовались усадьбами и огородами въ городѣ и принадлежали, по мнѣнію г. Снитко, къ торговцамъ; въ селахъ-же, какъ видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ, евреи чаще всего отдавались земледѣлію (стр. 75 и 76).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой богатой новыми и при томъ, что особенно важно, точными данными.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы въ будущемъ изданіе всякаго рода люстрацій, ревизій, тарифовъ и другихъ книгъ со статистическимъ матеріаломъ приняло болѣе широкіе размѣры, ибо только цифры могутъ дать незыблемое основаніе историческому знанію. Старая, правда, это истина, но она долго еще будетъ нова.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ СТАТЬѢ Г. ВЕРХИНА „О ПОСОЛЬСТВАХЪ ВЛАДИМІРА СВ. ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ“ [1]).

Нельзя сказать, чтобы исторія нашего древняго періода изобиловала источниками, а поэтому всякое новое извѣстіе, дополняющее наши свѣдѣнія, встрѣчается съ большимъ интересомъ. Извѣстіе Іегуды о посольствѣ Владиміра св. въ Хозарію для испытанія вѣры іудейской несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія, но признать его достовѣрность можно только послѣ тщательнаго критическаго изслѣдованія. Главнымъ образомъ вопросъ о подлинности самого этого документа можетъ быть рѣшенъ только оріенталистами. Въ настоящей нашей замѣткѣ мы хотимъ сказать лишь нѣсколько словъ о легендѣ лѣтописной, которую подвергаетъ разбору и г. Берхинъ.

Г. Гаркави въ своемъ разборѣ извѣстія Іегуды указываетъ весьма справедливо, что въ Кіевѣ были евреи при Владимірѣ св. и что поэтому испытать іудейскую вѣру можно было, и не посылая въ Хозарію. Г. Берхинъ, возражая г. Гаркави, говоритъ, «что это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора». Онъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстныхъ доказательствъ о существованіи въ Кіевѣ христіанъ и до Владиміра св. и при немъ и въ заключеніе спрашиваетъ: «для чего Владиміръ св. отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ

[1]) «Кіевская Старина» 1884 г. Декабрь.

увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?» Совершенно вѣрно. Если было безъ всякой нужды отправлено посольство въ Грецію, то могло быть послано и въ Хозарію. Но тутъ произошло недоразумѣніе. Г. Берхинъ ошибочно предполагаетъ, будто наукой признается фактъ отправки посольства въ Грецію: онъ отрицается, какъ и фактъ посольства въ Болгарію. Посольства были не нужны, потому что представители христіанства, мусульманства и іудейства были тогда въ Кіевѣ, какъ въ важномъ торговомъ центрѣ. Тутъ путями греческимъ, залознымъ и соленымъ сходились купцы изъ Греціи, Хозаріи и культурнаго арабскаго юга. Фактъ посольства въ Грецію не подтверждается при томъ извѣстіями иностранныхъ писателей. Византійскіе хроникеры разсказываютъ о крещеніи св. Владиміра, о женитьбѣ его на Аннѣ, но ничего не упоминаютъ о посольствѣ для испытанія вѣры. Нужно замѣтить, что византійцы были народъ весьма самолюбивый. Они могли умолчать о завоеваніи руссами Корсуня (Херсонеса), но не преминули-бы разсказать о подавляющемъ впечатлѣніи, произведенномъ на руссовъ пышностью и торжественностью ихъ богослуженія. Кедринъ и другіе не преминули-бы разукрасить это событіе, какъ льстившее ихъ національной гордости. Писатель западный, Дитмаръ Мерзебургскій, также знаетъ о крещеніи св. Владиміра и его женитьбѣ на Аннѣ, которую смѣшиваетъ съ Еленой, но ему ничего неизвѣстно о посольствѣ для испытанія вѣры. Говорятъ объ этомъ событіи и восточные писатели, Ибнъ-эль-Атиръ и Яхія антіохійскій. Они раскрываютъ намъ дѣйствительную причину фактовъ. Императоры Василій и Константинъ просили у Владиміра помощи, обѣщая выдать за него свою сестру. Крещеніе совершилось, и съ обѣихъ сторонъ было исполнено условіе [1]). Таково извѣстіе Ибнъ-эль-Атира, заслуживающаго полнаго нашего довѣрія по своей добросовѣстности и обширнымъ свѣдѣніямъ [2]). Оказывается, что внутреннія неурядицы въ самой Византіи дали толчекъ къ женитьбѣ Владиміра св. на Аннѣ. Стало быть,

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucases, pag. 240.

[2]) О немъ см. «Записки академіи наукъ», по I и III отд. 1854 г., т. II, а также Defrémerey. Fragments des géographes et d'historiens... О Ибнъ-Яхіи антіохійскомъ см. статью г. Флоринскаго въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ: «Новыя книги по южно-славянской исторіи».

извѣстіе лѣтописи о посольствахъ для испытанія вѣръ не можетъ быть признано историческн достовѣрнымъ. Такимъ образомъ, фактъ посольства въ Хозарію отрицается не вслѣдствіе умолчанія о немъ лѣтописи, а вслѣдствіе непризнанія достовѣрнымъ *всего* разсказа лѣтописи о всѣхъ посольствахъ для испытанія вѣръ.

Г. Верхинъ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе, что разсказъ о крещеніи Руси былъ написанъ послѣ взятія Іерусалима крестоносцами. Это по нашему мнѣнію вполнѣ вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, не могли-же іудейскіе проповѣдники говорить: «и предана бысть земля наша христіанамъ»[1]), пока крестоносцы не основали іерусалимскаго королевства. Слѣдовательно весь разсказъ о принятіи Владиміромъ св. христіанства явился въ послѣдней своей редакціи послѣ 1099 г. Источниками этого разсказа признаются: Палея, житія Владиміра св. Іакова Мниха, исповѣданіе вѣры Михаила Синкела [2]), но несомнѣнно также сюда вошли и народныя преданія, а можетъ быть и мѣстныя русскія литературныя произведенія, существовавшія до составленія лѣтописнаго свода Сильвестромъ. «Се-же не свѣдуще право, глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ, инии-же рѣша въ Василевѣ, друзии-же рѣша, ино сказующе», говоритъ Сильвестръ [3]). Итакъ Владиміръ св. крестился въ Корсунѣ, въ Кіевѣ, въ Василевѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Существовало значитъ нѣсколько преданій, привязанныхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ; можетъ быть, каждое изъ нихъ существовало въ формѣ литературнаго произведенія. Но несомнѣнно, что народныя преданія, съ характеромъ своего особеннаго творчества, послужили въ сильной степени для послѣдняго редактора: живость и юморъ— вотъ двѣ характеристическія черты всего разсказа о крещеніи Руси. Народная память разукрасила фактъ, расширила его несуществовавшими подробностями. Выкиньте исповѣданіе вѣры, поученіе о вѣрѣ греческаго философа, что все есть несомнѣнная вставка; оставьте только діалогъ Владиміра св. съ этимъ философомъ въ видѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, и тогда весь разсказъ о приходѣ проповѣдниковъ и о докладѣ возвратившихся пословъ приметъ харак-

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 57.

[2]) См. работы: Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Костомарова и др.

[3]) Ипатск. лѣт., стр. 76.

теръ народной пьесы, въ родѣ вертепнаго представленія объ Иродѣ. Южно-русскій народный юморъ, который былъ таковъ-же прежде, какъ и теперь, вывелъ на сцену своихъ сосѣдей и заставилъ ихъ предстать въ комическомъ видѣ, не упустивъ случая посмѣяться надъ врагомъ и недругомъ. Составитель лѣтописи сгладилъ нѣсколько этотъ колоритъ народнаго творчества, внесъ поученіе и исповѣданіе вѣры, а также то извѣстіе обо всѣхъ этихъ событіяхъ, которое существовало, можетъ быть, въ какомъ-нибудь письменномъ документѣ. Интересно, что разсказъ Ибнъ-эль-Атира въ одномъ мѣстѣ вполнѣ согласенъ съ лѣтописнымъ. Хозарское владычество заставило тѣсно сблизиться Русь съ Хозаріей. Припомнимъ, что титулъ «каганъ», придаваемый митрополитомъ Иларіономъ русскому князю, есть наслѣдіе хозарское. Въ южной Руси до сихъ поръ сохранились названія: Козаровка, Козари, Козарчи, что ясно указываетъ на пребываніе козаръ среди туземнаго населенія. Тѣмъ болѣе они должны были существовать въ Кіевѣ.

Остановимся еще на одномъ соображеніи г. Берхина. Предположеніе, что лѣтописецъ или составитель духовнаго званія выпустилъ извѣстіе о посольствѣ къ хозарамъ по своей враждѣ къ іудейству и евреямъ, не имѣетъ твердаго основанія. Наша лѣтопись отличается вообще большою религіозною и національною терпимостью. Лѣтописцы наши готовы были представить всѣхъ иностранцевъ, не только евреевъ, въ смѣшномъ видѣ, разсказать ужасныя вещи про ихъ нравы и обычаи, но нѣтъ у нихъ нигдѣ при этомъ и тѣни враждебности. Что-же касается евреевъ, то въ разсказѣ о крещеніи Руси лѣтопись не только не относится къ нимъ враждебно, но даже какъ-бы старается обходить ихъ, не позволяетъ въ отношеніи ихъ ни одной насмѣшки, никакого преувеличенія. Прочтите, что разсказывается въ этой повѣсти о католикахъ, а особенно о магометанахъ. Ничего подобнаго лѣтопись не допускаетъ, говоря объ евреяхъ.

Извѣстіе Іегуды само по себѣ можетъ быть не поддѣлано, потому что и въ древности, и въ средніе вѣка не было цѣли этой поддѣлки, но нужно доказать, что дѣйствительно существовалъ съ давнихъ поръ (съ древности) этотъ документъ, эта бумажка или пергаментъ съ надписью, что эта бумажка съ этою надписью не есть плодъ поддѣлки ни собирателя коллекціи рукописей, ни болѣе

ранняго владѣтеля, знакомыхъ, по всей вѣроятности, съ русской исторіей. Словомъ, повѣрить можно тогда, когда вполнѣ ясно будетъ представлена исторія рукописи, при чемъ ни малѣйшаго вниманія не должно быть обращено на сообщенія собирателя коллекціи. Исторія рукописи, ея переходы изъ рукъ въ руки, должны быть прослѣжены какъ можно тщательнѣе. Когда оріенталисты разскажутъ намъ эту исторію, укажутъ, подлинникъ-ли это или копія, и если копія, ясно обнаружатъ, что оригиналъ существовалъ или существуетъ и гдѣ именно, только тогда извѣстіе Іегуды можно будетъ принять, какъ доказательство вѣрности во всѣхъ подробностяхъ лѣтописнаго разсказа о посольствахъ къ Владиміру св.

П. Голубовскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НАХОДКИ ВЪ ГОМЕЛЬСКОМЪ УѢЗДѢ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Года два назадъ, когда я уѣзжалъ въ Гомель, Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ не преминулъ, по обыкновенію, попросить и меня поискать на мѣстѣ моего жительства археологическихъ памятниковъ.

Мнѣ дѣйствительно удалось кое-что если не найти, то разузнать, и какъ гомельскій уѣздъ принадлежитъ къ мѣстностямъ, наименѣе изслѣдованнымъ въ археологическомъ отношеніи, то полагаю, что сообщаемыя теперь мною свѣдѣнія не будутъ лишними для нашихъ археологовъ.

Свѣдѣнія, которыя хочу здѣсь передать, получены мною, главнымъ образомъ благодаря М. М. Филонову. Состоя болѣе двадцати лѣтъ землемѣромъ въ имѣніи князя Паскевича, онъ собралъ, согласно желанію князя, значительную коллекцію древностей, которая и хранится въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Найбольшее число предметовъ найдено на берегу озера, которое на картѣ генеральнаго штаба обозначено надписью: «оз. Козарино», а по мѣстному «озеро Козара». Находится оно на лѣвомъ берегу р. Сожа (съ которымъ сливается во время весенняго разлива) верстахъ въ 40 отъ устья рѣки, противъ села Новые Дят-

ловичи, расположеннаго на противуположномъ берегу рѣки. Озеро имѣетъ форму буквы С, написанной обратно—отверстіемъ къ рѣкѣ.

Исторія произведенной здѣсь раскопки очень своеобразна.

Однажды г. Филоновъ работалъ надъ измѣреніемъ земли возлѣ озера и замѣтилъ, что весь восточный берегъ его усѣянъ небольшими курганами, разбросанными безъ всякой системы на значительномъ пространствѣ. У него явилось желаніе ознакомиться съ содержаніемъ кургановъ, но не имѣя свободнаго времени, по причинѣ спѣшной работы въ другой мѣстности, онъ обратился къ одному изъ крестьянъ сосѣдней деревни съ такимъ предложеніемъ: если онъ раскопаетъ указанный ему курганъ и найдетъ какую-нибудь вещь, глиняную, каменную или металлическую, то получитъ за нее рубль, хотя-бы эта вещь была негодна ни для какого употребленія. Черезъ нѣкоторое время крестьянинъ явился къ г. Филонову: «Пожалуйте, баринъ, рубль!» — «За что?» — «А вотъ за это!» и крестьянинъ подалъ мѣдный браслетъ, найденный имъ на ногѣ скелета въ курганѣ. Черезъ нѣкоторое время опять явился тотъ-же крестьянинъ: «Пожалуйте, баринъ, и другой рубль вотъ за эту штуку». На этотъ разъ онъ принесъ еще браслетъ, снятый съ руки того-же скелета.

Г. Филоновъ сообщилъ князю о козарскихъ курганахъ и о найденныхъ тамъ браслетахъ. Князь поручилъ ему распорядиться относительно раскопки этихъ кургановъ, при чемъ и самъ пожелалъ присутствовать на мѣстѣ раскопки, когда все уже будетъ готово. Г. Филоновъ послалъ рабочихъ къ оз. Козара и приказалъ имъ снимать верхи кургановъ, пока не наткнутся на скелетъ или на какой-либо предметъ, а если ничего не найдутъ, то копать до цѣлины. Когда такимъ образомъ было препарировано около двадцати кургановъ, пріѣхалъ г. Филоновъ и затѣмъ князь съ семействомъ. Изъ кургановъ выбрали всѣ предметы, которые признаны были достойными вниманія, и пріобщили ихъ къ археологической коллекціи въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Г. Филоновъ доставилъ мнѣ возможность ознакомиться съ этой коллекціей; съ помощью горнаго инженера М. П. Мельникова составлено мною слѣдующее описаніе археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ.

Прежде всего предметы, найденные во время описанной выше раскопки козарскихъ кургановъ:

Два глиняныхъ кувшина, въ 4 и 8 д. высоты, по формѣ похожи на нынѣшніе молочные кувшины. У каждаго по 2 ушка съ дырочкой. Снаружи—орнаментъ въ видѣ зигзагообразной линіи.

Бѣлый глиняный горшечекъ, около 5 д. высоты. Снаружи—орнаментъ изъ зигзагообразной линіи въ три пояса.

Глиняная «мысочка», величиною въ обыкновенную тарелку; по формѣ похожая на теперешнія.

Каменный топоръ изъ мелкозернистаго гранита, около 5 д. высоты. Неполированъ, очень грубой работы. Найденъ на ребрахъ скелета.

Ожерелье изъ семи продолговатыхъ зеренъ, около полудюйма длиною—пять сердоликовыхъ и два янтарныхъ. Зерна различной формы—цилиндрическія, призматическія и проч. Всѣ отшлифованы и хорошо полированы. Попали-ль эти зерна на одну нитку случайно, или-же потому, что найдены были въ одномъ курганѣ—свѣдѣній не имѣется; это замѣчаніе относится и къ остальнымъ ожерельямъ: на предметахъ коллекціи имѣется одна лишь надпись—въ какой мѣстности предметы найдены.

Ожерелье изъ нѣсколькихъ десятковъ одинаковыхъ зеренъ синеватаго цвѣта, лишь немного больше зеренъ проса.

Ожерелье изъ 30-ти зеренъ длиною отъ $^1/_8$ до $^1/_4$ дюйма; преимущественно стекляныя, нѣкоторыя—будто фарфоровыя. Формы самой разнообразной. Нѣсколько штукъ, изъ числа имѣющихъ цилиндрическую форму, позолочены снаружи; остальныя по цвѣту бѣлыя, синія, желтоватыя и черныя.

Два браслета красной мѣди, сдѣланные изъ проволоки.

Семь мѣдныхъ колецъ для пальцевъ. Два изъ нихъ плоской формы, широкія, съ орнаментомъ въ видѣ какихъ-то фигурокъ.

16 серебряныхъ ушныхъ колецъ, серегъ.

8 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава. Состоятъ изъ пластинокъ, причудливо по краямъ обрѣзанныхъ,—такъ что можно принять ихъ, при пылкомъ воображеніи, за намекъ на изображенія животныхъ. Формы различной.

7 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава,—замѣчательно изящной формы. Сдѣланы изъ тончайшей проволоки (филигреневыя) и имѣютъ видъ ажурныхъ бубенчиковъ.

Изъ козарскихъ кургановъ только три желѣзныхъ предмета попали въ коллекцію: что-то въ родѣ клинка кинжала, гвоздь въ 3 д. длиною и обыкновенное огниво.

Къ великому сожалѣнію, во время раскопки на берегу озера Козара никто никакого журнала не велъ, и потому не осталось никакихъ по этому предмету свѣдѣній. Воспоминанія г. Филонова, за давностію времени, стушевались относительно подробностей. Однако-жъ онъ съ увѣренностью утверждаетъ, что во 1-хъ, чуть-ли не въ каждомъ курганѣ попадались человѣческія кости (одинъ скелетъ головы попалъ и въ коллекцію, а вещи найдены лишь въ нѣсколькихъ изъ числа раскопанныхъ кургановъ, и во 2-хъ, что кости и вещи лежали на уровнѣ земли, т. е. что при погребеніи покойниковъ не дѣлали углубленій въ почвѣ—могилъ не копали.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ, найденныхъ возлѣ озера Козара, въ коллекціи князя Паскевича есть еще слѣдующіе предметы, найденные въ другихъ мѣстахъ гомельскаго уѣзда.

Нѣсколько глиняныхъ черепковъ, вѣроятно изъ большой урны, съ острымъ коническимъ дномъ,—самой первобытной грубой работы. Черепки около дюйма толщины, снаружи красно-желтые, а съ внутренней стороны—черные. На нѣкоторыхъ простой орнаментъ. Найдены возлѣ села Осовцы, въ 6-ти верстахъ на ю.-з. отъ Гомеля.

Обручъ изъ сплава въ родѣ бронцы, $^{3}/_{4}$ арш. длиною. Состоитъ изъ четырехъ нитокъ проволоки, сплетенныхъ въ видѣ обыкновенной веревки. Концы застегиваются, обвивая другъ друга, подобно концамъ обруча на бочепкѣ. Найденъ на шеѣ скелета въ курганѣ возлѣ м. Добруша, на рѣкѣ Ипути, въ 30 верстахъ отъ Гомеля.

Два каменныхъ топора, съ сквозными отверстіями, найденные крестьянами въ полѣ, при раскопкѣ нови, — одинъ возлѣ деревни Вылевъ (7 верстъ отъ Гомеля, на сѣверо-западъ), а другой возлѣ села Волковичи, на рѣкѣ Ипути, выше Добруша. Послѣдній изъ нихъ ($5^{1}/_{4}$ д. длины) изъ зеленоватаго порфира; онъ представляетъ рѣдкій и поразительный примѣръ красоты и изящества, какъ по формѣ, такъ и по чистотѣ отдѣлки; украшенъ кольцевымъ валикомъ вокругъ отверстія. Не имѣетъ ни малѣйшей царапинки и вообще такъ хорошо сохранился, будто только что вышелъ изъ рукъ художника-мастера. Можно полагать, что этотъ топоръ предназначался не для

обыкновеннаго практическаго употребленія, а служилъ аттрибутомъ какого-либо сана или священнодѣйствія.

Слѣдуетъ еще упомянуть о костяхъ мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ, которыхъ достаточное количество собрано въ коллекціи князя Паскевича. Г. Филоновъ сообщилъ, что подобныя кости ежегодно обнажаются весною на берегахъ Сожа, верстъ 15 ниже Гомеля, возлѣ селъ Бобовичи и Терешковичи.

Полагаю, что нашимъ археологамъ пригодятся и свѣдѣнія, собранныя мною относительно мѣстонахожденія въ гомельскомъ уѣздѣ кургановъ и городковъ.

Курганы находятся возлѣ селъ: Абрамовки, Жгуня, Студеной Гуты, Осовецъ, Якубовки и возлѣ Романовскаго парома.

Городки возлѣ Добрупа, Любепъ, между Покалюбичами и Хохлицей, между Иваками и Хохлицей.

Послѣ этого я въ правѣ разсчитывать, что Владиміръ Бонифатьевичъ не откажется посѣтить нашъ уѣздъ съ археологической цѣлью. На сочувствіе и содѣйствіе князя Паскевича въ его обширныхъ владѣніяхъ можно съ увѣренностью разсчитывать. Чтобы еще болѣе подвинуть къ этому дѣлу нашего уважаемаго археолога, я ему напомню одно обстоятельство. Въ 1873 году я уѣзжалъ на жительство въ г. Лубны, и Владиміръ Бонифатьевичъ тоже напутствовалъ меня пожеланіями доставить ему археологическія свѣдѣнія. Результатомъ моихъ сообщеній была хорошо извѣстная всѣмъ археологамъ раскопка, произведенная въ с. Гощахъ г. Каменскимъ и г. Ософилактовымъ. Можетъ и теперь посчастливится...

До сихъ поръ гомельскій уѣздъ совсѣмъ неизвѣстенъ относительно археологическихъ памятниковъ; но, какъ видно изъ приведеннаго сообщенія, вовсе не потому, что этихъ памятниковъ нѣтъ, а потому лишь, что такая уже доля радимичей съ незапамятныхъ поръ. Оказывается однако-жъ, что хотя почтенные здѣшніе аборигены и имѣли страшную натуру (сохраненную и до сего дня) бѣгать Волчья Хвоста, тѣмъ не менѣе и послѣ нихъ остались историческіе памятники. Впрочемъ я боюсь, чтобы господа археологи не вздумали доказывать, будто эти памятники остались послѣ тѣхъ, кому радимичи такъ смиренно платили по шелягу отъ рала (кстати и помянутое озеро называется такимъ именемъ)...

А. Лоначевскій.

ГЕТМАНСКІЙ ГОРОДЪ.

Въ любопытной замѣткѣ г. Бакая о Гадячскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1884 годъ, о самомъ Гадячѣ сказано лишь нѣсколько словъ. Но подобныя замѣтки вызываютъ собою цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, и только иллюстрируемая ими всякая такая замѣтка способна оживить заглохшую старину. Хочу поэтому дополнить почтеннаго автора, къ его немногимъ словамъ о Гадячѣ хочу прибавить еще нѣсколько словъ.

Я назвалъ Гадячъ гетманскимъ городомъ не въ смыслѣ постоянной резиденціи гетмановъ. Въ этомъ смыслѣ ни одинъ малорусскій городъ не можетъ быть названъ такимъ именемъ. Гетманство въ томъ видѣ, какъ оно прошло въ исторіи, и не могло имѣть постоянной резиденціи. Это была особаго рода военно-административная функція, доведенная едва не до степени верховной власти силою исключительнаго положенія народа, но случайная и временная, какъ и самое это положеніе. Въ вихрѣ кровавой борьбы и случайностей военнаго счастья, гетманская власть витала на всемъ пространствѣ борьбы и не могла установиться на одномъ мѣстѣ прочно и на долго, пока сама не испарилась съ измѣненіемъ политическаго положенія народа. Самъ «батько козачій» всю жизнь носился на поляхъ битвъ и лишь кости свои сложилъ въ родномъ ему Суботовѣ. Найболѣе продолжительное время резиденціею гетмановъ былъ Глуховъ, за нимъ Гадячъ въ гетманство Брюховецкаго и потомъ Батуринъ при Мазепѣ и Разумовскомъ. Но Гадячъ сверхъ того былъ жалуемъ въ собственность тремъ гетманамъ и потому ему по преимуществу можетъ принадлежать названіе гетманскаго.

Гадячъ основанъ въ 1634 году польскимъ шляхтичемъ *Жолкевскимъ*. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, городъ этотъ царскою грамотою 1654 г., марта 24 дня, со всѣми угодьями, составлявшими имѣніе королевское, пожалованъ былъ въ вѣчность гетману Богдану Хмельницкому и его потомкамъ. Въ 1726 году, 25 іюля, князь Меншиковъ получилъ отъ Екатерины I во владѣніе Гадячъ съ принадлежащими къ нему мѣстечками, селами и слободами; но въ малолѣтство Петра II сильный временщикъ, помолвивъ за него дочь свою, вмѣсто Гадяча взялъ себѣ

лучшія и доходнѣйшія мѣста. Императрица Анна Іоанновна, въ 1730 году, подарила Гадячъ гетману Даніилу Апостолу († 17 января 1734 года), а Екатерина II пожаловала тотъ-же городъ въ потомственное владѣніе графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, при увольненіи его отъ гетманства въ 1764 году, 10 ноября. Но въ 1785 году императрица выкупила въ казну Гадячъ съ волостью, гдѣ считалось крестьянъ 9,948 душъ мужескаго пола, заплативъ 596,880 рублей, т. е. по 60 рублей за душу. Въ 1791 году Гадячъ съ округомъ былъ причисленъ къ кіевскому намѣстничеству, а въ 1802 году, 9 марта, вошелъ въ составъ полтавской губерніи.

Вотъ важнѣйшія историческія событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Гадячъ.

Когда писарь Хмельницкаго Выговскій, принявъ сторону Польши, достигъ гетманства, имъ заключенъ былъ здѣсь (1658 года, 16 сентября) договоръ съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ. Ведя потомъ войну съ Москвою, Выговскій въ 1659 году цѣлыя три недѣли держалъ Гадячъ въ осадѣ и снялъ ее лишь послѣ того, какъ всѣ его приступы съ великою потерею были отражены донскимъ козачьимъ полковникомъ Ефремовымъ, а за Днѣпромъ появился Юрій Хмельницкій и провозглашенъ гетманомъ. Выдержавшіе осаду жители Гадяча, за вѣрность царю, получили въ награду, въ числѣ 922, по полтинѣ на брата. Во время возстанія Мартина Пушкаря, нѣжинскій полковникъ Григорій Гуляницкій взялъ приступомъ этотъ городъ, державшій тогда сторону соперника Выговскаго. Въ памятную эпоху вторженія Карла XII въ Украйну Гадячъ былъ занятъ шведами и, осажденный войсками Петра I-го, видѣлъ подъ стѣнами своими самаго Карла, поспѣшившаго на помощь осажденнымъ.

Бывъ такимъ образомъ не разъ мѣстомъ и предметомъ военныхъ дѣйствій, Гадячъ имѣлъ укрѣпленіе, слѣды котораго замѣтны еще и теперь въ той части города, которая обращена къ р. Ислу. Гадячъ долгое время былъ полковымъ городомъ сперва лубенскаго, а потомъ и собственнаго имени полка. Нѣкоторое время, какъ сказано выше, онъ былъ и гетманскою резиденціею. Здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, убитый въ маѣ 1668 года въ мѣст. Опошнѣ (зеньковскаго уѣзда). Внутри гадячскихъ укрѣпленій находился *замокъ*, а въ немъ дере-

вянный дворецъ гетмана. Здѣсь-же была и полковая деревянная церковь Богоявленія Господня, построенная тѣмъ-же гетманомъ Брюховецкимъ: въ ней онъ и былъ погребенъ. Въ настоящее время не осталось никакихъ сдѣдовъ прежнихъ укрѣпленій, а равно церкви и замка.

Къ городу Гадячу приписаны были села: Вельбовка, Свинарное, Лютенька, Будище, Илѣшивецъ, Кишовка, Подолки, Капустинцы, Сергѣевка, Липовая Долина, Красная Лука, Крутьки и деревня Млины, за исключеніемъ жительствующихъ въ этихъ мѣстахъ козаковъ. Эти имѣнія составляли такъ называемый *гадячскій ключъ*.

Каковъ былъ гербъ города Гадяча въ прежнее время, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. При Екатеринѣ II, въ 1782 году, 4 іюня Гадячу присвоенъ слѣд. гербъ: въ красномъ полѣ архангелъ Михаилъ въ голубомъ военномъ одѣяніи; онъ поражаетъ золотымъ копьемъ лежащаго змія, стоя лѣвой ногой на его животѣ.

В. Е. Бучневичъ.

ВУЛКАНЪ ВЪ ТАВРИДѢ ВЪ КОНЦѢ XVIII СТ.

Недавно всѣ газеты обошло извѣстіе изъ смоленской губерніи о примѣченномъ тамъ будто-бы вулканѣ. Оно вызвало множество опроверженій и насмѣшекъ и лишь одно научное объясненіе описаннаго въ немъ явленія, да и это объясненіе признано излишнимъ.

Упомянутое извѣстіе напомнило намъ другое извѣстіе, не надѣлавшее въ свое время столько говору лишь потому, что во время появленія его не было такого множества газетъ. Извѣстіе это найдено нами въ видѣ замѣтки на отдѣльномъ листѣ, въ ворохѣ фамильныхъ нашихъ бумагъ, и гласитъ слѣдующее.

«Изъ Санктпетербурга, апрѣля 14 дня.

Сообщено отъ таврическаго генералъ-губернатора Зубова.

Прошедшаго февраля 27 дня въ области таврической, управленію его ввѣренной, случилось достойное примѣчанія явленіе природы. Въ половинѣ 9 часа, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, слышенъ былъ близъ сѣверной косы, разстояніемъ отъ города Тамани въ прямую линію на 12, а въ объѣздъ на 60, въ состоящей при урочищѣ Пущукоѣ—небольшой горѣ великой шумъ и трескъ, по-

добный грому; послѣ чего вскорѣ изъ вершины ея появился густой черной дымъ столбомъ и чрезъ минуту началъ изъ нея пылать огонь съ высокимъ преужаснымъ пламенемъ, которое поднималось перпендикулярно вверхъ до 30-ти саженъ и продолжалось около получаса. Потомъ гора изъ отверстія навер .... гося стала выбрасывать вокругъ себя .... ящую глинистую матерію и камѣнья .... угой день земля была покрыта отъ полутора до четырехъ аршинъ вышиною сими изверженіями; а мѣстами составились изъ нихъ большія кучи въ три сажени и болѣе вышиною. Выбрасываніе глинистой матеріи продолжалось еще и на третій день, временно показывалось пламя и слышенъ былъ внутри горы шумъ на подобіе кипящей воды. Явленіе сіе тѣмъ паче заслуживаетъ примѣчаніе и любопытство, что имѣетъ великое вліяніе въ естественную исторію края сего; ибо посредствомъ онаго докажется, отъ куда произошли издавна уже извѣстныя на нѣкоторыхъ на островѣ Фанагоріи находящихся горахъ и холмахъ круглыя отверстія, изъ коихъ выбрасывается безпрестанно солоноватой жидкой илъ, мѣстами съ горнымъ масломъ, или съ нефтью съмѣшанными. Такожъ подтвердится тѣмъ и мнѣніе то, что въ нѣдрахъ всего острова сего должны сокрыты быть многія горючія вещества. При томъ нужно еще и сіе замѣтить, что со временъ Плинія, описавшаго въ письмѣ своемъ къ Тациту страшное изверженіе горы Везувія, не было еще въ Европѣ подобнаго явленія.

Сіе извѣстіе есть только предварительное для дальнѣйшаго освидѣтельствованія на мѣстѣ сего явленія и снятія плана съ горы и вида оной, также и для собранія разныхъ веществъ, изъ горы сей выкинутыхъ, отправленъ землемѣръ, коего замѣчанія обнародованы будутъ въ удостовѣреніе любителей естественной исторіи».

Сообщ. **С. Н. И.**

КІЕВЪ ВЪ 1799 ГОДУ.

Весною 1799 года изъ Москвы на Серпуховъ выѣзжала дорожная коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ баринъ, державшій на рукахъ «англинскую собачку». На козлахъ сидѣло двое крѣпостныхъ «людей». Баринъ ѣхалъ обозрѣвать свое отечество и направлялся на югъ, «въ прекраснѣйшую его часть». Это былъ начинающій писатель

Владиміръ Измайловъ. Черезъ три года, плодомъ его поѣздки явилось нѣсколько томиковъ дорожной болтовни, названной «Путешествіемъ въ полуденную Россію».

Болтливость,—сама по себѣ вещь неспосная,—при наблюдательности и въ путевыхъ запискахъ превращается чуть не въ достоинство. Было-бы счастіемъ, если-бы нашъ путникъ, человѣкъ не безъ способностей, оставилъ правдивый, богатый наблюденіями дневникъ своихъ странствій по Украйнѣ и югу въ то далское время. На бѣду онъ больше занятъ былъ своими чувствованіями, чѣмъ тѣмъ, что мелькало передъ его глазами, и смотрѣлъ внимательнѣе внутрь себя, чѣмъ по сторонамъ. Это былъ путешественникъ *сентиментальный*.

Въ то время въ Европѣ сентиментализмъ доживалъ свои дни. На сценѣ оставались только третьестепенные послѣдователи Руссо и Ричардсона. Въ Англіи это направленіе дошло до уродливыхъ крайностей. Послѣ романа Мекэнзи «Чувствительный человѣкъ» идти дальше было некуда. Герой этой удивительной повѣсти, нѣжный, деликатный, волнуется чувствами разъ шесть въ день, отъ избытка чувствъ впадаетъ въ чахотку, рѣшается открыть свою любовь только передъ смертію и, потрясенный признаніемъ, умираетъ... Въ Россіи сентиментализмъ переживалъ тогда блистательную пору. Дорогу ему проложили «Письма русскаго путешественника». Одинъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ карамзинистовъ, Измайловъ задумалъ въ томъ-же духѣ описать поѣздку по Россіи.

Его вниманіе занято тѣмъ, чтобъ передать какъ можно больше ощущеній, обличающихъ чувствительность души. Въ каждомъ лѣсу онъ прислушивается къ пѣнію птичекъ, на каждой горѣ приходитъ въ восторгъ, на холмахъ и долинахъ вспоминаетъ о своей юности, каждое утро неистово восхищается восходомъ солнца... Эпиграфомъ къ книгѣ онъ ставитъ слова дю-Патти: «пусть другіе путешественники привозятъ изъ посѣщенныхъ странъ медали, статуи и произведенія природы. Я возвращаюсь съ идеями и чувствами!» При такомъ настроеніи, озабоченный выкладкой своихъ чувствъ, онъ говоритъ о мѣстахъ и людяхъ въ однообразныхъ, общихъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе отрывочныя, случайныя его замѣтки—голосъ живаго очевидца. Въ помощь имъ возьмемъ двѣ-три старыхъ

книги и попробуемъ представить себѣ хоть уголокъ того стараго Кіева, какой Измайловъ видѣлъ своими глазами.

Дорога путника по Малороссіи есть рядъ умиленій и трогательныхъ сценъ. Но описываемые имъ люди какъ-то космополитично-добродѣтельны. Въ разговорѣ съ «поселянами», гдѣ нибудь на греблѣ близъ Сумъ, подъ высокими осокорами, въ бесѣдѣ съ семействомъ «малороссійскаго дворянина Карпова», видятся не старосвѣтскіе украинцы, а швейцарцы «Писемъ русскаго путешественника». Полевые курганы, какъ памятники войны и борьбы, наполняютъ его нѣжное сердце ужасомъ: онъ «не можетъ ихъ видѣть безъ содроганія». Зато видъ какихъ-то счастливыхъ супруговъ распаляетъ его воображеніе, и вотъ уже готовъ планъ, какъ «въ низкой хижинѣ» будетъ жить онъ «съ нѣжною подругою и еще нѣжнѣйшими плодами любви». О малороссіянахъ у него вырывается нѣсколько искреннихъ строкъ. Уроженцу сѣвера, ему люба и чистота жилищъ и живописность мѣстностей, независимый характеръ народа и самый національный типъ. «Малороссійскій народъ, заключаетъ онъ, достоенъ любопытства и можетъ быть славы, если не одинъ наружный блескъ въ состояніяхъ человѣческихъ заслуживаетъ уваженія».

Не останавливаясь нигдѣ, Измайловъ спѣшитъ къ Кіеву и «любопытство его обвиняетъ въ медленности природу». Наконецъ, подлѣ борисполькихъ болотъ, онъ дышетъ смолистымъ воздухомъ броварскаго бора. «Мрачныя сосны возносились къ облакамъ, святая древность цвѣла на ихъ кудрявыхъ вершинахъ». Какъ видитъ читатель, это было задолго до процесса, предъявленнаго броварскимъ лѣснымъ казеннымъ управленіемъ. Броварской боръ не похожъ былъ на свои теперешніе остатки. Подъ его сѣнью укрывались не только грѣхи лѣсничихъ, но и усталые путники. Но вотъ сквозь просвѣты лѣса мелькнулъ золотой куполъ печерской колокольни. Кіевъ вдали! «Зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи песковъ, нѣсколько блестящихъ главъ показались сквозь ряды деревъ и снова скрылись». Вотъ открылась наконецъ и вся, милая сердцу южанина, гористая панорама древняго города. Вмѣстѣ съ сотнями богомольцевъ путникъ переплываетъ черезъ Днѣпръ, къ ночи водворяется въ Кіевѣ.

Гдѣ поселился онъ? Обуреваемый ощущеніями, онъ забываетъ сообщить о такой мелочи, но по всѣмъ признакамъ—на Печерскѣ,

обстроивавшемся тогда казенными и частными зданіями. Онъ что-то толкуетъ объ «отелѣ», но очевидно это такая-же гипербола, какъ «сосны, уходящія въ облака». По «Краткой вѣдомости о числѣ публичныхъ мѣстъ и строеній въ городѣ Кіевѣ», изданной 17 лѣтъ спустя [1]), видно, что въ городѣ Олега и Владиміра было въ то время только четыре постоялыхъ двора. Конечно одинъ изъ нихъ пріютилъ и сентиментальнаго путешественника.

По обычаю странниковъ всѣхъ временъ и народовъ, онъ спѣшитъ бросить взглядъ на городъ, чтобы составить о немъ общее представленіе. Предъ нимъ какъ-бы три отдѣльныхъ поселенья, раздѣленныхъ рощами и пустырями. «Съ одной стороны печерская крѣпость съ ея предмѣстьями и зеленымъ валомъ, на высокой горѣ надъ Днѣпромъ, съ другой стороны, на нѣсколькихъ холмахъ, съ Михайловскимъ и Софіевскимъ монастыремъ въ видѣ замковъ, съ домами и садами лежитъ старый Кіевъ. Внизу, къ самому Днѣпру, подобно острокопечному мысу, видѣнъ Подолъ, украшенный громадою зданій». Все залито веселымъ блескомъ майскаго солнца. Оно горитъ на золотыхъ главахъ церквей, играетъ въ днѣпровскихъ волнахъ, по которымъ плывутъ медленно барки. Эта зелень, солнце и блескъ, далекіе днѣпровскіе луга и пески, синіе лѣса, уходящіе на горизонтъ тонкой опушкой, вся эта лѣтняя кіевская картина наполнитъ путника неподдѣльнымъ восторгомъ. «Если-бы любовь къ природѣ и къ изящному могла когда нибудь угаснуть въ душѣ человѣческой, восклицаетъ онъ, то одинъ взглядъ на Кіевъ возжегъ бы ее снова».

Посѣщеніе Лавры—первое дѣло каждаго путника въ Кіевѣ. Наружный видъ лаврскихъ зданій, въ описаніи Измайлова, не разнится отъ нынѣшняго. Святыя ворота и тогда украшены были изображеніями праведниковъ, по его словамъ, «оживленныхъ конечно не кистью эспаньолета». Но описаніе Великой церкви и живописи ея стѣнъ говоритъ о вещахъ безвозвратно исчезнувшихъ. «На лѣвой рукѣ отъ большаго входа написаны на стѣнѣ портреты великихъ мужей нашего отечества. Великіе князья и малороссійскіе гетманы являются одинъ за другимъ къ великому удовольствію того, кто любитъ отечество и славные подвиги его сыновъ». Отдѣльно отъ

[1]) «Краткое описаніе Кіева», Берлинскаго, 1820 г.

другихъ, за лѣвымъ клиросомъ, былъ портретъ Хмельницкаго, о которомъ упоминаетъ еще въ 1820 г. Берлинскій. По его словамъ портреты князей русскихъ и литовскихъ были плохи и испорчены реставрировкой. Интересъ подлинности имѣли конечно портреты позднѣйшаго времени, когда искусство живописи поднялось до извѣстной высоты. Взглянувъ на Хмельницкаго, нашъ путникъ наивно ищетъ портрета Наливайка и восклицаетъ съ огорченіемъ: «Нѣтъ сего великаго мужа!» Онъ не зналъ еще той истины, что изображеній лицъ отъ эпохъ столь отдаленныхъ и смутныхъ искать въ храмахъ и общественныхъ зданіяхъ напрасно: всѣ онѣ находятся въ галлереяхъ любителей, у которыхъ коллекціонерская ревность побѣждаетъ научныя познанія.

«Князь Острожскій, изваянный изъ бронзы, лежитъ на одрѣ подъ балдахиномъ. И онъ имѣетъ право на признательность малороссійскаго народа». Надгробный памятникъ князя Острожскаго описываетъ и позднѣйшій путешественникъ, Левшинъ, видѣвшій его въ 1815 году [1]). Оба они, да и прочіе описатели стараго Кіева, считаютъ этотъ исчезнувшій памятникъ надгробіемъ славнаго князя Константина Константиновича. Но какъ помирить съ этимъ мнѣніе ученѣйшаго и всезнающаго начетчика, почтеннаго М. А. Максимовича? Онъ утверждаетъ рѣшительно, что то была могила отца князя Константина, великаго гетмана литовскаго [2]). Надо думать что великій знатокъ кіевской старины былъ и въ этомъ случаѣ правъ.

Надпись надъ прахомъ Румянцева—«Внемли, Россъ!»... сдѣлана была, кажется, позже. Поклонникъ эффектныхъ словъ, Измайловъ не упоминаетъ о ней, описывая могилу фельдмаршала. Но мы замѣтимъ къ слову, что мѣсто постановки доски съ этой надписью ставитъ и понынѣ умиленнаго Росса въ нѣсколько странное положеніе: прахъ полководца въ дѣйствительности покоится не «предъ тобою», а какъ разъ въ противуположномъ концѣ храма.

Замѣтки о живописи другихъ древнихъ церквей Кіева, какъ у Измайлова, такъ и у позднѣйшихъ описателей, крайне поверхностны. Какъ ни старайся, ничего не представишь себѣ изъ отзывовъ въ

---

[1]) «Письма изъ Малороссіи», Харьковъ, 1816 г.

[2]) Сочиненія, т. III, стр. 717.

родѣ слѣдующаго: «Живопись образовъ сей церкви, хотя не соотвѣтствуетъ вѣку, но довольно разительна!»

Отъ древностей взоры путника обращаются къ окружающей дѣйствительности. Съ своими пышными представленіями о предметахъ, онъ не удовлетворяется тою въ сущности скромною картиною, какую представляла физіономія Кіева въ ту эпоху. Какъ пришельцу, ему ничего не говоритъ та сила воспоминаній, преданій прошлой жизни, которая мѣстамъ и предметамъ самымъ бѣднымъ сообщаетъ неотразимую прелесть. Онъ оставилъ хотя сухую, но по счастью довольно точную страницу описанія общей внѣшности города. «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ. Пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль и туманный столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самый Подолъ, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины прикрываются церквями и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва-ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно, оттого что горы отдѣляютъ ихъ одна отъ другой. Кажется, что вы видите три разныя селенія. Я говорю селенія, ибо и весь Кіевъ едва-ли заслуживаетъ названія города». Не забудемъ, что рѣчь идетъ о Кіевѣ конца прошлаго вѣка. Въ то время Подолъ сохранялъ еще свой старый видъ, совершенно измѣнившійся послѣ страшнаго пожара 1811 года, а Печерскъ и Старый городъ не приняли еще того строгаго оттѣнка, какой придалъ имъ казенными постройками къ концу царствованія Николая I. Какъ сказочная красавица, за руку которой спорило нѣсколько богатырей, надѣвала въ угоду имъ разные уборы, сохраняя все ту-же красоту, тѣ-же прекрасныя очи, такъ нашъ Кіевъ мѣнялъ не разъ свой видъ въ теченіи своей исторической судьбы. Къ картинкѣ Измайлова подставимъ цифры. Ихъ сохранилъ усердный Берлинскій. Въ этомъ деревянномъ городкѣ отдѣльныхъ домиковъ было тогда много: 3,968. Изъ нихъ каменныхъ было только 49. Лавокъ деревянныхъ городскихъ и партикулярныхъ—214, каменныхъ—147. Послѣднія—почти всѣ (136) на Подолѣ, на Печерскѣ же была большая часть деревянныхъ (147). Было 17 «пахвахтерскихъ будокъ», три гостинныхъ двора, два каменныхъ, одинъ

деревянный. Противъ нынѣшняго подольскаго гостиннаго двора стояло, уничтоженное пожаромъ 1811 года, огромное каменное зданіе магистрата, а въ началѣ нынѣшняго Крещатика, покрытаго густой растительностью,—деревянный театръ. Жителей обоего пола, всякаго званія и состоянія, числилось около 40 тысячъ. Самою бойкою и торговою частью былъ Подоль. Тамъ-же «цвѣла» и еще дореформенная академія. Странствуя по Кіеву, въ одинъ изъ дней нашъ путникъ попалъ туда на ученый диспутъ.

«Святилище искуствъ и наукъ, получившее свое имя отъ грековъ», ввело у себя обычай диспутовъ со времени Петра Могилы. Диспуты были третные, еженедѣльные, годичные и двухгодовые, одни—какъ замѣна экзаменовъ, другіе—какъ торжественные акты. Со свойственнымъ ему легкомысліемъ, нашъ путникъ не допрашиваетъ себя хорошенько о значенія явленія, происходящаго передъ нимъ и, говоря о самомъ диспутѣ въ 50—60 строкахъ, на нѣсколькихъ страницахъ распространяется о чувствахъ, вызванныхъ въ немъ ученымъ поединкомъ. «Я пришелъ требовать позволенія видѣть академію и нашелъ у префекта собраніе духовныхъ. Это былъ день диспутовъ, и господинъ префектъ пригласилъ меня съ собою. Зданіе древнее, но достойное служить театромъ академическихъ лекцій, возносится съ прекрасною галлереею и колоннадою въ стѣнахъ монастыря. Въ огромной залѣ, на каоедрѣ, студентъ ожидалъ слушателей. Хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ духовенство. На листкѣ, поданномъ при входѣ, написаны были утверждаемые и оспариваемые тезисы. Всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и студентъ, принявъ благословеніе архипастыря, началъ говорить на латинскомъ языкѣ. Послѣ того начались споры». Они показались нашему слушателю какъ-бы затверженными. Весьма возможно, что это и было такъ. Въ то время академія находилась уже въ состояніи упадка, да къ тому-же еще едва оправилась отъ постигшаго ея неожиданнаго сюрприза. Въ 1786 году та школа, «гдѣ цвѣли науки въ то время, когда мракъ невѣжества покрывалъ почти всю Россію», однимъ почеркомъ пера переведена была въ кіево-печерскую лавру, а слава Кіева, братскій монастырь превращенъ былъ въ военный госпиталь. Черезъ нѣсколько времени дѣло поправилось, но вся эта перетасовка не могла не отразиться на ходѣ академической жизни.

Не такой видъ имѣли диспуты въ блестящую пору академіи. Въ своемъ любопытномъ трудѣ о «Кіевѣ, съ его древнимъ училищемъ» Аскоченскій довольно живо рисуетъ ученые споры того времени. Годичные диспуты, гдѣ возражатели являлись изъ охотниковъ, были очень любимы и посѣщаемы кіевлянами. Но самыми торжественными были диспуты, происходившіе по окончаніи двухгодичнаго курса. «Наканунѣ назначеннаго дня на большихъ вратахъ братскаго монастыря прибивали большой, вычурно раскрашенный листъ или афишу, извѣщавшую кіевлянъ о времени, а иногда о самомъ предметѣ ученыхъ состязаній. Такой листъ обыкновенно назывался *конклюзіей*. Это уже были подготовленные диспуты, и самыя темы избирались какъ можно ближе къ понятію большинства посѣтителей. А чтобы сдѣлать ихъ сколько-нибудь вразумительнѣе и для простого народа, незнакомаго съ языкомъ латинскимъ, на какомъ преимущественно производились эти ученыя состязанія,— нѣкоторыя изъ положеній были переводимы на русскій языкъ. По прибытіи митрополита въ академическую залу, произносимы были привѣтствія на разныхъ языкахъ и потомъ начинались диспуты, въ промежуткахъ между которыми ученики низшихъ классовъ произносили діалоги и читали стихи собственнаго сочиненія. Въ анналахъ академіи особенно памятнымъ остался диспутъ, на которомъ присутствовала въ 1744 году императрица Елисавета Петровна. Здѣсь ректоръ Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь о томъ, «какое счастіе государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель государь», а профессоръ греческой словесности, іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій, поднесъ наслѣднику престола Петру III переведенную имъ книгу «Зерцало должности государей» [1]).

Немалый блескъ сообщало диспутамъ участіе знаменитыхъ академическихъ пѣвческихъ хоровъ. Инструментальная музыка была въ академіи также въ ходу, и прекрасный оркестръ исполнялъ произведенія западныхъ композиторовъ. Чубатые студенты-любители, въ киреяхъ и цвѣтныхъ «сапьянцахъ» разыгрывали сочиненія Палестрины и Скарлати.

Библіотека академіи, посѣщенная также нашимъ путникомъ, не разъ подвергалась пожарамъ. Она пострадала не задолго до этого,

[1]) Аскоченскій, т. 2, стр. 96.

въ 1780 году. Однако, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, до новаго пожара 1811 года, въ ней было опять 10,000 томовъ.

На общую легкость сентиментальнаго путешественника приходится сѣтовать еще разъ, переходя къ его замѣткамъ о кіевскомъ обществѣ. Ему не по силамъ, разумѣется, подмѣтить тѣ видоизмѣненія, ту ломку, какая происходила въ общественномъ, бытовомъ строѣ Кіева въ ту переходную эпоху. О цѣлыхъ классахъ, о народѣ, о духовенствѣ, онъ прямо отказывается говорить и ограничиваетъ свои наблюденія «высшимъ состояніемъ». Отзывъ получается однако довольно кислый. «Здѣшняя жизнь ограничивается кругомъ простой, домашней жизни и тѣмъ состояніемъ, гдѣ человѣкъ находитъ мирное счастіе въ удовлетвореніи мирныхъ потребностей и въ умѣренномъ дѣйствіи своихъ способностей». За то изъ поведенія онъ ставитъ кіевлянамъ хорошій балъ. «Счастіе и вѣрность сохраняютъ супружеское состояніе, согласіе обитаетъ въ семействахъ, цвѣтъ стыдливости не увядаетъ на лицѣ невинности». Онъ приписываетъ всѣ эти совершенства первобытному строю жизни и не сомнѣвается, что, «при сближеніи нравовъ и народовъ», кіевскіе жители позаимствуютъ новые обычаи и мнѣнія. «Пройдетъ немного времени, зловѣще предрекаетъ онъ, и они потеряютъ все доброе, что показываетъ въ нихъ юность рода человѣческаго». Они пріобрѣтутъ нѣкоторыя, недостающія имъ «блестящія качества», но вмѣстѣ съ ними «захватятъ и развратности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ шагомъ къ просвѣщенію».

Изъ отдѣльныхъ лицъ Измайловъ упоминаетъ о какой-то богомольной старушкѣ Б. и о генералѣ К., съ которымъ можно пріятно провести время, «говоря не объ изящной словесности, и не объ задачахъ философіи и метафизики».

Старушки, болѣе или менѣе богомольныя, генералы, военные и штатскіе, болѣе или менѣе храбрые, конечно не характеризовали никогда и ничего. Интересны воспоминанія объ извѣстномъ проповѣдникѣ Левандѣ. Измайловъ нѣсколько разъ посѣтилъ его въ скромномъ домикѣ его на Подолѣ и, согласно со всѣми другими, говоритъ о его значительномъ образованіи, простотѣ и рѣдкомъ дарѣ слова. Сынъ подольскаго сапожника Сикачки, принявшій при поступленіи въ братскую школу имя благоухающаго цвѣтка, Леванда, въ одинъ моментъ своей жизни, явился истиннымъ народнымъ

человѣкомъ и историческимъ лицомъ. Это было во время моровой язвы 1770 года, когда своими огненными проповѣдями въ подольской церкви Успенія онъ поднималъ духъ народа и призывалъ его къ высокой задачѣ самоисправленія. Популярность его въ Кіевѣ и впослѣдствіи была громадна. Біографъ его, покойный Ф. А. Терновскій, отдаетъ впрочемъ преимущество въ его дѣятельности первой половинѣ его жизни, и чтеніе рѣчей Леванды подтверждаетъ это мнѣніе. Впослѣдствіи Леванда сталъ, такъ сказать, присяжнымъ ораторомъ, и «его рѣчь сдѣлалась такой-же необходимою принадлежностью кіевскаго праздника, какъ колокольный звонъ, басъ протодіакона и громкій хоръ пѣвчихъ». Это былъ ораторъ по призванію, надѣленный блестящими внѣшними средствами; насколько велика была въ немъ склонность къ публичному слову, показываютъ тѣ двѣ рѣчи, которыя онъ произнесъ *на собственной свадьбѣ*, одну передъ вѣнцомъ, другую послѣ вѣнца.

Изъ замѣтныхъ людей того времени Измайловъ упоминаетъ о цитованномъ нами нѣсколько разъ Максимѣ Берлинскомъ, «профессорѣ натуральной исторіи въ главной школѣ». Къ сожалѣнію изъ бесѣдъ своихъ съ этимъ знатокомъ кіевскихъ древностей, нашъ путникъ приводитъ только какую-то «философическую прю» самаго общаго содержанія, гдѣ Берлинскій будто-бы заявлялъ, что «для него веселѣе быть отцомъ семейства и любить натуру, нежели гоняться за блестящими призраками». Этого Берлинскаго, почтеннаго ученаго, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ почти сказочнымъ Кесаремъ Берлинскимъ, о которомъ талантливый г. Лѣсковъ, на этихъ самыхъ страницахъ, разсказалъ столько уморительныхъ анекдотовъ.

Вѣрный своей задачѣ—все видѣть, путешественникъ не преминулъ посѣтить одно изъ ежедневныхъ общественныхъ гуляній въ дворцовомъ саду. Въ качествѣ столичнаго франта и поклонника красоты, онъ позаботился конечно о своей внѣшности. Отдаленное подобіе парижскихъ «мюскаденовъ» и incroyabl'ей той поры, вотъ выступаетъ онъ по кіевскимъ улицамъ въ предвечерній часъ, когда спалъ уже дневной жаръ. Зеленый фракъ, вздернутый выше ушей огромный галстухъ, треугольная шляпа, пудренные волосы съ косой, кривая палка и четыреугольный монокль въ рукахъ—таковъ его уборъ. По кривой улицѣ идетъ онъ къ «большой площади, которая, какъ кажется, составляетъ украшеніе города». Тамъ дворецъ, тамъ

присутственныя мѣста, дома частныхъ лицъ, тамъ рядъ молодыхъ березокъ, изъ-за которыхъ синѣетъ Днѣпръ и отдаленныя окрестности Кіева. «Кареты скачутъ, форейторы кричатъ: *поди!* Пыль вьется столбомъ, и вашъ философствующій пѣшеходъ, скрываясь въ пыльномъ туманѣ, по счастливѣе Діогена, находитъ между собою и солнцемъ не страшныхъ Александровъ, но кроткихъ красавицъ, распудренныхъ петиметровъ и старушекъ, забывшихъ на часъ богомолье». Вступивши въ тотъ садъ, гдѣ нынѣ бродитъ угрюмый босякъ, а прежде гуляли нарядныя пары, столичный человѣкъ прислушивается къ разговорамъ. Онъ находитъ, что въ нихъ нѣтъ души и «не проглядываетъ основательный разумъ», Но онъ съ избыткомъ утѣшенъ другимъ: «я сижу въ царствѣ красоты. Женщины, одна другой прелестнѣе, мелькаютъ предо мною и взоръ не успѣваетъ ловить всѣ черты нѣжности, любви и безстрастія». Его взоры привлечены преимущественно одной, и онъ готовъ отзываться о ней стихами той поры:

На лицахъ прелести у многихъ раздѣленны,
Въ ея лица чертахъ цвѣтутъ совокупленны!..

«Она улыбнулась, ея улыбка принадлежитъ мнѣ, я имѣю на нее право. Ахъ! Одна улыбка дала мнѣ предчувствовать всѣ восторги любви!»

Подъ вліяніемъ этой невѣдомой, давно забытой въ могилѣ кіевской розы, онъ окончательно впадаетъ въ сентиментальный экстазъ. Только на обратномъ пути домой, нѣсколько приходитъ онъ въ себя и занимается параллелями между женщинами кіевскими и московскими. Побѣда остается за кіевлянками. «Въ Кіевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе грацій. Москвички милѣе для холоднаго разсудка, а кіевлянки для пламеннаго сердца».

Прощаніе странника съ Кіевомъ—трогательно. «Прости Кіевъ, простите мѣста прекрасныя!» Въ послѣдній разъ гуляетъ онъ по зеленымъ горамъ и дастъ обѣтъ привезти сюда, подъ это ласковое небо, своего будущаго сына. Мечты объ этомъ сынѣ и о семейныхъ радостяхъ увлекаютъ его. Незамѣтно для него самаго волны Днѣпра уже уносятъ его изъ Кіева. Своей мечтою онъ наслаждался до самаго вечера. Когда онъ очнулся на почлегѣ, то оказался вдали отъ Кіева, «безъ подруги, безъ сына!.. Одинъ!»...

На этой скорби объ отсутствіи сына и потомства,—скорби наименѣе допускающей постороннее вмѣшательство, простимся съ сентиментальнымъ странникомъ и мы. Лѣтъ пятнадцать спустя, мы встрѣчаемъ его уже издателемъ «Вѣстника Европы», переданнаго ему Карамзинымъ. Въ этомъ журналѣ появились первые опыты Пушкина. Если-бы печатавшій простые, глубоко-реальные стихи юнаго поэта представитель сентиментализма зналъ, кого онъ впускаетъ въ домъ, то навѣрное закрылъ-бы передъ нимъ двери. Разсказываютъ, что когда одинъ изъ министровъ Людовика XVI явился къ докладу въ простомъ черномъ платьѣ и безъ парика, то церемоніймейстеръ въ ужасѣ воскликнулъ: теперь все кончено! Дѣйствительно это была минута, съ которой измѣнилось все.

В. Горленко.

МАЛОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШАРАДА.

Въ доставшейся намъ отъ г. Григоріади записной книгѣ рода Забѣлъ, напоминающей собою записную книгу асаула Мовчапа, описанную В. Б. Антоновичемъ, но болѣе пространную, мы нашли въ ряду другихъ любопытныхъ замѣтокъ и слѣдующую запись:

«Року 1733, октоврія 10 въ Глуховѣ получено: Игра ломберъ знатнѣйшихъ европейскихъ дворовъ.

Папа. Еслибъ я болше козирей, нежели инихъ картъ, имѣлъ, то й я сталъ играть.

Цезаръ. Я имѣю добрихъ козирей: три короля и даму одну; однако-жъ я подожду, пока другіе станутъ играть.

Англѣя. Пусть играютъ, какъ хотятъ, только-бы козири раздѣлени были.

Франціѣя. Я сталу грать, когда мой король прикритъ будетъ.

Пруссія. Я радъ былъ, только опасуюсь, что перебютъ.

Швейцарская Земля. Когда будутъ играть, то надлежащіе игри отъ мене не уйдутъ.

Россія. Я нарочитую игру имѣю, и виграть допустить могу.

Швеція. Я не буду играть, если-жъ мнѣ гоноровъ не заплатятъ.

Гишпанія. Моя игра не весьма важна, развѣ въ черной масти.

Данія. По малой мѣрѣ не буду играть безъ матадоровъ.

Полша. Отъ одного короля, котораго у мене нѣтъ, могу всѣ програть.

Имперія. Мнѣ трохъ картъ не достаетъ, и я опасаюсь, чтобъ ремиза не заплатить.

Португалія. Я не буду играть, ежели стадали мои не принудять.

Савойская Земля. Я прежде не играю, пока не имѣю надежной игри.

Голандія. Когда всѣ пашуютъ, то и я такъ.

Курфирстъ Саксонскій. Я напрасно пашовалъ, а теперь я подиймаю играть, хотя можетъ быть и лабетъ поставлю, чтобъ проклятого хлопа до игри не допустыти.

Король Станиславъ. Пождѣте, моѣ господа, я не отреклься и не хочу лабетъ дважди поставить.

Приймасъ. Играйте, какъ изволите, а я одинъ зъ сихъ лабетъ озьму.

Республика полская. Я ставлю карти, и сущіе прибилѣ всегда на моей сторонѣ.

Hev patior telis vulnera facta meis.
Pro patria et in patria dulce est mori.
Vir honestus, sincerus, nemini molestus, omnibus gratus.
Prima philosophia est meditatio mortis.

Pódź, Polska, zamąź, iesli dziweczka!
Oy, nie póyde, francuzowie, oz nie póyde, alendrowie,
Bom nie caleczka.
Zgwalcili mnie w Litwie panowie,
Wzieli wianek mey czystosci
I nabytey znak wolnosci
Zli synowie.

Saturnus in Roma infortunatus, super alios elevatus, malum pertendet ex frigiditate et infortunio, quod totam terram premet.

Предлагаемъ читателямъ разгадать эту шараду, а мы пока воздержимся отъ объясненія оной.

Евгеній Желеховскій.

(*Некрологъ*).

Маленькая, родная намъ Галиція, живущая въ иныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ и несущая непосильную борьбу за свою вѣру и народность съ польскою «справою», теряетъ годъ за годомъ своихъ лучшихъ дѣятелей. Въ короткое время похоронивъ Барвинскаго, Навроцкаго, Заклинскаго и Шашкевича, 6-го сего февраля она лишилась Желеховскаго.

Умершій Евгеній Желеховскій извѣстенъ у насъ, и лишь весьма немногимъ, какъ составитель малорусско-нѣмецкаго Словаря, не доведеннаго имъ до конца. Въ единоплеменной намъ Галиціи его смерть составляетъ событіе дня и вызвала болѣзненный стонъ во всей странѣ. Что-же такое самъ Желеховскій? Сынъ мѣщанина, если не крестьянина, жившаго частною службою, воспитанникъ львовскаго университета, учитель, выражаясь по нашему, русскаго языка и словесности въ гимназіи маленькаго городка Станиславова. У насъ съ подобнымъ положеніемъ и формуляромъ, въ случаѣ смерти, можно занять мѣсто лишь въ ряду произшествій, и то въ случаѣ напр. тифозной или иной эпидеміи, какъ упомянуто было недавно въ кіевскихъ газетахъ о смерти одного изъ учителей кіевской гимназіи. Въ Галиціи вѣсть о смерти Желеховскаго передавалась изъ конца въ конецъ страны, а его похороны собрали до 50-ти священниковъ, мѣстный муниципалитетъ, подняли на ноги всю мѣстную интеллигенцію и большую часть населенія Станиславова, вызвали множество телеграммъ, до 20 депутацій, массу вѣнковъ и цѣлыя группы крестьянъ изъ ближнихъ и дальнихъ селъ. Статьями о смерти, погребеніи и дѣятельности Желеховскаго переполнены теперь всѣ русскія газеты въ Галиціи, какъ у насъ въ свое время объ И. С. Тургеневѣ. Даже польскія газеты пишутъ объ немъ и отдаютъ честь своимъ противникамъ за то, что они умѣютъ чтить память своихъ дѣятелей.

Что-же сдѣлалъ Желеховскій для своей родины, за что такъ ублажаетъ она его память и такъ горячо оплакиваетъ его смерть?

Онъ былъ «гимназіальнымъ» учителемъ..., онъ участвовалъ въ учрежденіи общества «Просвѣты» въ Львовѣ, учредилъ отдѣленіе этого общества въ Станиславовѣ, выдавалъ изъ его библіотеки книги

приходившимъ изъ селъ крестьянамъ, содѣйствовалъ учрежденію дамскаго станиславовскаго кружка, былъ членомъ уѣзднаго и городскаго совѣта, сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, издавалъ, хотя и не довелъ до конца, малорусско-нѣмецкій Словарь. Вотъ и все.

У насъ малопонятна будетъ вызванная смертію Желеховскаго общественная, почти всенародная скорбь въ Галиціи, и мы считаемъ нужнымъ пояснить ее.

Наши братья галицкіе живутъ не похоже на насъ. Они представляютъ собою общество, не подраздѣленное ни на какіе классы. У нихъ нѣтъ ни высшаго, ни средняго классовъ, нѣтъ магнатовъ, ни богачей, нѣтъ сановниковъ, графовъ и князей,—не только политическая, даже административная власть не въ ихъ рукахъ. Это въ собственномъ смыслѣ народъ, который изъ среды себя путемъ образованія, но отнюдь не богатства, выдвигаетъ интеллигенцію—священниковъ, учителей, незначительное число чиновниковъ на не важныхъ постахъ и еще меньшее число людей торговыхъ. И этотъ столь бѣдный народъ находится подъ двойнымъ—нѣмецкимъ и особенно польскимъ гнетомъ и ведетъ непрерывную тяжкую борьбу за свою политическую равноправность и сохраненіе своей вѣры и національности. Но именно эти обстоятельства даютъ ему то единство, котораго мы не имѣемъ, и ту сплоченность, которой не можетъ одолѣть съ своими громадными средствами польская пропаганда. Непрерывная жизненная борьба выдвигаетъ дѣятелей, увлекаетъ ихъ въ свой водоворотъ и надѣляетъ ихъ тѣми свѣтлыми качествами и дѣлами, которыя влекутъ къ нимъ симпатіи всего народа и даютъ популярность въ его средѣ. Такими дѣятелями являются здѣсь и священникъ, и чиновникъ, и торговецъ, и редакторъ газеты, и учитель гимназіи, даже учитель сельской школы. Тутъ общественнымъ, народнымъ дѣятелемъ, даже противу воли, сдѣлаться легко, но быть имъ необычайно трудно. Патріотизмъ всасывается, можно сказать, съ молокомъ матери и воспитывается всею послѣдующею жизнью. Это не тотъ патріотизмъ, о которомъ пишутъ въ книгахъ, который высказываютъ въ застольныхъ рѣчахъ или проявляютъ на поляхъ битвъ, это жизненный стимулъ, непрерывною нитью идущій отъ колыбели до гроба. Но и патріотомъ надо умѣть и имѣть твердость духа быть. И въ средѣ галичанъ находятся люди равнодушные къ

судьбамъ родины, непостоянные, колеблющіеся, даже «перекинчики», или-же патріоты односторонніе, не умѣлые, не въ мѣру рьяные. Борьба воспитываетъ не одинъ патріотизмъ, но вмѣстѣ тактъ, умѣлость, твердость, энергію, честность, мягкость души, любовь къ ближнему—высшія качества, составляющія лучшее украшеніе человѣка. И такимъ именно былъ, судя по отзывамъ всѣхъ галицкихъ газетъ, преждевременно скончавшійся Желеховскій. Его научный трудъ—Малорусско-нѣмецкій Словарь, для котораго онъ приготовилъ весь необходимый матеріалъ и окончаніе котораго завѣщалъ въ предсмертный часъ своему товарищу и другу—Недѣльскому, еще ждетъ своей оцѣнки, а его патріотическая дѣятельность очерчивается и долго еще будетъ очерчиваться въ родной ему странѣ на всѣ лады.

Только сообразивъ все вышесказанное, мы поймемъ то глубоко трогательное объявленіе о смерти Желеховскаго, какое мы нашли въ наиболѣе распространенной галицкой газетѣ «Дѣло». Оно стоитъ на первой страницѣ, непосредственно послѣ заголовка, и занимаетъ мѣсто строкъ въ 20-ть во всю ширину большого газетнаго листа. Въ траурной широкой рамкѣ—осьмиконечный въ сіяніи крестъ, а подъ нимъ слѣдующія скорбныя слова:

«Съ тяжкимъ болемъ въ серцю, зъ дрожачою одъ зворушеня рукою приходится намъ сегодня дѣлитися съ Вп. читателями печальною вѣстею: *Евгеній Желеховскій*, професоръ русского языка при гимназіи въ Станиславовѣ, взорець (образецъ) русина патріота, найчестнѣйшого характеру, ангельской доброты сердця, довголѣтный неутомимый предсѣдатель филіи товариства «Просвѣта» и членъ другихъ русскихъ товариствъ, одинъ зъ першихъ найгорячѣйшихъ піонеровъ просвѣты народной, человѣкъ неусыпной науковой працѣ, авторъ першого руско-нѣмецкого «Словаря», упокоився вчора, дня 6 лютого 1885 р., о 5 годинѣ по-полудни, въ Станиславовѣ, на рукахъ опечаленной дружины, дѣточокъ и другóвъ. Въ субботу рано мощѣ покóйного Евгенія пріймe свята земля русска, а память его буде жити у насъ и у грядучихъ поколѣнь на Руси—на вѣки!»

Буди вѣчная память ему!—скажемъ и мы, знавшіе покойнаго еще скромнымъ юношею, стремившимся къ намъ для довершенія образованія и возвратившимся на родину по исключительному случаю, о которомъ разскажемъ когда нибудь впослѣдствіи.

———

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(*Русскій Вѣстникъ. — Новь. — Кіевлянинъ. — Заря*).

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли съ точки зрѣнія нашей программы содержаніе столичныхъ *историческихъ* журналовъ прошлаго года; обратимся теперь къ остальнымъ. Какъ извѣстно, на страницахъ «толстыхъ» журналовъ иногда являются весьма цѣнныя монографіи нашихъ историковъ, которыя часто выходятъ потомъ отдѣльными книгами. Таковы по южно-русской исторіи извѣстныя статьи Костомарова, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Мысли». Истекшій годъ, къ сожалѣнію, не далъ намъ ничего подобнаго. Мы имѣли возможность разсмотрѣть всѣ книги за прошлый годъ журналовъ: «Вѣстника Европы», «Русской Мысли», «Наблюдателя», «Русскаго Богатства», и ни въ одной изъ нихъ не нашли ничего, на чемъ можно было бы остановить вниманіе. Только въ мартовской книгѣ «Русскаго вѣстника» была статья А. Воронова о штундизмѣ (*«Штундизмъ. Очеркъ религіозно-бытовой жизни въ Малороссіи»*, *4—45 стр.*), о которой скажемъ нѣсколько словъ,—кстати для сопоставленія ея съ помѣщаемымъ въ этой-же книгѣ «Кіевской Старины» очеркомъ штунды въ кіевской губерніи.

Статья носитъ чисто публицистическій характеръ. Сначала авторъ разсматриваетъ, въ чемъ состоитъ ученіе штундистовъ и откуда оно появилось. На первый вопросъ отвѣчаетъ весьма неясно, въ нѣсколькихъ общихъ выраженіяхъ о сходствѣ ученія штундистовъ съ протестантами-анабаптистами; на второй,—что штундизмъ явленіе заносное, принесенное къ намъ отъ нѣмцевъ. По словамъ автора, онъ 10 лѣтъ наблюдаетъ за штундою въ центрѣ ея развитія, таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и констатируетъ, что въ эту мѣстность она занесена изъ Новороссіи, отъ херсонскихъ колонистовъ. Вслѣдъ за этимъ разсматриваются элементы общества, среди котораго появилась штунда: крестьянство, духовенство, интеллигенція (русская и польская) и евреи.

Изъ крестьянъ уклонились въ штунду большею частію низшіе слои, голяки, необезпеченные матеріально на родинѣ и потому принужденные искать пропитанія на сторонѣ. Долгія скитанія по раз-

нымъ краямъ пріучаютъ къ разнообразію, воспитываютъ индиферентизмъ ко всѣмъ формамъ быта и проявленіямъ жизни, въ томъ числѣ и къ религіи,—ослабляютъ традиціонную привязанность къ родной вѣрѣ и обрядамъ и слѣдовательно дѣлаютъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ стороннимъ вліяніямъ. А тутъ экономическое и нравственное давленіе нѣмца хозяина. Не мудрено, что голякъ уступаетъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ, словами мужичковъ, то положеніе, въ которое попадаютъ они у нѣмцевъ-хозяевъ на заработкахъ, и которое подготовляетъ ихъ къ штундѣ:

«Напялись мы до нимця, та й не знали потимъ, якъ выбратця одъ ёго. Въ середу и пятницю обидъ скоромный: все зъ молокомъ та зъ мясомъ; въ Петривку тожъ скоромне. Стали казать, щобъ намъ писный варили, такъ де тобі! не хоче нимець: каже, коштъ не будешъ за ти гроши, що даю. Та ще таке тоби верзе про посты, що лучче уши заткни. Цилыхъ 2 — 3 мисяци праздныка не знаешъ, все на роботи, въ церкви не буваешъ; руськи слободы не близько, а стань просытыця въ недилю у хозяина до церквы, то винъ зразъ тоби каже: иди въ нашу кирку, та все сміется зъ насъ» (стр. 16).

Нѣкоторые убѣгаютъ домой отъ такой обстановки, другіе привыкаютъ къ ней, и почва для штунды готова.

Что касается духовенства въ зараженномъ ересью краѣ, то оно, по мнѣнію автора, совсѣмъ не такъ низко стоитъ въ нравственномъ отношеніи, какъ пишутъ обыкновенно либералы; напротивъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія; жаль только, что не обезпечено матеріально и лишено возможности вліять на народъ посредствомъ школы. Далѣе—длинный панегирикъ церковно-приходскимъ школамъ. Причина появленія ереси та, что послѣ крѣпостнаго права, когда народъ очутился въ возможности, сверхъ насущнаго хлѣба, думать и о духовныхъ нуждахъ, онъ не былъ до сихъ поръ обезпеченъ надлежащимъ образомъ въ своемъ нравственномъ развитіи, не былъ надлежаще охраняемъ и утверждаемъ въ вѣрности кореннымъ основамъ и вѣковымъ формамъ своего бытія» (стр. 32). Жаль, что «охраненія» не дали въ руки духовенству.

Интеллигенція, напротивъ, не соотвѣтствуетъ своему высокому положенію—учителей простаго народа; она не утверждаетъ его въ вѣрѣ, но даже хвалитъ штунду въ печати, какъ «религію прогресса». Особенно развращающимъ образомъ, за немногими исключеніями, дѣйствуетъ мѣстная польская интеллигенція.

Евреи въ корчмахъ тоже помогаютъ проповѣдникамъ штунды, ругая поповъ и иконы.

Въ концѣ прошлаго года сталъ выходить въ Петербургѣ новый двухнедѣльный журналъ «Новь», съ неслыханно пестрымъ содержаніемъ. Въ двухъ его книгахъ (т. I, № 4—вторая половина декабря 1884 г., и т. II, № 5—первая половина января 1885 г.), въ отдѣлѣ критики и библіографіи, пріютилась весьма интересная историко-литературная статья г. Н. М. В. подъ заглавіемъ: *Иванъ Петровичъ Котляревскій. Критико-біографическій очеркъ.*

Русская литература, начинаетъ авторъ, выгодно отличается отъ другихъ европейскихъ литературъ однимъ весьма важнымъ достоинствомъ, подмѣченнымъ уже давно и повтореннымъ покойнымъ Тургеневымъ въ рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ,— «прямодушной правдою, отсутствіемъ лжи и фразы, простотою, откровенностью и честностью ощущеній». Достоинство это принадлежитъ ей давно, съ первыхъ шаговъ ея самостоятельнаго развитія, тогда какъ иностранная литература начинаетъ выставлять эти начала только теперь, и то какъ pia desideria. Какія-же причины этого явленія?

«Одна изъ причинъ, недостаточно выясненная нашей критикой, заключается въ томъ, что въ созданіи русской поэзіи участвовала не одна народность, но двѣ, хотя единовѣрныя и единокровныя, но выработавшія свою духовную физіономію подъ такими различными условіями быта, исторіи, климата и почвы, что было-бы нелѣпо ихъ національныя свойства смѣшивать въ одну народную сущность. Наоборотъ, въ русской литературѣ отразились и слились двѣ народныя сущности, не противоположныя, но взаимно восполняющія одна другую, и въ этомъ заключается тайна ея скораго и пышнаго разцвѣта. Подобное сліяніе имѣло мѣсто не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ литературахъ и вездѣ служило залогомъ высокаго развитія... Каждая народность, предоставленная самой себѣ, спѣшитъ довести свои врожденныя свойства до крайняго развитія, — и цивилизація такой народности будетъ отличаться исключительной односторонностію, а литература, въ которой долженъ преобладать элементъ или разсудочный, или чувствительный, будетъ носить въ себѣ признаки разложенія и фальши... Исключительность и правда враждебны одна другой. Только при сочетаніи двухъ элементовъ является художественная правда. Тургеневъ эти два элемента называетъ воспріимчивостью и самодѣятельностью, началомъ женскимъ и мужскимъ.

Въ русской литературѣ, къ счастью, эти два элемента слились во едино, потому что въ ея созданіи участвовали двѣ народности, общія по происхожденію, но различныя по характеру,—народности великорусская и малорусская». (Т. I, № 4-й, стр. 702—703).

Участіе малороссовъ въ выработкѣ общe-русской культуры начинается очень рано.

«Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кіевская ученость была возбуждающей силой для Москвы. Константинъ Острожскій, Смотрицкій, Петръ Могила, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій—вотъ единственные проводники между европейскою ученостью, правда — схоластической, и допетровской Москвой. Петръ выбиралъ среди малороссовъ ревностныхъ поборниковъ своихъ реформъ, какъ напримѣръ Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго, Ософана Прокоповича, Варлаама Кассовскаго, Ѳеодосія Яновскаго, Гедеона Вишневскаго, Ѳеофилакта Лопатинскаго и др.» (Ibid., стр. 703).

Впослѣдствіи малороссъ Гнѣдичъ первый создастъ русскій гекзаметръ и двадцать лѣтъ трудится надъ переводомъ Иліады, Капнистъ своей «Ябедой» первый послѣ Фонвизина создаетъ серьезную общественную комедію, Богдановичъ «Душенькой» освободилъ русскую литературу отъ оковъ ложно-классицизма и «оживилъ ее духомъ шутки и бодрой веселости».

«Но центральнымъ поэтомъ, сосредоточившимъ въ себѣ весь своеобразный геній Малороссіи и пріобщившимъ этотъ геній нашей литературѣ, былъ Гоголь. Онъ, можно сказать, вдохнулъ душу живую въ нашу поэзію и первый придалъ ей тотъ характеръ правдивости и человѣчности, которымъ мы по справедливости такъ гордимся. Да, этотъ характеръ придалъ ей Гоголь, а не Пушкинъ, не потому чтобы онъ былъ талантливѣе Пушкина, а потому, что онъ заставилъ звучать въ великорусской поэзіи струны ей дотолѣ чуждыя,—примиряющаго юмора, непритворной чувствительности и горячей любви къ человѣку, ко всякому человѣку вообще. Только Гоголь сдѣлалъ у насъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ фальши и условности, только онъ приготовилъ появленіе Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого». (Ibid., стр. 704).

Послѣ Гоголя малорусская народность, почуявъ собственныя силы, направила ихъ къ созданію собственной литературы. Пока литература эта воспроизводила чисто народные идеалы, ей достаточно было и исключительно малороссамъ свойственныхъ качествъ—сосредоточенной глубины чувства и юмора, «въ которомъ нераз-

рывно сливаются злоба и нѣжность, насмѣшка и любовь». Апогеемъ развитія въ этомъ направленіи были произведенія Шевченка. Но лишь только малорусскіе писатели захотѣли коснуться культурныхъ сторонъ общественной жизни, національныхъ качествъ малорусскаго характера оказалось недостаточно; а такъ какъ они пожелали замкнуться исключительно въ кругу этихъ качествъ, то вырожденіе малорусской поэзіи пошло быстрымъ шагомъ.

Всѣ малорусскіе писатели, до Шевченка, должны быть изучаемы, какъ элементы, подготовлявшіе почву для появленія его генія.

«Но есть и другая исходная точка при изученіи украинскихъ писателей. Юморъ и чувствительность малорусскаго генія оказали громадное вліяніе на нашу литературу, служили основнымъ элементомъ при ея созиданіи,—и поэтому всякое проявленіе этого генія для насъ фактъ не случайный, а глубоко поучительный, имѣющій связь съ нашей родной поэзіей. Изученіе малорусскихъ писателей для насъ крайне важно, и въ особенности такихъ, въ произведеніяхъ которыхъ наиболѣе ярко отразились основныя свойства малорусской натуры. Родоначальникомъ этихъ писателей по справедливости слѣдуетъ считать Котляревскаго, и потому его жизнь и поэтическая дѣятельность имѣютъ такое-же право на наше вниманіе, какъ и на вниманіе природныхъ малороссовъ». (Ibid., стр. 705).

Затѣмъ авторъ излагаетъ біографію Котляревскаго, совмѣстно съ его литературной дѣятельностью и оцѣнкой его произведеній. На фактахъ біографіи мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они и безъ передаваемой нами статьи хорошо извѣстны, а посмотримъ, какъ г. Н. М. В. смотритъ на «Энеиду», «Наталку-Полтавку» и другія творенія Котляревскаго.

По окончаніи полтавской гимназіи Иванъ Петровичъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному помѣщику малороссу. Здѣсь, къ концу 1795 года, 26 лѣтъ отъ роду, онъ начинаетъ набрасывать начерно строфы «Энеиды».

«Прежде чѣмъ выяснить значеніе этой поэмы, намъ сперва необходимо опредѣлять, какъ она зародилась въ мозгу поэта, какія жизненныя явленія вызвали идею о ней. Глухая Украйна конца прошлаго столѣтія и пародія Виргилія, патріархальные помѣщики С—іе съ ихъ балбесами-племянниками и насмѣшка надъ классическими богами и героями, все это такіе разительные контрасты, которые невольно наводятъ на размышленіе. Какимъ образомъ бурсацкій виршеплетъ понялъ художественную несостоятельность «Энеиды», какъ Эней очутился въ золотопош-

скомъ уѣздѣ полтавской губерніи, переодѣтый въ малороссійскую свиту и чоботы? Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ очутиться въ такомъ медвѣжьемъ углу, Эней совершилъ довольно далекое странствіе, перемѣнивъ на себѣ не одинъ костюмъ и не одну маску». (Ibid., стр. 706).

Впервые «Энеида» подверглась пародированію у француза Скаррона, этого «шута, поэта и философа въ одно и то-же время». Другая замѣчательная передѣлка Энеиды появилась въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка въ Вѣнѣ и принадлежала перу нѣмца Блумауера. Эта пародія попала въ руки россійскаго стихотворца Николая Осипова и окончательно «раздѣлана имъ подъ орѣхъ», выражаясь примѣнительно къ кабацкому языку произведенія Осипова. Въ то время какъ Скаррону и Блумауеру нуженъ былъ только предлогъ для сатиры надъ ихъ отечественными пороками, цѣль Осипова заключалась единственно въ кабацкомъ смѣхотворствѣ, такъ какъ публика, которой адресована была россійская «Энеида» не имѣла ровно никакого представленія о предметѣ, подвергшемся вывороту на изнанку. Эта-то знаменитая поэма Осипова «въ Энеевомъ вкусѣ» и попалась Котляревскому и послужила стимуломъ къ его «Виргиліевой Энеидѣ, на украинскую мову перелицованной». Вопросъ о томъ, кто для кого послужилъ образцомъ, Котляревскій-ли для Осипова, или наоборотъ, рѣшается авторомъ въ пользу первенства Осипова на основаніи слѣдующихъ соображеній:

«Первое изданіе «Энеиды» Котляревскаго было сдѣлано въ 1798 г., безъ его вѣдома, какимъ-то черниговскимъ помѣщикомъ Пурпурою, которому авторъ далъ поэму только для списанія. Вотъ этотъ-то Пурпура, по отзывамъ всѣхъ біографовъ Котляревскаго, былъ осмѣянъ въ строфѣ о «мацапурѣ» и осмѣянъ не за присвоеніе себѣ чужаго творчества (въ изданіи г. Пурпуры авторомъ названъ Котляревскій), а лишь за промыселъ чужимъ добромъ. Первое-же изданіе «Энеиды» Осипова появилось въ 1791 году, слѣдовательно за семь лѣтъ раньше малороссійской передѣлки. Но мы знаемъ, что еще къ концу 1795 года Котляревскій писалъ на лоскуткахъ свою «Энеиду», въ то время никому неизвѣстную даже въ Малороссіи, а тѣмъ менѣе въ Петербургѣ. Въ 1791 году Котляревскому было всего 21 годъ; онъ былъ еще въ бурсѣ, но ни одинъ изъ его товарищей по бурсѣ не упоминаетъ, что-бы онъ уже тогда писалъ свою «Энеиду». Принимая-же во вниманіе, что «Энеида» Осипова представляетъ искаженную копію съ передѣлки Блумауера, мы приходимъ къ неопровержимому выводу, что первенство

по времени принадлежитъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій». (Ibib., стр. 708).

Какъ-же вышло, что подражаніе такому шутовскому произведенію, какъ «Энеида» Осипова, сдѣлалось безсмертнымъ твореніемъ? Причины этого—какъ въ талантѣ писателя, такъ и въ историческихъ обстоятельствахъ времени появленія поэмы. Малороссы, обреченные на усвоеніе чуждыхъ, сосѣднихъ культуръ, всегда однако хранили въ себѣ безсознательно любовь къ родному языку, обычаямъ и, главное, къ славной своей исторіи. Усвоенная культура обрекала всѣ эти вещи на посмѣяніе, какъ принадлежащія простонародью, а внутреннее чувство тяготѣло къ нимъ. Вотъ почему малороссійскіе паны упивались смѣшными украинскими анекдотами, полными національнаго юмора. Они относились къ нимъ свысока только потому, что ложный стыдъ культурнаго человѣка мѣшалъ признаться къ народнымъ произведеніямъ, стать открыто на сторону народнаго генія. Нуженъ былъ только писатель, «который, подъ предлогомъ насмѣшки, раскрылъ-бы предъ культурными людьми всѣ сокровища языка и духа украинскаго простонародія, предъуготовливая такимъ образомъ путь для будущаго вдохновеннаго пѣвца».

«Этимъ писателемъ и былъ Котляревскій, который, приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ вначалѣ только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ простонароднаго быта, написанными на малороссійскомъ языкѣ. Но, изучая для этого народный языкъ и нравы, Котляревскій безсознательно исполнялъ великую историческую миссію. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ онъ проникалъ все глубже въ народную жизнь, его отношеніе къ ней мѣняется, безсознательная миссія разъясняется въ его душѣ, и онъ пользуется знаніемъ народной жизни не для издѣвательства надъ ней, а для поэтическаго ея воспроизведенія, пробудивъ своими прежними произведеніями интересъ и любовь культурныхъ читателей къ языку и быту простонародья. Такимъ образомъ дѣятельность Котляревскаго распадается на два періода: безсознательнаго народничества и сознательнаго. Къ первому періоду относится большая часть «Перелицованной Энеиды», ко второй—послѣднія пѣсни этой поэмы и, главнымъ образомъ, драматическія произведенія Котляревскаго». (Стр. 709—710).

Изъ сказаннаго вытекаютъ и достоинства и недостатки «Энеиды».

«Главное достоинство ея—народность, выражающаяся, во первыхъ, въ языкѣ, подслушанномъ у народа и впервые отлитомъ въ литературныя формы, во вто-

рыхъ, въ народномъ бытѣ, описанномъ живыми и талантливыми штрихами и въ третьихъ, въ народномъ юморѣ, разлитомъ по всему произведенію. Главный недостатокъ «Энеиды» — отсутствіе цѣльности въ замыслѣ и въ исполненіи: народная поэма была задумана съ намѣреніемъ позабавиться на счетъ народа!... Цѣльность поэмы страдаетъ и отъ того, что послѣднія пѣсни, когда отношеніе Котляревскаго къ народу стало измѣняться, написаны въ другомъ тонѣ, нежели первыя». (Ibid., стр. 712).

Успѣхъ «Энеида» имѣла колоссальный. Она разошлась въ громадномъ количествѣ списковъ до напечатанія, а по напечатаніи въ 1798 году, въ теченіи 11 лѣтъ, выдержала 4 изданія. Одинъ экземпляръ попалъ даже въ походную библіотеку Наполеона I и завезенъ имъ въ Парижъ. Общественное мнѣніе признало «Энеиду» основаніемъ малорусской поэзіи, «но не столь согласны были приговоры о ней критики».

Далѣе разбирается двукратное сужденіе объ «Энеидѣ» Кулиша: одно, 60-хъ годовъ, въ которомъ онъ не находитъ словъ для порицанія Котляревскаго за каррикатурное изображеніе малорусскаго народнаго характера и за насмѣшку надъ народнымъ языкомъ, другое 80-хъ годовъ, гдѣ Котляревскій превозносится за демократизмъ, за то, что «онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами... и все олимпійское барство обратилъ въ мужицкую простоту». «Выходитъ, слѣдовательно, остроумно замѣчаетъ г. Н. М. В., что Котляревскій имѣлъ намѣреніе смѣяться не надъ простолюдиномъ, а надъ барствомъ, надъ сильными міра, но такъ искусно скрылъ свое намѣреніе, что г. Кулишу понадобилось 20 лѣтъ размышленій, чтобы проникнуть въ него».

Выше авторъ замѣтилъ, что ко второму періоду настроенія Котляревскаго, времени искренней любви къ народу, относится созданіе его драматическихъ произведеній: «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чаривныка». Первую пьесу г. Н. М. В. называетъ «комедіей типовъ» и защищаетъ ее отъ упрека въ тогдашнемъ общерусскомъ литературномъ сентиментализмѣ.

«Правда, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» несомнѣнно звучитъ сентиментальная нотка; правда и то, что въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка господствовало сентиментальное направленіе; но между сентиментальностью Карамзина и его послѣдователей, съ одной стороны, и Котляревскаго—съ другой, лежитъ цѣлая бездна. У Карамзина чувствительность была болѣзненная, жеманство-

ванная съ Запада, чуждая великорусскому характеру, и потому успѣхъ ея былъ крайне недолговѣченъ... Не то было съ Котляревскимъ. Чувствительность въ его пьесахъ была почуть не заимствованная извнѣ, а почерпнутая изъ самыхъ тайниковъ національнаго духа украинцевъ» (Ш. Н, № 5-й, стр. 129).

Затѣмъ авторъ для иллюстраціи къ только что высказанному имъ проводитъ параллели между аналогичными положеніями персонажей Карамзиновской «Бѣдной Лизы» и «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, и каждый разъ находитъ, что лица «Наталки-Полтавки» поступаютъ вполнѣ естественно, сообразно съ данными обстоятельствами и своимъ національнымъ характеромъ, между тѣмъ какъ въ «Бѣдной Лизѣ» они просто ломаются.

«Москаля-Чаривныка» авторъ называетъ «забавнымъ водевилемъ изъ народной жизни, въ которомъ много шаржа и случайностей, но весельѣ котораго нѣтъ ни одной пьески среди всѣхъ, посвященныхъ изображенію народнаго быта».

Художественная дѣятельность Котляревскаго оканчивается 1819 годомъ. Въ 1822 году его избрали членомъ петербургскаго общества любителей россійской словесности; литературная извѣстность его къ этому времени достигла довольно обширныхъ размѣровъ. Иванъ Петровичъ умеръ въ 1838 году, на 70-мъ году жизни, въ родной Полтавѣ, среди всеобщей любви и почитанія.

«Въ 1869 г. кружокъ полтавцевъ торжественно отпраздновалъ столѣтній юбилей дня рожденія Котляревскаго, имя котораго навсегда останется памятнымъ въ Малороссіи не столько потому, что Котляревскій былъ великій талантъ, какъ потому, что ему выпало счастье быть иниціаторомъ, первымъ народнымъ поэтомъ, отцомъ малорусской литературы. Струны юмора и чувствительности, впервые имъ затронутыя, продолжали звучать во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ украинской поэзіи. Но особенно явное подражаніе Котляревскому видно въ слѣдующихъ произведеніяхъ малорусской литературы: въ «Горпинидѣ» П. И. Бѣлецкаго-Носенка, «Гараськиныхъ одахъ» П. П. Артемовскаго-Гулака, «Жабомышодраківкѣ» К. Д. Думитрашкова, «Патретѣ» Квитки-Основьяненка, затѣмъ—въ комедіяхъ и операхъ Гоголя—отца, Я. Кухаренка и др. Котляревскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ литературнымъ иниціаторамъ, произведенія которыхъ имѣютъ не одно историческое, но и художественное значеніе и спустя почти столѣтіе послѣ своего написанія еще читаются съ живымъ интересомъ. Котляревскій бросилъ первое зерно той богатой жатвы, которую впослѣдствіи собралъ Шевченко, и недаромъ этотъ въ лучшемъ

смыслѣ слова народный пѣвецъ посвятилъ памяти Котляревскаго одну изъ самыхъ прочувствованныхъ своихъ думъ»... (Ibid., стр. 133).

Хорошо сдѣлалъ авторъ переданной нами статьи, что въ концѣ ея приложилъ для интересующихся предметомъ «библіографическій указатель сочиненій Котляревскаго и о Котляревскомъ», который мы дополнимъ указаніемъ на статью о Котляревскомъ въ галицко-русскомъ журналѣ «*Світъ*» за 1881 годъ, гдѣ между прочимъ высказано объ одѣ Котляревскаго «до князя Куракина» мнѣніе, замѣчательно сходное съ мнѣніемъ о томъ-же г-на Н. М. В.

Замѣтимъ кстати, что въ одной изъ тѣхъ-же книжекъ «Нови», именно въ т. I, № 4-мъ, напечатанъ новый разсказецъ П. А. Кулиша—«*Дѣдушкинъ завѣтъ*», заслуживающій упоминанія на страницахъ нашего журнала хотя-бы потому, что самъ г. Кулишъ теперь нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ уже исторіи.

Объ кіевскія газеты, «Кіевлянинъ» и «Заря», впродолженіе истекшаго года не только своевременно отзывались на извѣстныя явленія, такъ или иначе относившіяся къ мѣстной исторіи, но удѣляли на своихъ столбцахъ мѣсто даже историческимъ документамъ. На статьяхъ, вызванныхъ злобой дня, мы останавливаться не будемъ, а только перечислимъ ихъ параллельно въ обѣихъ газетахъ; помѣщенные-же документы, въ интересахъ исторіи, позволимъ себѣ привести цѣликомъ.

Въ январѣ прошлаго года, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, скончался заслуженный въ наукѣ южно-русской этнографіи Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Въ «Кіевлянинѣ» (№ 17) помѣщенъ некрологъ его, написанный Ив. Новицкимъ. Въ «Зарѣ» (№ 15), кромѣ некролога, принадлежащаго г. В. А., напечатаны и подробныя рѣчи, сказанныя на похоронахъ Чубинскаго гг. Кулябкой, Науменкомъ и покойнымъ А. О. Кистяковскимъ.

2 февраля исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Гнѣдича, автора приснопамятной «Иліады», родившагося и воспитывавшагося въ Полтавѣ. Объ газеты почтили память его статьями: въ «Зарѣ» въ день годовщины (№ 27) памяти Гнѣдича посвящена передовая статья, а въ «Кіевлянинѣ», тоже начиная со 2 февраля, въ трехъ номерахъ (№№ 27, 28 и 29) помѣщены довольно обстоятельныя

біографическія замѣтки г-на П. С., подъ заглавіемъ «Къ столѣтней годовщинѣ Николая Ивановича Гнѣдича».

По выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова: «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX ст.», въ обѣихъ газетахъ помѣщены рецензіи на нее, въ «Кіевлянинѣ» (№ 43) г. Ив. Новицкаго, въ «Зарѣ» (№ 48) обстоятельная рецензія г. М-на, и еще раньше, въ № 37, замѣтка на ту-же книгу: «Судьбы украинской литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи».

Обѣ газеты въ теченіи августа и сентября, по случаю 50-лѣтняго юбилея университета св. Владиміра, помѣстили массу замѣтокъ, такъ или иначе касающихся исторіи университета, причемъ «Кіевлянинъ» очевидно пользовался офиціальными свѣдѣніями и потому далъ болѣе матеріала. Всѣ эти замѣтки, впрочемъ, утратили свой интересъ послѣ появленія исторіи университета профессора Владимірскаго-Буданова.

Та и другая газета своевременно давала публикѣ отчетъ о засѣданіяхъ и чтеніяхъ мѣстнаго историческаго общества Нестора-лѣтописца.

Остановимся теперь на каждой газетѣ отдѣльно. «Кіевлянинъ» помѣстилъ въ нѣсколькихъ номерахъ (№ 60, 61, 65 и 66) «*Очеркъ развитія малорусской штунды*», неизвѣстнаго автора. Очеркъ написанъ на основаніи газетныхъ корреспонденцій и журнальныхъ статей; о достоинствѣ его можно судить по отзыву объ этомъ очеркѣ г-на П. Л. въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины».

Въ той-же газетѣ два неодинаковой достовѣрности сообщенія. По поводу помѣщеннаго въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» портрета русской княжны Анны Ярославны, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха I, въ № 152 сообщалось, будто объ этой княжнѣ готовится ученымъ православнымъ монахомъ о. Августиномъ Мовильономъ, французомъ по происхожденію, цѣлое сочиненіе, основанное въ значительной степени на неизвѣстныхъ доселѣ источникахъ. Извѣстіе это, обошедшее всѣ почти газеты, оказалось ни на чемъ не основаннымъ. Иного рода сообщеніе о томъ, что высокопреосвященный митрополитъ Платонъ испросилъ у Государя Императора позволеніе возстановить славную межигорскую обитель, эту драгоцѣнную по историческимъ воспоминаніямъ руину, храмы которой стоятъ почти въ запустѣніи съ 1798 года, когда она по

распоряженію правительства обращена была въ фаянсовую фабрику («Кіевлянинъ», № 148).

Не лишены интереса также выдержки изъ доставшагося редакціи «Кіевлянина» «*Росписанія доходовъ и расходовъ губернскаго города Кіева, 17 сентября 1831 года*» (№ 16).

«Изъ документа этого видно, что въ 1831 г. всѣ доходы города равнялись 243 тыс. руб. ассигнац., что составляетъ рублями металлическими около 81,000 р., между тѣмъ какъ по отчету 1882 года доходы города равняются почти милліону рублей кредитныхъ, или считая по курсу въ 60 коп. металлическихъ, 600 тысячъ руб. металлическихъ. Расходы въ тоже время были опредѣлены въ 209 тыс., такъ что предполагалось сбереженія 34 тыс. руб.»

Газета сравниваетъ дальше различныя статьи дохода и расхода того времени съ настоящими и отмѣчаетъ несуществующіе нынѣ источники доходовъ, напр. питейный откупъ, или «съ эквилибристовъ, ташеншпилеровъ, штукмейстеровъ и отъ театра—500 р.» Изъ статей расхода интересна—содержаніе городскаго общественнаго управленія, которое обходилось въ 20,270 руб., причемъ войтъ получалъ 700 р., два бухгалтера по 250 р., четыре ратсгера по 200 р.

«Содержаніе словеснаго суда обходилось всего въ 420 р., изъ коихъ лавникъ получалъ 100 р., инстигаторъ 80 р., урядникъ 80 р., и 2 разсыльщика по 80 р.» «На народное образованіе расходывалось 4,000 руб. въ настоящее время до 65,000 р.; расходы на врачебную помощь заключались въ платѣ городовому врачу, въ настоящее время на больницы и врачей расходуется 72 т. рублей» («Кіевл.», № 16).

Но дѣйствительно важное историческое значеніе имѣютъ два документа, напечатанные «Кіевлянином» и относящіеся къ извѣстной успенской церкви въ г. Переяславѣ, въ которой по преданію присягалъ на вѣрность московскому царю Богданъ Хмельницкій. 10 августа (№ 178) въ газетѣ помѣстилъ какой-то «любитель старины» замѣтку, въ которой негодуетъ на то, что по распоряженію епархіальнаго начальства имѣетъ быть въ скоромъ времени разрушена въ Переяславѣ успенская церковь, стоящая въ центрѣ города, въ «Замковищѣ», въ которой по преданію присягалъ 8 января 1654 г. Богданъ Хмельницкій и въ которой хранятся до сихъ поръ крестъ и евангеліе, употребленные при присягѣ. Разнохарактерность постройки зданія собственно и дала поводъ автору замѣтки думать, что старая успенская церковь, обреченная на сломъ, въ своемъ остовѣ

есть именно знаменитая церковь Хмельницкаго. Эту ошибку раздѣляли многіе. Было доведено о церкви до свѣдѣнія президента академіи художествъ, великаго князя Владиміра Александровича, который озаботился дать средства для поддержанія древняго храма и командировалъ на мѣсто депутата отъ академіи художествъ для осмотра зданія. Но мѣстное епархіальное начальство и предсѣдатель мѣстнаго комитета о. Терлецкій не согласились почему-то съ мнѣніемъ нѣсколькихъ членовъ на счетъ древности церкви и приготовляли матеріалъ для постройки новой, каменной на ея мѣстѣ. Пошли пререканія съ обѣихъ сторонъ, члены комитета раздѣлились, почетныя лица города перестали въ немъ участвовать. Дѣло принимало неблаговидный оборотъ. Къ счастію, мѣсяца черезъ два послѣ замѣтки «любителя старины» въ редакцію «Кіевлянина» была прислана изъ Переяслава другая замѣтка, г. Т., съ двумя документами, которые рѣшили споръ. Оказалось, что нынѣшняя обветшавшая успенская церковь построена прихожанами въ 1767 году, на мѣстѣ сгорѣвшей исторической. Одинъ изъ документовъ—копія указа епархіальнаго архіерея о постройкѣ нынѣшней успенской церкви, другой—копія контракта мастера съ причтомъ и прихожанами. Вотъ эти документы: («Кіевлянинъ», № 229).

I. «Божію милостію смиренный Гервасій, епископъ переяславскій и борисопольскій. Всечестному протопопу переяславского полку Скрышинскому, Божіе благословеніе препосылая, предлагаемъ. Настоящаго 1767 года іюня 1 дня, священникъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы верхняго гарнизоннаго переяславскаго города Андрей Бердо съ прихожанами тоя церкви поданнымъ намъ пастырекъ доношеніемъ представляли: прошлаго де 1761 года, изволеніемъ Божіимъ, церковь ихъ приходская большая Успенія Богоматере, бывшая о трехъ престолахъ, до основанія сгорѣла, на мѣсто которой устроена была небольшая съ хоромнаго строенія, пока къ строенію по надлежащему большой церкви дерева и прочихъ принадлежащихъ матеріаловъ изготовили. А яко де нынѣ уже какъ деревьевъ, такъ и другихъ матеріаловъ довольное число пріуготовленно, и майстеръ уконтрактованъ и за Божіимъ благословеніемъ желаютъ оную начать на прежнемъ мѣстѣ, такъ же о трехъ престолахъ, съ коихъ будетъ первый, средній, престолъ во имя Успенія Пресвятыя Богоматире, другой, по правую сторону, во имя святаго Іоанна Предтечи, третій, съ лѣвой стороны, во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, для того просили на заложеніе показанной ихъ о трехъ престолахъ церквы нашего благословенія: того ради мы пастыръ всечестности вашей предлагаемъ и показанную новую цер-

ковъ во имя Господне, въ честь Успенія Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы и Приснодѣвы Маріи и во имя святыхъ великаго Іоанна Предтечи и первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, по чиноположенію святыя восточныя церкви, заложити благословляемъ, а по заложеніи въ консисторію нашу репортовати; 1767 года іюня 2 дня. Въ подлинномъ тако: вышеименованный Гервасій епископъ».

II. «1766 года ноября 6 дня. Я нижеподписавшійся полку переяславского, житель сотнѣ бубновской, села Сошховъ, майстеръ Евстратій Прохоровъ, даю сей контрактъ церквы Успенской переяславской презвитеру Андрею Берлу съ прихожанами въ томъ, что подрядился я нижеподписанній строить церковь Успенія Богоматере крижовую (въ формѣ креста) на три престола съ предѣлами, на косй и главъ три имѣетъ быть... за цѣну деньгами сто девятдесятъ рублевъ, съ харчей, яко то: житного борошна четвертковъ новой мѣры 40, гречаного тоже, пшеничного 10, сала пудовъ 10, пшона 10, олѣи три ведра, спвухи здѣшней роботы 10 кадокъ, рыбы иголнѣ (иголкою низанной) 4 тысячи, барановъ 10, когда востребуется, работникамъ капусти дѣжка, бураковъ дѣжка, квартера, кухаръ, горшки, миски и ложки, при закладѣ сукна на кунтушъ товарового пять локотъ съ подовияною, и за всю вышеписанную сумму имѣю я нижеподписанній означенную церковь строить съ крайнимъ моимъ раченіемъ, скоропоспѣшно и неостановительно, подъ потраніемъ, за состановкою моего дѣла, всей посуленной отъ нихъ суммы, въ томъ и подписуся. Майстеръ Евстратій Прохоровъ».

«Изъ приведенныхъ документовъ, говоритъ г. Т., ясно видно, что зданіе успенской церкви XVII вѣка, въ коей присягалъ Богданъ Хмельницкій, 8 января 1654 года, съ малороссійскимъ народомъ на вѣрноподданство Россіи, сгорѣло до основанія въ 1761 г. На мѣстѣ сгорѣвшей церкви построена была маленькая церковь, въ родѣ часовни, на время, изъ простаго жилаго зданія. Затѣмъ уже въ 1767 году, прихожане, собравшись съ силами, начали строить на старомъ мѣстѣ новую деревянную церковь о трехъ престолахъ и трехъ главахъ. Но похожа-ли эта церковь была на сгорѣвшую въ своемъ планѣ и фасадѣ, изъ документовъ не видно. Несомнѣнно только, что церковь построена на прежнемъ мѣстѣ и что главный престолъ во имя Успенія Божіей Матери. Значитъ, памятникомъ XVII вѣка служитъ не зданіе церкви, а мѣсто, ею занимаемое, и ея имя. Это-то и нужно сохранять и увѣковѣчивать, если не сохранилось самое зданіе».

Въ 47 номерѣ «Зари» также помѣщенъ любопытный документъ, дополняющій извѣстный «Сборникъ матеріаловъ для исто-

рической топографіи Кіева» и трактующій о «*Шевномъ дворѣ*» на Подолѣ. Документъ появился въ газетѣ по слѣдующему поводу. Въ январѣ прошлаго года окончился процессъ между кіевскимъ сапожнымъ цехомъ и мѣщанами г. Кіева о владѣніи *Шевнымъ дворомъ*, что на Подолѣ, противъ такъ называемой толкучки. Дворъ этотъ купленъ былъ кіевскимъ шевскимъ цехомъ въ 1609 г. у бѣлгородскаго священника Киріака Исаевича, за 140 коп. литовскихъ. Король Сигизмундъ III выдалъ сапожному цеху въ 1619 году грамоту на право пользованія купленнымъ дворомъ, а Владиславъ II впослѣдствіи подтвердилъ ее. Но такъ какъ *шевцы* прежде составляли часть мѣщанъ кіевскихъ, то дворомъ владѣли вообще мѣщане. Мѣщане продолжали владѣть имъ и по отдѣленіи отъ ремесленниковъ сословно. Но нынѣшній сапожный цехъ г. Кіева, считая себя прямымъ преемникомъ «шевского цеху», предъявилъ къ мѣщанской управѣ искъ о «Шевномъ дворѣ» и отобралъ его у мѣщанъ по рѣшенію окружнаго суда, причемъ дѣло въ пользу сапожниковъ, по сообщенію редакціи, рѣшила упомянутая выше грамота Сигизмунда III, которая читается такъ:

«Жикгимонтъ третій, Божію милостю король полскій, великій князь литовскій, руский, прускій, мазовецкій, жимонтскій, инфлянтскій, шведскій, готскій, вандалскій, дедичный король. Oзнаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ посполите и каждому зособна, нынешнимъ и напотомъ будучимъ: показовали передъ нами мещане киевские присуду замкового, то есть цехмистръ шевецкій и все братте цеху шевецкого и гарбарского (кожемяки) выписъ съ книгъ земскихъ киевскихъ, подъ датою року тисеча шестсотъ девятого, мисяца октября пятого дня для продажи вечистое пляцу и дому съ коморами и всимъ будованемъ въ месте нашомъ киевскомъ, межи домами съ одное стороны Макаровича, зъ другое монастыра печерского, тыломъ къ дому Севастскова, а воротами ку улици рыковой лежачий, котораго-то пляцу и дому (у) Кирияка Исаевича попа белогородскаго и у жены его за певную суму пенезей, то есть за сто и сорокъ коп литовскихъ досталя и купили на вѣчность собе самымъ и наступникомъ своимъ, яко-то въ томъ выписе виражено есть; и были намъ челомъ пречоные мещане, абыхмо ихъ при томъ пляцу и дому, яко власное куплі ихъ вечистое, заховали и водлугъ давнихъ правъ и звычаевъ ихъ на томъ пляцу шопы и коморы для продаваня товаровъ разныхъ побудовать позволили. А такъ мы, король, бачечи быть въ томъ челомбите ихъ слушное, того всего, чого рѣчь и слушность самая потребуетъ, не одмовилисмо, и овшемъ, заховавши ихъ самихъ и наступниковъ ихъ при томъ пляцу и доме, яко

при власномъ кгрунте ихъ, на вѣчные часы, надто шопы и коморы, для продаванія товаровъ ихъ, тымъ то мещаномъ побудовати позволили есмо и тымъ листомъ нашимъ затверженне тое купли позволяемъ; волни водлугъ волности и правъ давныхъ ихъ, наданихъ темъ, шевци, яко и гарбари, ганделевати и оные продавати, и ихъ наступники на всѣ потомные часы, безъ вшелякихъ податковъ местскихъ, въ чемъ имъ мещане киевские права майдебургского и тежъ врядъ замковий киевский жадное перешкоды и перенагабанія чинити не маютъ и не будутъ съ повинности своей и для ласки нашое королевское. И на то далисмо сей нашъ листъ съ подписомъ руки нашое, до которого и печать нашу коронную притиснути есмо казали. Писано у Варшаве, лета Божого нароженя тисеча шестсотъ девятнадцать, месяца марца дванадцетаго дня, панованя нашого полского тридцать второго, а шведского двадцеть шостого року. Sigismundus Rex. Florian Oleszko, woisky Wlodzimirsky Pisarz. 3 Maji 1619, cechmistrz pomieniony per oblatam podał do Ksiąg grodskich Kijowskich. Przyiołem Michał Myszka Choloniewsky. Conserwatia placu kupnego mieszczanom kijowskim szewskiego cechu na zbudowanie krammic i na sprzedawanie towarow ich szewskich». («Заря» 1884 г., № 47).

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ той-же газетѣ, №№ 229 и 231, напечатанъ краткій очеркъ исторіи кирилловской церкви и сообщеніе о ходѣ работъ въ ней проф. Прахова; въ № 273—рецензія на вторую часть украинскаго альманаха «Рада».

Ѳ. Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

1885 г. „ВОЛЫНЬ“, г. 1885.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седмой годъ своего существованія съ началомъ 1885 года, газета **„ВОЛЫНЬ“** будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. — к.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногородныхъ съ пересылк. .	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при перемѣнѣ адреса прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ **К. И. Коровицкій.** Издатель **И. И. Коровицкій.**

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ . . .	7 руб. — к.	На 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголъ Шулявской и Кузнечной у„ д. насл. Шульгина).

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

«Виленскій Вѣстникъ», давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.	— полгода	5 р. — к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяцъ.	— р. 80 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Гравированный съ оригинала Боровиковскаго академикомъ В. А. Бобровымъ портретъ знаменитаго композитора нашего Д. Ст. Бортнянскаго, съ маленькими портретами Дамаскина и Львова, продается въ оттискахъ для любителей и собирателей гравюръ до подписи (a vant la lettre) по 10 р., а остальные по 2 р. На упаковку и пересылку прилагается особо по 1 р. Адресоваться къ Виктору Алексѣевичу Боброву. С.-Петербургъ. Васильев. Остр., л. 13, д. № 42, кв. № 3.

16. Парфененку даны за медь 12 рублей.

17. Золотарю Івану Сергуну данъ на позолоту чирвоный, ему-жъ на живое срѣбро 18 к. Івану Пищолцѣ данъ до оправованя рондзикъ и 30 к. Отехалъ зъ Стародуба, почовалъ въ Левенцѣ.

18. Рано одтоль віехавши, обѣдалъ въ Случку и тамъ за скопщину взято у Киселка конь и кобилка. На ночь прибылъ въ Перегонъ.

19. Отехалъ въ Погаръ и тамъ почовалъ.

20. На силу приняли гнѣдого коня за Борщовцѣвъ въ 10 р., которій и посланъ чрезъ погарского человѣка, якому на дорогу даны 1 р. 50 к. Обѣдали у мене прапорщикъ тобольского полку Алексій Ивановичъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій Христичевскій. Драгуну дано 5 к. На рибу пошло 22 к.

21. Послѣ службы Божой посвящали дворъ и хати на Василіовцѣ. Священникамъ и прочімъ причетникамъ дано 47 к. Іванъ Мелниченокъ отклонился, которому и дано 25 к. За Гришка Шрама Микрунова, на липіи работавшого, который долженъ былъ 11 осмачокъ овса, заплатили Куровци шесть рублей. Нѣмому данъ кунтушъ зеленій мой.

22. Виехалъ зъ Перегону, былъ въ Левенцѣ, прибылъ въ Стародубъ. Переездомъ въ Случку за Рубанову кобилу велѣлъ заграбить у Романовичового подданного Клима Мигаля два копѣ, обѣдаючи у Коменка.

23. Ради тезоименитства у полковника нашего обѣдали, которому окончилось 63 года, и до позна гуляли.

24. За офарбованне габи 25 к., за вичинку лисицъ и зайцовъ Чубѣ 15 к. Розышлось на розницю 9 к. Прапорщикъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій были у мене. За муку браную передъ симъ у колачниковъ 36 к., за булки 24 к.

25. Даны до роблення Максиму шапочнику два муфи зъ медведя для мене и для Василка, а для панеи зъ огонковъ куничихъ, да на шію ожерѣля съ огонковъ-же и кучму зъ чорного баранка. На нитки 3 к.

26. Куплли до кузнѣ дворовой ковадло и мѣхъ за 3 р. 50 к. у коваля Силка, которому данъ 1 р. Кунтушъ мнѣ покроенъ зъ кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7 к. Василковѣ кунтушикъ, кафтаникъ и штаны покроены; на потребы дано

8 к. Куплено выбойки 3 локтя зъ ¼, за которую дано 81 к. Далъ Плешковъ зять на пенку 10 р. Шабелнику дано 10 к. Посланы писма въ Глуховъ, чрезъ сторожа Івана Гриневича, до пана Скоропадского, до Валкевича и привилегіи и маппу, и до Юркевича.

27. Даны остатные Парфененку за медъ 10 р. Розышлось на розницю 6 к.

28. За шлеи до станка конского, що подкововать коней, 18 к., живодіорамъ 4 к. Розышлось 6 к.

29. За шкуру Чубѣ овечую 18 к. На питки и кузѣки 4 к. Карноуху 16 к., за 2 смушки бѣлихъ 8 к.

30. За пошите ковдри 20 к. Привозившему родинный хлѣбъ молодику 20 к., отъ п. Андрея Миклашевского, которому вчора родилась дочь Екатерина. На питкѣ Чубѣ и кравцю 10 к. На розницю розышлось 5 к. Куплено жита осмачокъ, дано за опос 14 р. 16 к. Дѣвцѣ за булки и за кури 18 к. Маляру Петру 3 р. 50 к.

Декабрь.

1. Confessus communicavi. Розышлось на розницю 46 к. За пошите кунтушика Васевѣ 10 к. За зелѣзо Евдашцѣ 5 к.

2. Рано отехали до Нижнего на крестины и тамъ весь день пробавили и почовали. Розышлось 55 к.

3. И весь день тамъ-же въ Нижніомъ пробавили и уже на ночь пріехали въ Стародубъ.

4. За роботу жупана и габяна блакитного для Івана Лучанского 20 к.

5. Віехали зъ Стародуба и пообѣдавши въ Левенцѣ, прибыли до Перегону.

6. Обѣдали у насъ въ Перегонѣ Григоріева Гамалііпа, Дзевулская и Галецкая. Священнику зъ причетниками 25 к. Въ капунѣ на медъ 20 к.

7. Въ Погарѣ [164]) . . . . . .

---

[164]) За симъ въ рукопись вплетено нѣсколько листовъ чистой бумаги, вѣроятно въ замѣнъ утерянныхъ тетрадей Дневника. Между чистою бумагою вплетена тетрадка въ 12-ть страницъ съ «черными отпусками партикулярныхъ писемъ», изъ которыхъ нѣкоторые будутъ напечатаны въ приложеніяхъ. Затѣмъ начинается Дневникъ за 1742 г.

1742 году.

Мѣсяцъ генварь.

1. По поздравленіи г. генералу лейтенанту, генералу кригсъ-комиссару и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, нынѣшнему малороссійскому главному командиру, новаго году, слушали службы Божой въ церкви св. Николая, а молебствія публичного въ церкви св. Варвары, бывшаго при однократной пушечной палбѣ. Потомъ обѣдали и до позна гуляли у онаго-жъ г. генерала Бутурлина, а въ вечеру былъ фесверкъ съ пущаніемъ по землѣ и вверхъ многихъ ракетъ, которые дѣлали и справляли п. Максимъ Турковскій и п. Андрей Кондзеровскій.

3. Рано посѣщали насъ судія енеральный, его м. п. Федоръ Лисенко зъ сожительницею своею, п. Якубовичъ, асаулъ енеральный, и другіе; и весь день, послѣ вчерашнего гулянія, въ домѣ пробыть припужденъ.

3. Послѣ обѣда многіе посѣщали насъ въ квартерѣ, да и я къ нѣкоторымъ ездилъ.

4. Обѣдалъ я зъ женою у асаула енералного п. Якубовича и весь день у него пробавили, а оттуду какъ возвратился, то и у насъ гостѣ были.

5. Службы Божой и водосвятіе слушалъ въ церквѣ св. Николая; потомъ заездилъ до п. Андрея Миклашевского, а одтоль возвратись въ домъ, вечерялъ зъ хоружимъ полковымъ чернѣговскимъ п. Леонтовичемъ. П. п. Федоръ и Александръ Корецкіи прибыли въ Глуховъ и стали квартерою въ домѣ полковника гадяцкого п. Галецкого.

6. Слушали обѣднѣ въ церкви св. Варвары, а потомъ какъ енералъ, такъ и прочіе гг. великороссійскіе и малороссійскіе пошли за процессією церковною къ водосвятію на рѣку, где устроенъ былъ полкъ глуховского гварнѣзону и сотня глуховская и пушки поставлены; и когда водосвятіе окончилось, то перве солдаты и козаки бѣглымъ огнемъ выпалили, потомъ зъ мартиръ и пушекъ многихъ палено. По водосвятіи были у генерала многіе господа, а также и мы на водцѣ у асаула енералного п. Якубовича; потомъ прибывъ, въ домѣ я обѣдалъ. Сего-жъ числа подписовали писма къ

Государынѣ и къ гг. сенаторамъ, чрезъ отправляючихъся депутатовъ въ С. П. Бурхъ посилаючіесь. Вечеромъ были у мене въ домѣ разные персоны, въ томъ числѣ и гг. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ зубенскій Апостолъ.

7. Отклонились генералу наши депутаты и приняли свою експедицію.

3. Оные депутаты отехали въ путь свой зъ Глухова, чрезъ которыхъ и я писалъ до Михайла Івановича Новоторжцова секретаря, до канцеляриста Федора Афанасіевича Іпихова и до судіи полкового миргородского Федора Остроградского о дѣлѣ моемъ, стороны жалованной грамоты на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ.

9. На вечери сѣдили въ Дунаецъ [185]), для посѣщенія болного сына и тамъ почовали.

10. Рано одтоль возвратясь, слушали службы Божой въ церкви св. Николая; а потомъ будучому мнѣ у генерала, обявлено ехать по станамъ, для турецкого посла учрежденнымъ, даже до самого Кіева, свѣдителствовать заготовленные подводы, провизію и прочее. Сего жъ числа прибылъ изъ С. П. Бурха новопожалованный полковникъ, г. подполковникъ гусарского полку Божичъ, которому вручить клейноты полковые и опубликовать егожъ мнѣ поручено [186]).

11. Отобравши я по порученныхъ мнѣ оныхъ дѣлахъ інструкція и указы, отехалъ зъ Глухова на почтѣ и прибылъ на сумерку въ Кролевецъ. Въ Глуховѣ сегодня трактовалъ у себе г. генералній подскарбій Михайло Василіевичъ Скоропадскій генерала Бутурлина и прочихъ. Въ Кролевцѣ взявъ у сотника подписку, что провизія для турецкого посла вся въ готовности, отехалъ на почтѣ къ Алтиновцѣ [187]), а оттоль до Батурина, куда прибылъ въ полночь, а передъ свѣтомъ тамъ же опостигъ мене полковникъ нѣжинскій Іванъ Пантилимоновичъ Божичъ. Одтоль же зъ Батурина писалъ въ войсковую енералную канцелярію о томъ, что пятого числа подводъ на станъ батуринскій зъ полковъ черниговского и прилуцкого не по-

[185]) Село глуховскаго уѣзда.

[186]) Иванъ Хрущовъ былъ назначенъ полковникомъ въ октябрѣ 1727 года, вмѣсто зятя Скоропадскаго—Толстого; сѣщенъ онъ былъ послѣ долговременныхъ жалобъ нѣжинскихъ полчанъ, за его «здирственныя прихоти». Въ архивѣ генеральной канцеляріи имѣется цѣлое дѣло, наполненное жалобами на Хрущова (№ 3804).

[187]) Село кролевецкаго уѣзда.

ставлено; о чемъ и тѣхъ полковъ къ полковникамъ отъ мене предложено писменно.

12. Въ 8-мъ часу пополуночи віехавъ зъ Батурина, прибыли въ Борзну купно зъ полковникомъ Божичомъ; и тутъ откушавши у сотника борзенского Пантелімона Забѣлы, разехались: онъ въ свой дворъ въ Буромку, а я къ Нѣжину, куда прибылъ уже почью и сталъ квартерою у судіи полкового Леонтія Грановского, за городомъ.

13. Рано былъ у полковника Івана Семеновича Хрущова и обявилъ ему інструкцію, данную мнѣ зъ войсковой енералной канцеляріи, объ отказѣ ему-жъ отъ деревень, на рангъ полковничества нѣжинского надлежащихъ, о опредѣленіи полковника Божича и о протчемъ. Потомъ обежджали зъ полковникомъ и нѣжинскимъ комендантомъ Михайломъ Петровичемъ Пущинымъ дворы, въ которыхъ провизія для турецкого посла заготовлена и станѣ (конюшни) для лошадей строены; и всего того осмотрѣвъ, обѣдали у оногожъ полковника Хрущова; а ввечеру, взявъ у него реверсъ о отездѣ его жъ до Глухова, чтобъ тамъ сталъ къ 18 числу сего генваря, и отобравъ отъ него перначъ, а прочіе клейноты приказавъ поутру отобрать, былъ у отца архимандрита нѣжинского Модеста Велецкого и, позабавившись вночь до нѣсколько часовъ, отехалъ по почтѣ до Посовки, где прибывъ по полуночи въ 1 часу, сталъ квартерою у обозного полкового кіевского Андрея Шаулы.

14. Рано явились у мене гварнѣзону глуховского поручикъ Михайло Фомичъ Динисьевъ и канцеляристъ войсковый Костенецкій, да сотникъ посовскій Карпъ Шаула и прочіи приставленныи къ заготовленію провизіи, подводъ и протчего для посла турецкого; и въ чемъ отъ мене усмотрѣна неисправность, о томъ отъ мене жъ писано въ полковыи канцеляріи нѣжинскую, кіевскую и переясловскую; да о томъ же и въ войсковую енералную канцелярію послалъ репортъ; а за сотникомъ кобизкимъ Мандрыкою посланъ по інструкціи ундеръ офіцеръ, чтобъ его взять въ Посовку за ослушаніе въ непоставки провизіи и протчего; потомъ зъ Посовки отехавъ и проехавъ Козарѣ, прибылъ въ Козелецъ по полудни въ 1-мъ часу, и обѣдалъ у брата отца Іоанна. Послѣ у полковника кіевского г. Танского и у дядка Федора Ханенка былъ, а квартерою сталъ въ домѣ князя Никиты Юревича Трубецкого.

15. Была у мене изъ села Лемешовъ[186]) новопожалованного дѣйствительного камергера Алексія Григоріевича Розумовского матка Наталія Демянова дочъ и вручила писмо для пересилки къ овому сину своему. Осматривалъ я квартеръ и стаень для турецкого посла заготовленныхъ; потомъ обѣдалъ у полковника, а по обѣдѣ былъ у асаула полкового Матвѣя Шума, у Іосифовой сватовой, у Івана Покорского и у п. дядка Федора Ханенка; а потомъ ночю отехалъ въ Посовку, где прибылъ по полуночи въ 1-мъ часу и сталъ квартерою у намѣстника тамошнего отца Малотина.

16. По пересмотрѣ пріуготовленныхъ въ Посовкѣ квартеръ и конюшень и прочего и пообѣдавши у оного жъ намѣстника посовского, отехалъ оттоль и прибылъ въ Нѣжинъ коло вечерень, где сталъ квартерою у Димитрія Николаева, откупщика индукты. Тутъ же въ Нѣжинѣ засталъ я уже прибывшого полковника Божича и у него въ кватерѣ, а въ домѣ здѣшнего войта Петра Стеріевича Тарнавіота до позна въ ночь забавлялись.

17. Рано приказъ отдалъ собрать полкъ и отведши отъ моей квартеры, зъ знаменами полковими и музикою и перначемъ, такожъ зъ сотенными корогвами, устроить въ монастырѣ; потомъ приехалъ ко мнѣ на квартеру полковникъ Божичъ и тутъ мало пообождавши, поки полкъ устроенъ, отехали зъ нимъ въ однихъ саняхъ къ манастырю, где за пріѣздомъ нашимъ, зъ музикою и приклоненіемъ знаменъ, честь отдана. Послѣ того весь полкъ зъ знаменами окружилъ насъ, а я зъ полковникомъ Божичомъ, ставъ при знакахъ полковыхъ и созвавъ всю старшину полковую и сотниковъ, обявилъ имъ и всему полку, что ея імператорское величество всемилостивѣйше пожаловала его, Божича, изъ гусарскихъ подполковниковъ полковникомъ въ полкъ нѣжинскій, и на то ему полковнику данный изъ войсковой енералной канцеляріи унѣверсалъ велѣлъ читать вслухъ, который и читалъ писарь полковой Василь Кулаковскій; а по прочитаню взялъ я большое полковое знамя, вручилъ полковнику, потомъ пѣрначъ и значокъ полковый; и стали оного полковника

---

[186]) Козелецкаго уѣзда, мѣсто рожденія Разумовскихъ. Еще десять лѣтъ назадъ на одномъ изъ огородовъ небольшаго владѣнія Тарховой, въ с. Лемешахъ видѣли мы кирпичный столбъ, обозначавшій по преданію то мѣсто, гдѣ находилась хата, въ которой родились Алексѣй и Кириллъ Разумовскіе.

поздравлять милостію ея императорского величества, и какъ по здѣшнему обычаю покрыли его шапками, то знову музика полковая играла. Потомъ я зъ полковникомъ и всѣ присутствовавшіе, якъ то: полковникъ и нѣжинскій комендантъ Михайло Петровичъ Пущинъ, полковникъ отставный гамбурского полку Зотъ, подполковникъ Карнѣй Ивановичъ Басмановъ, парвского драгунского полку маіоръ Богданъ Михайловичъ Приклонской и проч. многіе офіцери и старшина полковая и сотники, пошли въ церковь и слушали службы Божой и молебствіе, которое отправовалъ его преподобіе отецъ Модестъ Велецкій, архимандритъ здѣшнего манастыря нѣжинского, зъ многими священниками, монахами и мірскими, и по окончаніи оного молебствія была одиножды изъ 9 пушекъ пальба; потомъ отъ церкви пошли церемоніално зъ знаками полковыми, а полковникъ самъ имѣлъ въ рукахъ перначъ, при играню музики полковой до квартери его въ войтовъ домъ, тоже стали за пріуготовленными столами кушать и при пушечной палбѣ гуляли долго впочъ, а на остатокъ были еще и у отца архимандрита. Пришла свита посла турецкого.

18. У полковника-жъ Божича обѣдали; потомъ пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трактаменту.

19. Рано пріехалъ въ Нѣжинъ генералъ маіоръ Даревскій; потомъ прибылъ и полномощный турецкій посолъ зъ всею своею свитою, которого встрѣчею и пушечною палбою почтено; онъ же вездилъ изъ своею музикою, а по прибытіи его въ квартеру были мы у него жъ, посла, зъ енераломъ маіоромъ Даревскимъ, зъ которымъ онъ лежа на своихъ подушкахъ, мало де що чрезъ переводчика говорилъ, а потомъ зъ нимъ же енераломъ и протчими обѣдали у полковника Божича.

20 и 21. Отправленіе чинили зъ маіоромъ Іаковомъ Любимовичемъ Полянскимъ въ полки чернѣговскій, прилуцкій, переяславскій и нѣжинскій о наборѣ подводъ подъ посла.

22. Учинили турки нападеніе на дворъ войта нѣжинского Тарнавіота и взяли у него двохъ дѣвокъ крещеныхъ, однужъ отпустили, а другую увели къ послу. Отправленъ отъ мене репортъ до Глухова въ войсковую енералную канцелярію.

23, 24, 25 и 26. За наборомъ подводъ же отправленія чинили.

27. Кушалъ я зъ маіоромъ Поляпскимъ у отца Стефана Олховского, протопопа нѣжинского.

28. Самъ посолъ зъ своею свитою ездилъ до деревнѣ Синяковъ и тамъ нападеніе учинилъ на дворъ полковника Зота и немалое разореніе тамъ починилъ. Сего жъ числа отъ комиссіи при посольствѣ турецкомъ обрѣтаючейся, чтобъ вмѣсто санеи заготовлять подъ опое посольство телѣги и роспуски, обявлено.

29. Обявлено жъ, что посолъ турецкій совсѣмъ ити памѣренъ на Переволочную, о чемъ отъ насъ посланъ репортъ въ Глуховъ, чрезъ Стефана Карпѣку.

30. Явился сотникъ столинскій [189]) Іванъ Бобиръ къ подводамъ изъ полку черпѣговского набраннымъ. Отправлены писма въ Товкачовку [190]), до старосты тамошнего и до судника о стадниѣ нашей.

31 Набѣрали вездѣ, у кого ни сискались, коляски, возы, колеса и роспуски.

Февраль.

1. Принесены чрезъ Стефана Карпѣку указы зъ Глухова до мене и до маіора Полянского, чтобъ для слѣдованія посла турецкого отъ Нѣжина до Переволочной учинить по опредѣленнымъ станамъ надлежащее приуготовленіе, чего для присланные зъ Глухова поручикъ Цурковъ и канцелярист Костепецкій по тракту на Прилуку, Пірятинъ, Лубнѣ, Хороль и потомъ къ Переволочной отправлены.

2. Для того жъ приуготовленія и судія полковый нѣжинскій Леонтій Граповскій, по инструкціи отъ насъ данной, тѣмъ же трактомъ отправленъ къ Переволочной; а ночю прислано требованіе отъ полковника Алсуфева, все ли уже по опому до Переволочной тракту заготовлено и не будетъ ли ни за чимъ остановки или неудоволствія посолству.

3. Въ 8-мъ часу предъ полуднемъ опий же полковникъ Алсуфевъ обявилъ, что посолъ знову на Кіевъ свой путь воспріемлетъ и на Переволочную не пойдетъ, о чемъ отъ мене и къ полковнику прилуцкому Галагану для сообщенія и въ другіе полевые полки писано.

---

[189]) Мѣстечко Стольное, сосницкаго уѣзда.

[190]) Село прилуцкаго уѣзда.

4. Турки ввечеру и вночъ долго отправляли свои молитви съ музикою своею и бубнами ради байрама, завтра у нихъ празднованись имѣючого.

5. Первей въ поселской квартери музика ихъ турецкая играла и самъ посель нѣкоторые свои церемоніи по ихъ набожелству отправлялъ, потомъ оная жъ музика и по другимъ квартерамъ до знатнѣйшихъ турковъ ходила съ поздравленіемъ, а съ полдня стали собиратись къ походу и нѣкоторая знатная часть поселской свиты ночю изъ Нѣжина пошла до Носовки.—Василю, шведской націи столяру нѣжинскому, который договорилъся сдѣлать мнѣ шафу, даны 4 р., а еще ему надлежитъ додать 50 к.

6. По полуночи въ 8-мъ часу и самъ посель съ останною свитою подняліся съ Нѣжина, которого препровождено съ пушечною налбою и съ командами драгунскою и козацкою. Оный же посель обѣдавъ въ Дѣвици (Володьковой), а на ночъ прибылъ въ Носовку. Объ опомъ виездѣ посла отправленъ репортъ нашъ въ Глуховъ и отвѣтъ противъ указу о посланныхъ отъ насъ въ полки обявленіяхъ, что уже посель на Кіевъ трактъ воспріялъ.

7. Мы съ Нѣжина віехали, а посель съ Носовки поднявъся, обѣдалъ въ деревнѣ Ставиское, а почовалъ въ Козелцѣ; мы же почовали въ Ставискомъ.

8. Съ Козелца поселская свита рушила ночю, а самъ посель въ 8-мъ часу по полуночи, въ якомъ часу и я прибылъ въ Козелецъ; посель же на ночъ притягъ въ Семиполки и ночюжъ одтоль подняліся. Я почовалъ въ Сокиринѣ.

9. Обѣдалъ посель въ Димерцѣ, а въ Броварахъ прибравшись съ своею свитою въ лучшее платя и прибравъ своихъ лошадей стройно, пошолъ снѣшно къ Кіеву и прибылъ въ Кіевъ въ 3-мъ часу по полудни, где его налбою съ многихъ пушокъ и полки въ строй поставленные салютовали. Я и маіоръ прибыли на ночъ въ Бровари.

10. Посланы поруччикъ Денисьевъ и сотникъ носовскій Шаула въ Кіевъ, а оттоль какъ прибылъ къ намъ въ Бровари Стефанъ Карпѣка, то мы оттуду и сами отехали и прибыли на ночъ въ Димерку, где заехавъ въ дворецъ, застали тамъ маіора полку пѣхотного володимирского Николая Алексіевича Хомутова.

11. Рано прибыли въ Семиполки, где догналъ насъ и капралъ, въ Глуховъ посланный, которій привезъ намъ указъ о провизіи

въ полку кіевскомъ заготовленной. Я заездилъ въ Секириню до Григорія Парженка и до сестри Евфиміи, у которихъ тамъ пообѣдавъ, прибылъ на ночъ въ Козелецъ и тутъ сталъ квартерою у князя Трубецкого домѣ.

12. По молебствіи и службѣ Божой, перве были многіе въ моей квартерѣ; потомъ обѣдали у маіора Полянского, а послѣ побувавъ у дядка Федора Ханенка и отца брата Іоана и простясь съ ними, отехалъ поздно зъ Козельця и прибылъ на ночъ до Козари.

13. Рано прибылъ въ Носовку, а передъ вечеромъ въ Нѣжинъ.

14. Обѣдалъ у полковника нѣжинского Івана Пантелимоновича Божича, а вечерялъ у полковника и коменданта Пущына.

15. Купилъ суконка 20 локотъ за 5 р. 40 к., четири юои за 4 р. 50 к., да у значкового товариша Медовниченка взялъ тронъ суконъ за 19 р. 20 к. Обѣдалъ у коменданта Пущына, у которого и дзигарокъ свой зъ портретомъ оставилъ для направы. Послѣ простясь съ нимъ на квартерѣ маіора Полянского, отехалъ позно и прибылъ ночю въ Комаровку; тутъ до свѣта почивалъ.

16. По полуночи въ 9-мъ часу прибылъ въ Борзну и сталъ квартерою у Стефановой Забѣлиной, а обѣдалъ у сотника тамошнего; потомъ заездилъ до Стефана Рыби, который имѣетъ за собою племянницю мою Іуліану, дочь Николая Забѣлы; а послѣ вечерень прибыли въ Батуринъ, куда позно прибылъ же и Федоръ Чуйкевичъ.

17. Прибылъ до Кролевця въ 11-мъ часу, а потомъ въ Глуховъ и былъ позно у генерала Бутурлина.

18. Обѣдалъ у генерала жъ и получилъ отпускъ въ домъ; а вечеромъ былъ у бригадира Иліина. Писалъ къ полковнику лубенскому въ Москву чрезъ полковника Телищева. Василку въ Дунасцъ отосланы панчошки и другія вещи.

19. Противъ сего числа ночю получилъ извѣстіе изъ С. П. Бурха генералъ Бутурлинъ, что пожаловано его въ дѣйствителные камергеры, чимъ его превосходителство всѣ и поздравляли. Писалъ я до полковника полтавского г. Кочубея, благодаря за присылку ленчика крымского и 2 паръ тебенокъ. Асаулъ енеральный м. Якубовичъ отправленъ для учрежденія всякого приуготовленія подъ посла турецкого, слѣдовать имѣючого зъ Кіева на Переволочную, которому дана отъ мене коляска для поезду, взятая у откупщика индуктарского Дмитрія Николаева Сердюкова. Я виехалъ зъ Глухова въ

3-мъ часу пополудни и прибылъ въ Локотки въ ночь 2 годины, оттоль выехалъ о полночи и въ Ображѣвцѣ переменивъ санѣ и коней, прибылъ

20 числа въ Новгородокъ въ 7 часу по полуночи; тамъ видѣлъся съ полковникомъ московского драгунского полку г. Львовымъ и у сотника былъ; оттоль передъ обѣдомъ отехавъ, прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу предъ полуночю.

21. Во время обѣда сотникъ погарскій Соболевскій съ женою своею и Григорій Покасъ съ женою жъ прибыли къ намъ въ Перегонъ и тутъ отобѣдавъ, доволно времени пробавили.

22. За нѣкоторыми покупками посилана Петриха въ Стародубъ.

23. Былъ я съ женою на Василіовцѣ. За леченіе хлопца полудивого заплачено теперь полтину, а передъ симъ другую.

24. Пріездилъ изъ Новгородка муровщикъ Стефанъ Жолдакъ. Василіовскому одному человѣку позиченъ 1 р.

25. Муровщику Стефану Жолдаку въ задатокъ на роботу 1 р. 90 к., а передъ симъ ему жъ дано 3 р. 10 к., да горѣлки квартъ 32, и чрезъ него жъ посланъ стѣнный дзигаръ для направы, при писмѣ до намѣстника монастыря новгородского отца Алексія и о присилкѣ къ намъ цегельника.

26. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского. П. Александръ Корецкій съ женою прибылъ къ намъ въ Перегонъ и тутъ почовалъ.

27. Отехалъ онъ же послѣ обѣда въ Левенку.

28. Писалъ до полковника лубенского и до господина Скоропадского о своемъ дѣлѣ.

Мартъ.

1. Оные писма отправлены въ Новгородокъ для пересылки оттоль въ Глуховъ. Сего жъ числа надвечери отехалъ я съ дому, забираючи трактъ на полѣся и прибылъ въ Левенку около полночи; а оттоль съ Александромъ Корецкимъ

2. Въ Стародубѣ позабавились за полдень, а потомъ выехавши прибыли на почь въ деревню Стодолу и тутъ въ дворцѣ п. Івана Бороздны медведовского ночовали.

3. Оттоль рано поехавъ, переехавъ Рудню полковничую и прибыли въ Жовпецъ о полдни, а потомъ въ заводъ п. Корецкого [191]), где и ночовали.

[191]) Теперь деревня, Корецкій Заводъ, суражскаго уѣзда.

4. Пріехали рано въ слободу Александра Корецкого Уноповъ, и тамъ въ дворцѣ Давидовича коней кормили и обѣдали, а потомъ отехавши прибыли на ночь въ Лотоки, где сталъ квартерою у Федора Пригаровского.

5. Сисковали священника зъ Поповой Горы отца Тарасія Хандожку, передъ которымъ и исповѣдались. Былъ у мене въ квартерѣ сержантъ стародубского гвардѣзонного полку Герасимъ Григоріевъ, который зъ старостою моимъ Федоромъ Алексіевымъ подрался.

6. На службѣ Божой въ Лотокахъ причащались зъ Александромъ Корецкимъ и всѣ люде при насъ бывшіе. Послѣ обѣда ездили на слободу въ урочище Ишницкое и тамъ обще зъ Іваномъ Самойловымъ и Стефаномъ Пригаровскимъ и зъ людми лотоковскими розсматровали мѣстъ, подъ селидбою тамъ же будучихъ, а отоль заездили къ Стефану Пригаровскому. За 20 пудъ меду заплачено Федору Пригаровскому 21 р. 54 к.

7. Писано отъ мене къ прапорщику Сидору Петровичу и къ другому прапорщику въ Мглинѣ стоящему, а имѣющему прибыть въ Лотоки для слѣдствія о помянутомъ сержанту Григоріеву въ обидѣ и побояхъ, людямъ нашимъ отъ него показанныхъ. Отъехали подводы наши зъ досками липовыми и дубовыми, которые привозили въ Лотоки хлѣба 16 осмачокъ, якое зсыпано въ имбарѣ у Димида, а поручено оное Федору Пригаровскому и Афанасу Сковпню. По полудни віехали и самы зъ Лотоковъ и повечерявши въ дворцѣ монастырскомъ на Поповой Горѣ, прибыли почю въ Кузнецы и тамъ ночовали.

8. Прибыли въ заводъ Корецкого въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, где за 4 пары садовъ до плуговъ украинскихъ дано 1 р. 60 к. руднику Афанасу Грибу, которому и плашина лотоковская дана для оробковъ, якыхъ паръ 10 къ празднику онъ обѣщалъ. Зъ заводу послѣ полдня поехавши, кормили лошадей въ Стодолѣ и отоль прибыли въ Ярцевъ по полуночи къ Григорію Борознѣ.

9. Писалъ зъ Ярцова къ Івану Борознѣ въ Медведовъ о снѣцару Никитѣ; оттоль же поехавши, прибыли въ Стародубъ въ 10-мъ часу по полуночи, где погодя малъ часъ, была у мене старшина полковая.

10. Івану теслѣ (плотнику) на его нужды въ щотъ за роботу данъ 1 р. Коло вечерень визитовали насъ Григорій Скорупа, Іванъ Гамалѣя

капитанъ Ланкъ съ женою и протчіе. Отдалъ Гамалѣя должные намъ 6 р. 70 к. и отехалъ онъ же въ Юдиновъ.

11. На вечери віехали зъ Стародуба и прибывъ въ Левенку, тамъ ночовали.

12. Тамъ же въ домѣ Александра Корецкого видѣлась зъ нами бунчучная Галецкая, а потомъ отехала къ Погару; мы же отобѣдавши, отехали и прибыли въ Перегонъ на смерку. Ночю греблю нашу городискую порвало.

13. Получилъ указъ изъ енералной канцелярiи о врученiи полковнику стародубскому Федору Дмитрiевичу Максимовичу полковыхъ клейнотовъ и команды, чего для и віехалъ по полудни зъ Перегону къ Стародубу, куда и прибылъ я о 2 години въ ночь, а полковникъ коло полуночи.

14. Подлугъ отданного вчора приказу собранъ полкъ зъ знаменами передъ мою квартеру, а потомъ какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятiемъ ружья на караулъ и зъ музикою; потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церквѣ и какъ тамъ построiлься въ трiангулъ, то и я зъ полковникомъ прiехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь, при играню музики, ружьемъ и випалено зъ трохъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ и старшина полковая, и сотники, и значковые посередъ строю, при знаменахъ, стали, то я, учинивъ обявленiе о опредѣленiи въ полкъ стародубовскiй полковникомъ г. Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой енералной канцелярiи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковый Стефанъ Петрункевичъ, а по прочтенiи уневерсалу, взявь я перве болшое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные ручилъ полковнику; потомъ показавъ ему жъ лѣтаври и музику полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрить и по здешнему обычаю покрывъ его жъ шапками, окончали тую церемонiю поздравленiемъ его, полковника, полученiемъ той императорской милости, при чемъ паки изъ пяти штукъ випалено, и пошли всѣ въ церковь, а по службѣ Божой было молебствiе при трократной изъ пушокъ палбѣ, а на остатокъ изъ мелкаго ружья козаки одинъ залпъ випалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мартировъ и мелкого ружья палбѣ, гулали до позна въ ночъ.

15. Старшина полковая и сотники рано у мене были, но потомъ весь день пробавилъ я въ домѣ ради вчерашняго излишняго питя, посилалъ по откупщика зборовъ Гаврила Яковенка, жителя глуховского.

16. Получилъ указъ ехать въ Глуховъ. Передъ полднемъ былъ у мене въ домѣ полковникъ со всею старшиною и сотниками, а отъ мене пошедши, гуляли у обозного, судіи и писаря полковыхъ и у писаря судового Косача; потомъ у полковника купали, где случился и Григорій Бороздна ярцевскій, который для сына моего подарилъ малого конька.

17. Простившись съ полковникомъ и прочими, отехалъ съ Стародуба и мало давъ отдохнуть лошадямъ въ Случку, пріехалъ съ попомъ Алексіемъ Хелкидоцкимъ еще завчасу до Перегону. Ночью знову порвало греблю городискую.

18. Принесенъ указъ съ суда енералного, чрезъ нарочного компанѣйця, объ отвѣтствіи противъ пунктовъ по дѣлу Соколовского съ Япушкевичемъ. Учиненъ контрактъ съ подданнымъ монастыря новгородского Тарасомъ Юденкомъ дѣлать цеглу, за которую платы давать ему отъ всякой тысячи по 7 гривенъ, и дано ему-жъ задатку 4 р. Кравцю стародубовскому Евтуху дано дѣлать двѣ пари платя нового, и каѳанъ злотоглавный къ починки, и на потребы къ той роботѣ данъ 1 р. Писаны въ полковую стародубовскую канцелярію два представленія: 1-е о откупщикахъ зборовъ, что лишнее берутъ, чего и указами не повелѣно, 2-е о форпостѣ лотоковскомъ и о сержантѣ тамо стоячомъ Герасяму Григоріеву.

19. Отправлено допошеніе въ судъ енералный съ отвѣтами по дѣлу Соколовского, чрезъ того-жъ компанѣйця, да и писма до г. бригадира Иліина, до Скоропадского и до Якубовича и до Романа въ дворъ, такожъ до Несторовича въ Новгородокъ о отсилки бочокъ до Глухова. Преднамѣненные же представленія въ полковую стародубовскую канцелярію посланы чрезъ сторожа Гриневича и писмо до Кочержинского. Микита сѣцарь, присланный отъ Івана Бороздны медведовского, началъ роботу въ Городищѣ. Римарь Ярема наказанъ за пянство и обѣщалься впредъ не пить.

20. Маляръ, изъ Гримячого присилапный, взялъ маліовать плащеницу до церкви городиской. Отобраны у Петрихи зъ пивку погарского за станъ оковитой (водки) 4 р., а за простой 2 р. Озер-

скій прислалъ должного 1 р., а до Багинского послана при писмѣ мѣра на стекло. Были у мене панѣкадилщикъ Никита Ивановъ и столяръ, зъ которыми договорилъся зъ панѣкадилщикомъ о вилитю бляхъ на шоры, а зъ столяремъ на роботу 7 дверей до нового будинку; а давать имъ задатку по 2 р. и по чвертцѣ муки житной. Сего числа взялъ Мойсѣй Оршава пивець для обученя хлопця зъ Лотоковъ Василя Пятина.

21. Вышенамѣненные задаточные денги 4 р., да 2 чвертки муки, такожъ три осмачки жита Марьѣ Украинцѣ обѣщанные, отправлены въ Стародубъ чрезъ Грицка. Писалъ до писаря полкового Петрункевича за Іваномъ Хрящковскимъ. Василь Мовчаненко суходолскій отпущенъ въ домъ.

22. Писалъ до капитана Берга стороны прапорщика Козми Лвова, который на греблѣ на Ворѣ бралъ у нашихъ людей три конѣ въ подводу до Погари, и о заборѣ на торгу у людей нашихъ подводъ до Новгородка, для привезеня оттоль овса въ Погаръ.

23. Отправленъ до Мглина за стекломъ кухаръ Іванъ и дано ему 2 р. 10 к. и писмо до хоружого сотенного Тита Голяка. При указѣ ко мнѣ изъ войсковой енеральной канцеляріи привезъ значковый товарищъ Данило Зиневичъ пѣрначъ полку стародубовского, для врученя оного полковнику стародубовскому г. Максимовичу.

24. Писалъ къ полковнику стародубовскому о полученіи пѣрнача и о присылки сторожа поліового для отрепортованія въ Глуховъ, такожъ о предложеніи въ сотню погарскую ордеръ, чтобъ давано, по требованіямъ моимъ, козаковъ зъ куреней перегонского, дарієвского, случевского и чаусовского, и оное писмо отправлено чрезъ Данила Зиневича, за которого и рекомендацію цедулою писалъ. Господинѣ Василювской Варцѣ, которая отежала прошлого генваря 24, заплачено за ся службу, що надлежало, 90 коп. У шинкаря марковского (с. Марковска) за станъ горилки отобрано 2 р. 50 к.

25. Ночовали въ Городищѣ, где по слушанію всенощного и утренного пѣнія, а потомъ и литургіи, возвратились опять въ Перегонъ и тутъ какъ зъ городецкими попами обома, такъ и зъ отцемъ Алексіемъ, обще кушали обѣдъ.

26. Писалъ репортъ противъ указу стороны пѣрнача и чтобъ не ехать мнѣ въ Глуховъ передъ праздникомъ, о чемъ писалъ же и до г. Скоропадского.

27. Оные репортъ и писмо отправлены до Глухова сторожемъ поіовымъ, присланнымъ, при писмѣ отъ полковника стародубовского г. Максимовича, а самъ я по обѣдѣ зъ попомъ Алексіемъ, отехали къ Стародубу и прибыли уже туда позно.

28. Передъ службою Божою была у мене старшина полковая, а по службѣ, слушанной въ церквѣ Духовской, былъ у мене протопопъ, отецъ Іванъ стародубовскій, такожъ п. Александръ Корецкій зъ женою, и потомъ отехалъ я къ полковнику; и какъ толко вехалъ въ дворъ, то зъ музикою честь мнѣ отдано, и полковникъ зъ всею старшиною встрѣтилъ передъ крилцемъ; а когда вошолъ я въ болшую избу, то випалено зъ трохъ штукъ, а послѣ велѣлъ принесть перначъ и оный вручивъ полковнику, зъ учиненнымъ ему поздравленіемъ; далѣе, за приуготовленнымъ болшимъ столомъ сѣвши, кушали обѣдъ и пили за високія здравія при пушечной палбѣ и даже до позна гуляли. При якой компанѣи былъ и братъ полковничій, п. Василь Максимовичъ, сотникъ волинскій (м. Волынки) зъ женою своею. По отездѣ же моемъ изъ оной компаніи, учинилась ссора, въ которой обозный полковый Юркевичъ и арестованъ былъ.

29. Кушали у мене п. Александръ Корецкій зъ женою, а между тѣмъ пріехалъ и полковникъ Максимовичъ, которого я упросилъ свободить отъ аресту обозного полкового Юркевича и отдать ему шабло, что и здѣлалось; и за приходомъ его и другой старшины полковой въ мой домъ, учинили прощеніе, и потомъ со мною простясь, полковникъ и братъ его Василій, сотникъ волинскій, такожъ старшина полковая отошли, а мы отехали на почъ до Левенки, куда въ вечеру прибылъ и Григорій Бороздна ярцевскій зъ своею женою.

30. Послано отъ старосты перегонского въ полковую стародубовскую канцелярію доношеніе на ратушю погарскую, что побрато людей нашихъ въ Погарѣ на торгу и послано въ Новгородокъ. Писалъ и до писаря полкового Петрункевича стороны опредѣленія козаковъ зъ ближныхъ куреней, чтобъ напомятовалъ полковнику, да и о томъ же доношеніе; такожъ писалъ до сотника тоналского Лиджула о присылки зъ Сытой Буды маляра Василя Пивоваренка; и рано отехавъ зъ Левенки, прибыли до Перегону коло полдня. Писанъ репортъ въ войсковую енеральную канцелярію противъ указу присланного ко мнѣ о поездѣ для присутствія